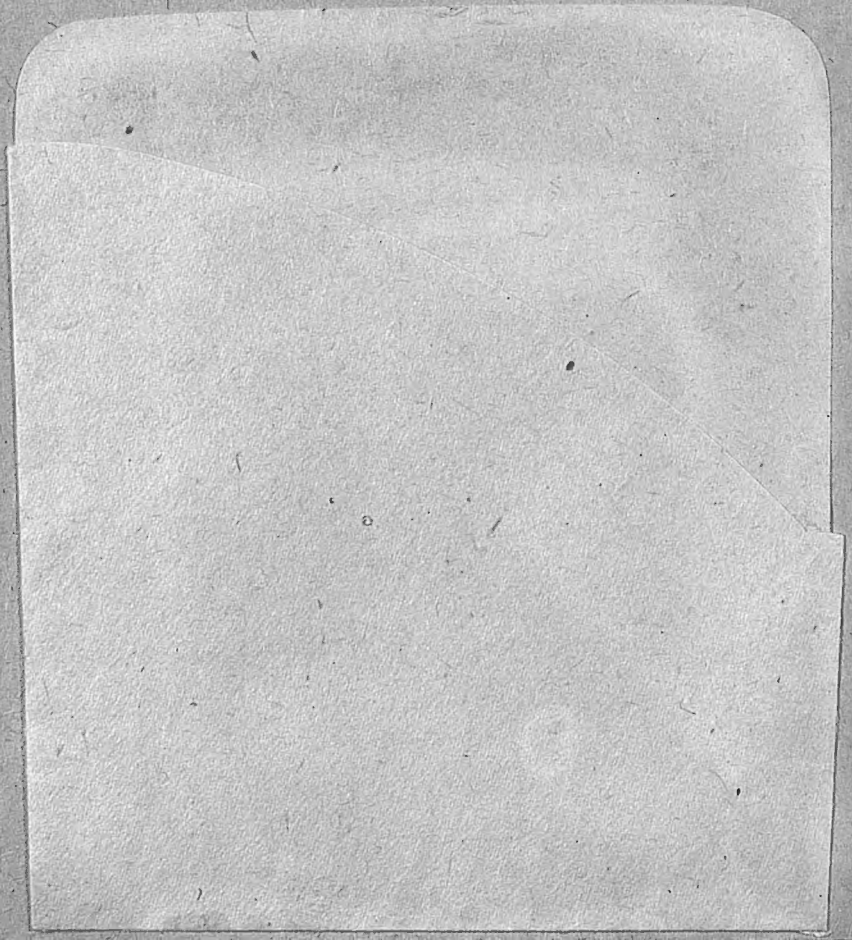
КП
130
Е57.

КП
130
Е57

А. ЕЛЬНИЦКИЙ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“



КП
130
Е 57

А. ЕЛЬНИЦКИЙ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1 9 2 5

Название .....

[331.88(47) В случае недостатка места, пишите на д

Напечатано в первой типографии
Издательства „Пролетарий“,
Харьков, Пушкинская, 40,
в колич. 10000 экземпл.
Укрглавлит № 16069.
Заказ № 1026.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 5205

616491

Вместо предисловия.

На судьбах профессионального движения в России отразилось прежде всего своеобразие экономического развития страны. Коренная Россия не знала цехового строя, который наложил отпечаток на взаимоотношения классов в Западной Европе.

Слабому развитию городов сопутствовало у нас и слабое развитие ремесла. Взамен него преобладание избыточного сельского населения очень рано толкнуло последнее на организацию кустарного производства.

Торговый капитал, который довольно рано проник в эту отрасль народного труда, мог эксплоатировать и действительно эксплоатировал крестьянина-кустаря во-всю, но распыленные крестьянские хозяйства, для которых в большинстве случаев кустарный труд являлся лишь подсобным заработком, были бессильны противопоставить этой эксплоатации организованное противодействие.

Такое положение вещей продолжалось в течение целых столетий, при чем именно беспредельность эксплоатации кустаря торговым капиталом была одной из причин, задерживавших развитие в России крупного промышленного производства.

Последнее стало усиленно развиваться лишь тогда, когда стали сильно возрастать потребности самого государства в продуктах массового производства на нужды армии, флота и т. д.

Значительного развития фабрики и заводы в России достигли поэтому только к концу XVIII века, т. е. в царствование Екатерины II, до этого же они насчитывались при Петре I лишь десятками и при его приемниках — сотнями.

Но именно этот период в русской истории является моментом самого пышного расцвета крепостного права, когда государственная власть, выдвинутая и поддерживаемая дворянской гвардией, стремилась не только окончательно оформить крепостной порядок, но по возможности распространить его на весь общественный строй.

Естественно поэтому, что крепостнические отношения преобладали в этот период и на фабрике. Подавляющее большинство занятого в промышленности пролетариата принадлежало и без того к крепостному сословию, но и по отношению к вольнонаемному рабочему предприниматели, не довольствуясь экономической властью капитала, стремились распространять характер кабально-крепостной зависимости.

А благодаря этому и та борьба рабочих, которой наполнены полтора века существования крепостной фабрики в России, носила на себе особый характер не столько борьбы с капиталистом, сколько с барином-крепостником.

В подавляющем большинстве рабочий, занятый на крепостной фабрике, продолжал чувствовать себя прежде всего крестьянином, он не успел еще отмежеваться, как класс, а тем более не мог оформить и осознать свое подлинное положение в нарождавшемся капиталистическом строе.

Поэтому-то почва для профессиональной борьбы рабочего класса, для создания им своих профессиональных организаций появилась только после падения крепостного права.

Но и после падения крепостного права, сопровождавшегося пышным расцветом капитализма, в коренной России должны были пройти целые десятилетия, прежде чем профессиональное движение пролетариата стало властно прокладывать себе дорогу, вовлекая в свое русло сотни тысяч обездоленных и беззастенчиво эксплоатируемых капиталом пролетариев.

Правда и до начала широкого профессионального движения были отдельные попытки вовлечения рабочих в разного рода общества, легальные союзы и кассы. Но все подобного рода попытки были чужды характера классовых организаций, они были скорее учреждениями филантропического характера и благодаря этому не могли оказать серьезного влияния не развитие борьбы рабочего класса или улучшить его положение. Но тем не менее они приучали рабочих к идее организации и ведению общественных дел и поэтому, знакомясь с историей возникновения боевых профессиональных союзов рабочего класса России, нельзя обойти молчанием эти попытки создания легальных рабочих организаций, еще далеких от классовой борьбы. Потребовалась целая цепь экономических кризисов, неизбежно сопутствуемых тягчайшей безработицей и обрекавших пролетариат на невероятные страдания и муки,

чтобы пробудить в рабочих массах классовое самосознание и толкнуть их на путь строительства боевых профессиональных организаций.

Первые попытки создания таких организаций, вначале исключительно нелегальных, относятся к концу XIX и началу XX столетия.

Очень немногочисленные и большей частью непрочные вначале, эти первые попытки строительства профессиональных организаций, предпринятые рабочим классом России, под руководством с.-демократии, обеспечили однако дальнейший невероятно быстрый рост и правильную организацию рабочих профсоюзов, когда пролетариат выступил в 1905 г. в открытую революционную борьбу и добился своей первой победы.

Так обстояло дело, как мы сказали выше, в коренной России.

На западных же окраинах, главным образом, в Царстве Польском, Литве, в Прибалтийских губерниях, экономическое развитие которых было несколько иным, профессиональное движение началось несколько ранее.

Большая роль, принадлежавшая в этих местах городскому ремеслу, сохранившему кое-какие организации подмастерьев, сказалась в том, что прежде всего ремесленный пролетариат этих районов оказался более подготовленным к профессиональной борьбе, чем пролетариат коренной России. Но и пролетариат крупной промышленности в западных окраинах, который отчасти вербовался из рабочих, разрушаемых капитализмом мелких ремесленных мастерских, также нуждался благодаря этому в меньшем периоде времени, чтобы приступить к созданию мощных профессиональных организаций. Правда, широкое профессиональное движение в этих районах проявилось также не сразу, но все же начало ему было положено гораздо раньше и первые попытки создания боевых профессиональных союзов здесь относятся еще к 80-м годам прошлого столетия.

Дальнейшее развитие профессионального движения России должно было испытать на себе все прелести господствовавшего в стране самодержавно-полицейского режима, который и после поражений 1905 г. мечтал еще в течение двенадцати лет задушить стремление пролетарских масс к свету, знанию и созданию своих боевых организаций. Тысячами скорпионов обрушивался

царский аппарат власти на существовавшие профессиональные организации рабочего класса, мечтая вырвать их с корнем и были моменты, когда ему действительно удавалось торжествовать временную победу. Но вслед за тем наступал новый подъем рабочего движения, сопровождавшийся новой неустанной работой по воссозданию разрушенных союзов, которые возрождались еще более могучими, еще более революционно настроенными...

Революция 1917 года, положившая конец этой непрекращающейся борьбе профсоюзов за свое существование, в то же время поставила перед ними и ряд новых, вытекавших из условий тогдашнего момента, задач.

Во всей полноте и объеме эти новые задачи стали перед профессиональными союзами только после октября 1917 г., когда история, поставив у власти политическую организацию рабочего класса, заставила и его профессиональные организации пересмотреть программу своей деятельности.

Задачей настоящей книги является познакомить читателя в связном обзоре с не такой уже давней, но тем не менее достаточно поучительной историей профессионального движения в России от его возникновения по возможности до наших дней.

Так как профессиональное движение является лишь одним из русл рабочего движения вообще и тесно переплетается с политической борьбой рабочего класса, то правильное изучение его требует предварительного знакомства с общим развитием рабочего движения в данной стране.

В настоящем труде автор вынужден был по характеру работы выделить чисто профессиональную борьбу пролетариата России, лишь попутно касаясь ее взаимной связи с другими формами рабочего движения и поэтому отсылает читателя, желающего усвоить правильную перспективу на роль и значение профессиональной борьбы пролетариата России к другому своему труду — к „Истории рабочего движения в России“.

Возникновение легальных касс и обществ взаимопомощи среди рабочих и ремесленников.

Боевым профессиональным рабочим организациям в России предшествовали разного рода общества взаимопомощи, братства, похоронные кассы и т. п. организации.

Возникновение их в Центральной России относится к 1850—1860 годам минувшего столетия, на западных же окраинах России — в Царстве Польском, Прибалтийскомкрае, Литве они существовали много раньше.

Упоминания о таких организациях в Польше и Остзейском крае среди ремесленников встречаются даже в XVI столетии, они объединяли подмастерьев для оказания помощи на случай смерти, болезни, безработицы, переезда на новые места и т. п. Но более подробных сведений об этих организациях не сохранилось. К началу XX столетия в одном только Прибалтийском крае таких обществ и касс среди ремесленников насчитывалось около сотни.

В Польше кассы взаимопомощи на случай болезни и смерти существовали почти при каждом ремесленном цехе, но и относительно их деятельности также почти не сохранилось сведений.

Среди еврейского пролетариата Западного края и Литвы также издавна существовали особые общества взаимопомощи, носившие название „хевры". В них входили как хозяева, так и подмастерья и первоначально они носили на себе религиозный отпечаток.

У каждого такого общества был свой устав, обязательно написанный на пергаментном свитке; принятие устава сопровождалось особыми религиозными обрядами. Особыми церемониями, унаследованными, повидимому, еще из эпохи средневековья, обставлялся также и выбор правления „хевры".

Сперва все члены такого общества избирали из своей среды жребием особых делегатов. Делегаты, опять-таки посредством

жребия намечали выборщиков и, наконец, последние уже прямым голосованием избирали правление „хевры".

Члены такого общества обязаны были уплачивать помимо вступительного взноса также в ежемесячные отчисления и из собранных таким путем средств оказывалась помощь нуждающимся членам „хевры". На обязанности членов, кроме того, лежало по очереди посещать заболевших товарищей, сопровождать гроб умерших на кладбище и собираться для чтения молитв в течение месяца после смерти.

Такие общества взаимопомощи среди еврейского пролетариата были довольно многочисленны еще в 70—80-х годах прошлого столетия, но затем они стали уступать место либо боевым профессиональным союзам, организуемым революционной с.-демократией, либо же перерождались сами, дифференцируясь, с одной стороны, в чисто пролетарские „хевры", при чем религиозный характер организации обычно совершенно исчезал, а задачи взаимопомощи отходили на задний план, уступая место руководству экономической борьбой с предпринимателями, а с другой стороны — в предпринимательские союзы.

В коренной России организации взаимопомощи были значительно менее распространены, хотя тяготение к образованию их как среди служащих прилавка и ремесленных рабочих, так и среди промышленных и транспортных рабочих, было налицо.

К началу XX века таких обществ по Центральной России насчитывалось свыше сотни, в особенности они были распространены среди приказчиков, типографских рабочих и ремесленников; среди первых насчитывалось 74 общества взаимопомощи, у типографщиков было около 15 вспомогательных касс и в разных отраслях ремесла их было до 20.

Первое из приказчичьих обществ было организовано еще в 1859 г. в г. Риге; вслед за ним в 1863 г. открылось Московское, а в 1865 году Петербургское общество купеческих приказчиков.

Затем в течение первых двадцати лет открывалось в среднем по одному обществу в год и только начиная с 80-х годов истекшего столетия они стали довольно быстро организовываться во всех губернских городах и крупных торговых центрах.

По пятилетиям возникновение их происходило в следующей прогрессии.

В	1860	— 1865	4
„	1866	— 1870	6
„	1871	— 1875	2
„	1876	— 1880	4
„	1881	— 1885	7
„	1885	— 1890	11
„	1891	— 1895	22
„	1896	— 1899	14
неизвестно когда			4
Всего			74 [1]

Начавшееся с 80-х годов стремление пролетариев прилавка к организации обществ взаимопомощи совпадает с моментом обострения промышленного кризиса и усиления рабочего движения в России. Но в то время, как промышленный пролетариат заводов и фабрик, правда, еще также стихийно, но уже подымался на борьбу и этой борьбой вынудил правительство постепенно ступить на путь законодательного оформления наиболее важных условий труда, среди приказчичьего пролетариата продолжали еще господствовать чисто патриархальные взаимоотношения со своими хозяевами.

Отголоски пролетарской борьбы, повидимому, доносились уже и в эту забитую среду и она чувствовала на своей спине железные законы промышленных кризисов, отражавшихся неизбежно и на торговле, но выход из тяжелого положения рабов прилавка рисовался приказчикам не в открытой борьбе за удовлетворение насущных требований, а в организации обществ взаимопомощи, носивших определенно благотворительный характер.

Общее число членов всех приказчичьих обществ к концу 90 годов XIX века достигло 20.000 чел. В среднем на одно общество приходилось 275 членов, но характер этих организаций иллюстрируется тем, что на каждые 7 чел. действительных членов обществ приходился 1 почетный член, либо член-соревнователь, привлекавшиеся исключительно ради получения с них крупных членских взносов или пожертвований. В числе таких членов обязательно фигурировали владельцы торговых заведений, фабриканты, директора, митрополиты и т. п.

[1] Д. Антошкин.— Профессиональное движение в России ВЦСПС. 1925 г., стр. 58.

Обществам взаимопомощи приказчиков удалось даже объединиться и устраивать общие съезды, на которых наряду с вопросами взаимопомощи обсуждались и вопросы чисто профессионального характера, главным образом, о регулировании рабочего времени, но в общем ходе развития рабочего движения роль всех этих обществ была совершенно ничтожна.

Первый такой съезд состоялся в 1896 г. в Нижнем Новгороде, а второй в Москве в 1898 г. На первом из них было представлено 19 обществ взаимопомощи и хотя в программу его были включены такие злободневные для приказчиков вопросы, как например, „об установлении воскресного и праздничного отдыха", „о сокращении торгового дня в будни", „об урегулировании взаимоотношений между служащими и хозяевами", „об издании профессиональной газеты" и т. д., но благодаря своеобразной системе представительства на этом съезде из обсуждения всех этих вопросов ничего реального не получилось.

Дело в том, что вместо специально избранных представителей на съезд в качестве делегатов обществ явились представители фирм, ехавшие на ярмарку по торговым делам; в большинстве случаев это были либо сами хозяева, либо же их доверенные и старшие приказчики. А подобный состав съезда отразился, разумеется, и на характере его работ и в произносившихся на съезде речах.

Вместо пробуждения классовой солидарности среди пролетариев прилавка при обсуждении самых животрепещущих вопросов на этом съезде господствовал дух угодливости перед толстым купеческим карманом и раздавались речи, в роде следующих:

„Мы должны идти рука об руку с нашими хозяевами".

А в соответствии с подобными речами и в принятых решениях съезд не пошел дальше робких просьб, адресованных к правительству: „распространить на служащих свои попечения в той форме, какую оно найдет наиболее удобной. Ходатайствовать, чтобы число часов занятий было ограничено до той нормы, какую правительство найдет возможным".

На изменение условий приказчичьего труда эти просительные решения съезда не оказали никакого влияния. Правительство долго не устанавливало никаких норм для ограничения торгового дня и эксплоатация приказчиков стала ограничи-

ваться лишь только тогда, когда и эта ветвь рабочего класса окончательно разбуженная громовыми раскатами революционной борьбы промышленного пролетариата стала порывать с прежними традициями легальных обществ взаимопомощи и переходить на путь активного протеста и борьбы.

Еще более бесцветным был второй съезд этих обществ взаимопомощи, происходивший 1 июля 1898 г. в Москве, так как московская администрация, разрешившая съезд, предусмотрительно исключила из его программы наиболее острые вопросы о праздничном отдыхе, сокращении рабочего дня и об урегулировании взаимоотношений хозяев и служащих.

Дух угодливости перед начальством и капиталом всецело царил и на этом съезде, хотя в общественной атмосфере еще сильнее, чем во время первого съезда, уже чувствовалось накоплявшееся электричество пролетарской борьбы и солидарность. Съезд, несмотря на урезку его программы, поспешил выразить благодарность московскому обер-полицмейстеру, послав приветственные телеграммы министру внутренних дел, великому князю Сергею Александровичу и т. п.

От разрешения злободневных нужд приказчичьей армии этот съезд ушел еще дальше, чем первый, став целиком на путь замены классовой борьбы чисто благотворительной деятельностью и высказавшись за то, чтобы общества взаимопомощи стали „беспрофессиональными учреждениями взаимопомощи всех нуждающихся".

Большинство приказчичьих обществ взаимопомощи остались в стороне от жизни и в период боевых выступлений рабочего класса. Только немногие из них, в том числе общества взаимопомощи торговых служащих Астрахани, Екатеринослава, Саратова, Тамбова, Ялты и некоторых др. городов, сумели открыть двери своих организаций для активно настроенной массы рабов прилавка и приняли участие в борьбе за отстаивание своих классовых интересов.

Подавляющее же большинство остальных обществ замкнулось в затхлую скорлупу благотворительности, не только не принимая участия в активной борьбе, но и стремясь отгородиться от нее всякими способами.

Такой же окостеневший характер, далекий от треволнений классовой борьбы, носили организации взаимопомощи среди рабочих печатного дела и ремесленников. Первые из них

начали организовываться еще во второй четверти XIX века, и возникновение первой кассы типографских рабочих относится к 1838 году.

Состав этих организаций был такой же пестрый, как и у приказчиков и наряду с рабочими, членами касс, сплошь и рядом состояли хозяева типографий, управляющие, доверенные и т. п. Некоторым из этих касс, в особенности столичным, удалось собрать довольно крупные средства, в общей сложности до 327.500 рублей (только в кассах Москвы и Петербурга общая сумма средств доходила до 180.000 руб.).

Но обилие денежных средств не только не облегчало им вступления на путь активной поддержки борющегося пролетариата типографий, но часто именно опасения о судьбе собранных средств заставляли участников этих организаций держаться нарочито вдали от этой борьбы, чтобы на них даже случайно не могли пасть подозрения администрации в неблагонадежности или оказании помощи стачечникам.

В годы революционной борьбы только отдельные из этих организаций типографского труда решаются стать на почву классовой борьбы, сливаясь с возникшими к этому времени профессиональными союзами типографских рабочих. Таковы были кассы типографщиков в Нижнем Новгороде, в Одессе и Самаре.

Во всех остальных местах (а число этого рода касс успело к 1905—1906 г.г. достигнуть 25, в том числе и в Петербурге и Москве, где кассы взаимопомощи типографских рабочих, как было указано, успели накопить крупные средства) между старыми и новыми боевыми организациями сплошь и рядом устанавливались совершенно враждебные отношения.

Ремесленных касс и обществ взаимопомощи внутри России было еще меньше. За период с 1860 по 1900 г. их возникло всего 19 в самых различных отраслях труда. Чаще всего организовывались ювелиры, часовщики, кондитеры. Отсутствие более подробных сведений о деятельности ремесленных касс не позволяет их сколько-нибудь полно охарактеризовать, но не подлежит сомнению, что и они как по своему составу, так и в своей деятельности ничем не отличались от всех вышеописанных нами касс и обществ взаимопомощи, ибо таковы уж были общие условия существования этих организаций в России в предреволюционную эпоху, наложившие на них

особый отпечаток, вербовавшие в ряды членов этих организаций наиболее покорных или забитых жизнью рабочих и заставлявшие их самих в подавляющем большинстве случаев держаться вдали от зарождающейся революционной борьбы пролетариата.

Будучи связано узкими рамками полицейских уставов, большинство обществ ограничивало свою деятельность тесным кругом своих членов, а участие во многих из них хозяев-предпринимателей в качестве почетных членов-соревнователей препятствовало им даже в годы расцвета рабочего движения превратиться в профессиональные организации с боевыми задачами.

Среди рабочих фабрично-заводских предприятий легальные кассы взаимопомощи получили распространение также довольно рано.

Опять-таки и среди этой части пролетариата России впереди шли западные окраины, и первые кассы, которые, кстати сказать, стали возникать раньше обществ взаимопомощи, получили распространение в Царстве Польском и Прибалтийском крае, в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях еще в первой половине XIX столетия.

Доходы этих касс составлялись из обязательных взносов рабочих в размере от 1 до 3% заработной платы, взносов предпринимателей в размере от 30 до 50% всех взносов рабочих и штрафных денег, также поступавших в кассу взаимопомощи.

Средства касс тратились на организацию медицинской помощи, бесплатную выдачу лекарств, на выдачу денежных пособий и пособий на похороны.

Управление кассами целиком принадлежало администрации фабрик и это обстоятельство в значительной степени лишало эти организации их значения, как воспитательных ячеек рабочей самодеятельности, так как обрекало рабочих на пассивное отношение к чуждым им кассам.

Эти кассы просуществовали в Польше вплоть до 90-х годов, когда неожиданно были закрыты в силу истолкования закона 1886 года, запретившего вычеты из заработной платы на медицинскую помощь.

Но так как эта потребность осталась неудовлетворенной, то вскоре взамен закрытых кас стали организовываться новые

по специально выработанному для Царства Польского нормальному уставу. В Варшавской губернии организация подобных касс была признана обязательной, и они вводились на всех предприятиях с числом рабочих более 50. В Петроковской же губернии участие рабочих в подобных кассах было признано добровольным. Вычет из заработка рабочих не должен был превышать 1%. Устав упорядочивал также выдачи пособий из кассы, распространив их на выдачу беременным работницам в течение двух недель до и двух недель после родов. При болезни рабочий сохранял право на пособие в течение шести месяцев в размере половины своего среднего дневного заработка.

Но управление кассами попрежнему было оставлено в руках фабричной администрации, и это давало место как разного рода злоупотреблениям, так и потере всех накопленных кассою средств в случае банкротства фабрики или завода.

В таком положении, например, очутились рабочие крупного акционерного общества сахарного завода „Леонов" в Варшаве, когда последнее потерпело банкротство; все их многолетние отчисления безвозвратно погибли.

Относительно злоупотреблений мы не располагаем фактами по отношению к заводам Польши, где, благодаря более высокой сознательности пролетариата, предприниматели, разумеется, не могли позволить вопиющих нарушений, но зато в других местах, где подобные кассы были организованы, эти случаи имели место.

Едва ли не самый вопиющий случай наглого обирательства рабочих произошел в средине 90-х годов на Кавказе на табачной фабрике в Тифлисе, где в течение ряда лет с рабочих удерживалось из их жалования свыше всяких установленных норм по 4—5% для устройства кассы взаимопомощи на случай болезни или смерти. Когда же однажды рабочие обратились к администрации фабрики за выдачей пособия на похороны умершего товарища, последняя нагло отказала им, заявив, что никакой кассы не существует.

По самым умеренным подсчетам присвоенные фабрикой из заработка рабочих вычеты достигали крупной суммы в 30.000 руб., но тем не менее поверили не рабочим, а „честному слову" капиталиста, который отрицал существование кассы; записей же ни в расчетных книжках рабочих, ни в книгах конторы не оказалось.

Единственным положительным результатом всей этой возмутительной истории с беззастенчивым обирательством рабочей массы было то, что выведенные, наконец, из терпения наглым обманом рабочие фабрики единодушно поднялись на борьбу и именно этой стачкой положили начало массовому рабочему движению на Кавказе.

В Центральной России подобные кассы взаимопомощи среди фабрично-заводского пролетариата на частных предприятиях были очень немногочисленны. Так как средства касс, собранные из вычетов с рабочих при увольнении последних им не возвращались, а оставались в распоряжении фабриканта, рабочие очень неохотно шли в такие кассы. Там же, где подобные кассы привились, средства их по большей частью составлялись из штрафных денег.

Более распространенными внутри России были организуемые среди рабочих разного вида ссудо-сберегательные кассы, клавшие в основу своей деятельности, помимо оказания помощи, также и возврат рабочим их вкладов. Такого рода касс насчитывалось к концу XIX века 66.

С конца 80-х годов среди русского фабрично-заводского пролетариата стали появляться и другого рода организации взаимопомощи; это — так называемые автономные от фабричной администрации кассы и общества, но они также не получили большого распространения.

Наиболее замечательное из них это — „Харьковское Общество взаимопомощи рабочих механических заводов".

Возникнув в 1898 г., это общество, благодаря тому, что во главе его стала группа рабочих, глубоко преданных рабочему движению, а утвержденный устав гарантировал от вмешательства полиции, быстро развилось и завоевало широкие симпатии в рабочих массах.

Своей целью оно ставило развитие деятельности не только в области взаимопомощи, но и в деле борьбы за улучшение условий труда всех рабочих вообще.

В 1904—1905 г.г. Общество приняло живое участие в освободительной борьбе рабочего класса, руководило массовой экономической борьбой харьковского пролетариата и выступило инициатором созыва всероссийского рабочего съезда.

В 1904 г. в Харьковском Обществе насчитывалось около 1.300 челов. членов, внесших свыше 13.000 р. единовременных и ежемесячных взносов, а капитал общества равнялся 32.000 р.

Несколько иначе обстояло дело с организацией взаимопомощи на казенных фабриках и заводах и в транспорте.

Первые вспомогательные кассы для рабочих и служащих железных дорог стали возникать у нас еще в конце 50-х годов XIX столетия (в мастерских Николаевской и Варшавской ж. д.).

Но до конца 80-х годов, несмотря на то, что железнодорожное строительство шло гигантскими шагами и сразу же стало приносить крупные барыши, деятельность касс взаимопомощи среди железнодорожников не получила распространения. Только в 1888 г. был издан закон, обязывавший железнодорожные управления устраивать для служащих и рабочих кассы двух типов — либо специально пенсионные, либо ссудосберегательные.

Так как участие в этих кассах было обязательно для постоянных рабочих и служащих, то число членов этих касс было довольно значительно: в 1902 г. оно достигло 306.000 ч.

Средства касс составлялись как из взносов рабочих и служащих, так и из отчислений управлений железных дорог. Распоряжение кассами находилось в руках администрации.

Казенный характер этих железнодорожных касс, лишивший участников их какой бы то ни было самодеятельности, поставил их совершенно вне рабочего движения и на развитие последнего они никакого влияния оказать не могли. Такие же кассы существовали и на всех частных железных дорогах до перехода их в казну.

Такого же приблизительно типа пенсионные кассы существовали и при разных других ведомствах.

Так были созданы четыре разных кассы в ведомствах торгового мореплавания и морском: 1) Рижская касса моряков, организованная в 1872 г., 2) Сберегательно-вспомогательная касса служащих в Русском Обществе Пароходства и Торговли, открытая в 1892 г., 3) Сберегательно-вспомогательная касса рабочих и служащих Добровольного флота, учрежденная в 1896 г., и 4) Сберегательно-вспомогательная касса рабочих и служащих по вольному найму в местных учреждениях Морского ведомства, действовавшая по уставу 1903 г.

Отдельные кассы были организованы при Петербургском монетном дворе, при экспедиции заготовления государственных бумаг, для вольно-наемных служащих по казенной продаже питей и т. п.

Обслуживая группы пролетариата, которые и без того находились в особо благоприятных материальных условиях, эти кассы, успевшие скопить огромные средства [1]), содействовали лишь еще большему моральному порабощению своих клиентов и на развитие классового профессионального рабочего движения никакого влияния оказать не могли.

Нам остается, наконец, рассмотреть деятельность касс взаимопомощи и товариществ среди рабочих горной промышленности.

Раньше всего такие организации среди горнорабочих стали возникать в Царстве Польском, где первое горнозаводское товарищество было основано в Келецкой губ. в 1821 г.

С конца 50-х годов там же стали организовываться кассы взаимопомощи на частных горнопромышленных предприятиях.

Участие в кассах как на правительственных, так и частных заводах было обязательным для рабочих и связано с вычетом из их жалованья.

В управлении кассой рабочие с 1900 года имели голос, но в большинстве случаев фактически вполне самостоятельно управляли этими кассами сперва сами предприниматели, а затем чины горной инспекции. На этой почве было не мало недовольства среди рабочей массы и даже волнений, переходивших в стачки.

Одна из стачек рабочих, возникших на этой почве, закончилась весьма трагически: в сентябре 1897 года рабочие завода „Гута Банкова", в Домброве, в количестве 4000 чел., прекратили работы, добиваясь преобразования своей больничной кассы, которая существовала на их средства, но не подлежала их контролю.

Администрация завода не намеревалась делать рабочим уступок и поспешила вызвать войска. 18 сентября рабочие

[1]) Капитал кассы экспедиции заготовления государственных бумаг достигал 1,5 мил. руб., касса Русского Общества Пароходства и Торговли располагала при 4230 участников 1.250 тыс. рублей. Капиталы кассы Морского ведомства и казенной продажи питей, в которых количество участников насчитывалось десятками тысяч, — были, разумеется, еще больше.

были вызваны к заводу, где им объявили об их увольнении, и прежде чем рабочие успели разойтись, войскам был дан приказ стрелять; в результате —11 человек рабочих было убито.

Общее число горнозаводских касс достигло в Польше к началу XX века 13 и в среднем на каждую кассу приходилось около 2000 рабочих.

Кассы Царства Польского предоставляли своим участникам денежное пособие во время болезни, если последняя носила профессиональный характер или вообще была связана с работой на заводе, назначали небольшую пенсию в случае увечья, потери трудоспособности и за выслугу лет. Пенсия же выдавалась и женам умерших рабочих.

После утверждения в конце 90-х годов новых нормальных уставов больничных и других касс, все горнозаводские кассы Царства Польского были преобразованы по ним. Тогда же из круга их ведения были изъяты врачебная помощь и выдача пособий пострадавшим от несчастных случаев.

На Урале, в Олонецкой губ. и на Кавказе кассы среди горнорабочих, занятых на казенных заводах, были организованы тотчас же после падения крепостного права.

Уже самый момент учреждения этих касс свидетельствует, что они имели целью привязать к заводам рабочих, получивших с отменой крепостной зависимости возможность свободного передвижения. Всего таких касс к началу XX столетия числилось 16, объединявших около 12000 рабочих (из них 14 касс — на Урале).

В дальнейшем мы ближе познакомимся с деятельностью только уральских горнозаводских касс.

На далеком Урале, с его особыми условиями старинной крупной промышленности, которая не только не развивалась, а скорее даже увядала, рабочие были поставлены несколько в особые условия по сравнению с остальной Россией; они были наделены здесь небольшими земельными участками и по закону пользовались, подобно горнозаводским рабочим в Польше, правом организации заводских товариществ.

Участие в этих горнозаводских товариществах по „Положению о горнозаводском населении“ 8 марта 1861 года было сделано даже обязательным для каждого постоянного рабочего казенного завода или рудника, достигшего восемнадцатилетнего возраста.

С рабочих производился вычет из жалованья в размере 2—3% и такую же сумму вносило заводоуправление; кроме того, в кассу товарищества поступали штрафы с рабочих за разные провинности, проценты на ссуды и на капитал кассы, пожертвования и т. п. Из этих касс производились выплаты пожизненных пенсий членам товарищества и их семьям, оказывались временные вспомоществования, денежные пособия, выдавались бесплатно лекарства, содержались больные рабочие и т. п.

В 1893 г. министром государственных имуществ было издано „Постоянное положение“ об этих товариществах, которое отдало эти товарищества под постоянную опеку заводоуправления, но так как к этому времени много товариществ уже существовало и успело привыкнуть к иному порядку ведения дел, предоставлявшему рабочим большой простор самодеятельности, то на почве этой опеки заводской администрации вскоре начались столкновения последней с рабочими.

А так как высшая администрация в случае столкновений и жалоб всегда становилась на сторону заводоуправления, рабочим, настроенным вначале довольно мирно, пришлось прибегнуть к более активной борьбе.

Один из таких конфликтов, весьма поучительный, разыгрался в 1896 г. на казенном заводе в Златоусте.

Управление завода сделало распоряжение об удлинении на 1 час рабочего времени и перенесении часа обеда. Так как в уставе товарищества говорилось о том, что его ведению подлежат, между прочим, обсуждение могущих возникнуть споров относительно исполнения работ и найма и „соблюдение общепринятого по заводу порядка“, то представители товарищества опротестовали это распоряжение администрации, и оно было отменено.

Несколько месяцев спустя заводоуправление предложило рабочим новые расчетные книжки, в которых был опущен пункт о том, что „недоразумения по вопросам исполнения работ и найма“ должны разбираться при участии горнозаводского товарищества.

Рабочие запротестовали и стали требовать включения этого пункта. Заводская администрация упорствовала и заявила, что до тех пор не выдаст рабочим уже заработанных ими

денег, пока они не согласятся принять новые расчетные книжки. „Дело рабочих не рассуждать, а исполнять то, что велит начальство“—было сказано депутатам рабочих, которые вели переговоры с администрацией.

Рабочие решили тогда отправить телеграмму министру земледелия и государственных имуществ с жалобой на заводоуправление. Телеграмма подействовала, и заработная плата была уплачена заводоуправлением.

Следующее общее собрание товарищества, благодаря этим обострениям взаимоотношений, прошло очень бурно. На нем присутствовало около 1.000 членов товарищества, горный начальник, управляющий заводом и другие инженеры.

Началось с того, что председатель товарищества, назначенный согласно устава заводоуправлением, вычеркнул самовольно ряд вопросов из программы собрания, внесенных рабочими.

Рабочие запротестовали и добились внесения этих вопросов в повестку. Затем рабочими была опротестована правильность расходов из кассы товарищества по единоличному распоряжению председателя.

После долгих дебатов, во время которых начальство давало уклончивые ответы, рабочие поставили вопрос ребром:

„Могут ли они пользоваться всеми правами, предоставленными „Положением о горнозаводском населении“ 1861 г., а если не могут, то почему?“

И на этот вопрос заводоуправление не дало прямого ответа.

Тогда рабочие отправили на имя главного начальника уральских горных заводов следующую телеграмму:

„Общее собрание членов Златоустовского Товарищества покорнейше просит ваше превосходительство разъяснить, могут ли они пользоваться правами, предоставленными положением от 8 марта 1861 года“.

Ответ главного начальника, получившийся на это настойчивое искание рабочими законности, был таков:

„Такие вопросы неуместны, противозаконны. Если выходки продолжатся, закрою товарищество“.

Вскоре приехал на завод сам главный начальник уральских горных заводов, и по спорному вопросу, должны ли возникающие недоразумения между рабочими и заводоуправлением разрешаться товариществом, стал на сторону заводо-

управления, разъяснив, что эта статья закона должна применяться только в тех случаях, когда *заводоуправление по собственному почину предложит товариществу рассмотреть какое-либо отдельное недоразумение.*

Чтобы избавить на будущее время заводоуправление от повторения таких столкновений, в 1897 г. „Положение о горнозаводских товариществах“ было изменено министерством и права общих собраний значительно урезаны.

Так печально закончились поиски златоустовских горнозаводских рабочих законности.

Но этот же печальный конец их поисков открыл рабочим глаза на многое, а проникновение в их среду социалистически настроенных рабочих довершило их воспитание, и несколько лет спустя, уже в новом столетии, при повторении столкновения златоустовских рабочих с администрацией завода, правительству для умиротворения их пришлось прибегать к содействию вооруженной силы.

Заканчивая на этом обзор деятельности касс и обществ взаимопомощи в России, мы считаем нужным еще раз подчеркнуть те выводы, которые уже отмечали попутно.

Подавляющее большинство этих организаций либо носило чисто казенный характер и только по имени было рабочими организациями, а по сути дела являлись лишь своеобразной попыткой страховать заводоуправления и предпринимателей за счет рабочих; либо же они безнадежно погрязли в узких рамках благотворительной деятельности и поэтому о влиянии их на развитие рабочего движения не приходится говорить.

Только в единичных случаях особо благоприятные условия могли изменить общую угрюмую картину прозябания этих легальных организаций рабочего класса и толкали их на путь широкого классового движения; да еще, пожалуй, на западных окраинах, где довольно широкое распространение таких обществ приучило ремесленников к идее организации, они облегчили возникновение первых нелегальных профессиональных союзов.

Начало подпольной профессиональной борьбы.

Первые нелегальные союзы и профессиональные кассы борьбы, непосредственно связанные с современным профессиональным движением, как мы упоминали выше, стали возникать среди польского и еврейского пролетариата, уже начиная с 80-х годов прошлого столетия.

Правда, еще до того в коренной России под влиянием социалистической народнической агитации возникло несколько революционных рабочих организаций:

„Южно-русский рабочий союз", организованный в 1875 г. в Одессе Е. Заславским, „Северно-русский рабочий союз" Степана Халтурина и В. Обнорского в Петербурге в 1877 г., „Южно-русский союз в Одессе, организованный П. Аксельродом и Стефановичем в 1879 г. и не имевший ничего общего с союзом Е. Заславского, и, наконец в Киеве в 1880 г.— „Южный" или „Южно-русский союз", организованный Е. Ковальской и Щедриным.

Эти организации вели агитацию в рабочей среде и руководили экономической борьбой рабочих, но, будучи недолговечны, все они не оставили после себя прочного следа. Единственной нитью, связывающей их с последующими с.-демократическими организациями, является, пожалуй, только фигура недавно скончавшегося П. А. Моисеенко, который принимал участие еще в петербургских стачках 1877 — 78 г. г., положивших основание „Северно-русскому рабочему союзу", затем участвовал в знаменитой Морозовской стачке 1885 г. и, наконец,— в борьбе рабочего класса уже в наши дни.

Но эта связь была чисто случайной, тем более, что и идейно эти первые рабочие организации выступали на борьбу с иными программами, и только „Северно-русскому рабочему Союзу" удалось сделать первую попытку создания самостоятельной программы, более отвечающей задачам рабочего класса, чем все остальные программы рабочих народнических организаций.

Более непосредственная связь между современным профессиональным движением и революционными организациями, работавшими в рабочей среде, устанавливается в Центральной России лишь с начала 90-х годов, когда эти организации уже определенно стали под знамя социал-демократии.

В Польше же и в Западном крае эта связь революционных организаций с первыми нелегальными союзами и кассами борьбы восходит еще к началу 80-х годов истекшего столетия.

Еще в 1877—1879 г. г. появляются в Польше первые социалистические кружки среди рабочих, при чем, хотя эти кружки отражали влияние русского народничества, но благодаря большему развитию промышленности, большей культурности польского рабочего и, наконец, непосредственному соседству с западно-европейскими странами, результат этой революционной деятельности оставил более заметные следы, чем работа русских революционеров того времени.

Между 1877—1882 г. г. в движение было вовлечено несколько тысяч рабочих. Хотя к началу 80-х годов большинство этих кружков было разгромлено, но на их развалинах стала складываться настоящая классовая социалистическая партия—„Пролетариат".

Выставив на своем знамени принципы классовой борьбы она провела широкую агитацию среди рабочих во всех крупных промышленных центрах Польши, создавая повсюду довольно прочные организации рабочих, руководя стачечной борьбой польского пролетариата и возбуждая рабочих на путь активного протеста при попытках администрации и капиталистов посягнуть на права рабочих.

Деятельность „Пролетариата", хотя и была вскоре прервана крупными арестами 1883—1884 г. г., выхватившими из рядов организации более 200 человек наиболее активных ее членов, останется навсегда одной из наиболее ярких страниц польского революционного рабочего движения.

Революционные организации вскоре восстановили свою деятельность в рабочей среде и продолжали руководить борьбой польских рабочих вплоть до конца десятилетия и даже несколько далее.

В 1889 г. в Польше возник ряд новых рабочих кружков, не сочувствовавших резко политическому и террористическому

направлению „Пролетариата“. Они положили начало „Союзу польских рабочих“, который, хотя и исповедывал принципы международной соц.-демократии, но на практике стремился не вносить в свою деятельность и агитацию элементов политической борьбы, ограничиваясь, главным образом, организацией стачечных боевых касс.

Руководили „Союзом“ по преимуществу рабочие, которым удалось объединить в 1892 г. в своих нелегальных кассах до 6.000 человек.

Недостаток руководящих интеллигентных сил и последовавшие вскоре аресты сильно отразились на деятельности „Союза“, и он вскоре сошел со сцены в качестве самостоятельной политической организации.

Но разгоравшаяся в это время ярким пламенем классовая борьба польского пролетариата, в которую рабочие социалистические кружки ушли целиком, не дала заглохнуть начавшемуся движению.

Повсюду в крупных промышленных центрах края начала расти и шириться работа революционных кружков, стоявших на платформе классовой борьбы, а наряду с ними для руководства повседневной экономической борьбой польского пролетариата стали создаваться нелегельные кассы борьбы и ячейки будущих профессиональных его организаций.

Уже в 1894 г. эти кружки объединились, перетянув к себе ядро рабочей организации от проводившей националистическую программу Польской социалистической партии (П. П. С.) и положив начало самостоятельной партии рабочего класса под названием „Социал-демократии Польши и Литвы“.

И хотя последовавшие вскоре правительственные репрессии, вызванные разраставшимся рабочим движением, не замедлили отразиться на только-что организованной рабочей партии, но окончательно задушить сознательное движение польского пролетариата русскому правительству не удалось.

Промышленный подъем, начавшийся как раз в это время, облегчал польским рабочим ведение этой борьбы и внес сильное оживление в их среду. Всюду на фабриках и заводах стали организовываться кассы сопротивления, члены которых и становились вожаками начавшейся стачечной борьбы.

Уже в 1891 г. возникла довольно крупная стачка в Домброве, в которой приняло участие до 2.000 человек горнорабочих;

в мае того же года стачечное движение в гор. Лодзи охватило более 5.000 польских рабочих, главным образом, ткачей. В Жирардове, где рабочие поднимались за отстаивание своих прав уже в 1883 — 1884 г.г., забастовки распространились теперь на все фабрики, продолжались целую неделю и снова сопровождались кровавыми столкновениями забастовавших рабочих с казаками; несколько рабочих при этих столкновениях было убито, а свыше 900 человек было выслано на родину этапным порядком.

В самой Варшаве стачечная волна охватила целый ряд производств, в которых рабочие добивались повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и также отличалась упорством. Правительственные преследования не в силах были с корнем вырвать ячейки профессиональных организаций, успевших укрепиться в рабочей среде и продолжавших вербовать себе все новых и новых сторонников.

В итоге описанной борьбы польского пролетариата, руководимой его нелегальными как политическими, так и профессиональными организациями, ему удалось уже к средине 90-х годов значительно улучшить свое положение в смысле поднятия заработной платы и сокращения рабочего дня в большинстве производств до $10^1/_2$ часов. Когда же в 1897 г. законом от 2 июня был установлен $11^1/_2$-часовой рабочий день, и польские фабриканты поспешили воспользоваться этим законом, чтобы у себя удлинить эксплоатацию рабочего на лишний час, польские рабочие снова поднялись на борьбу и энергично стали отстаивать свои прежние завоевания.

Этой борьбой полны последние годы истекшего XIX столетия, и в огромном большинстве случаев победа на этот раз осталась за рабочими.

Первые стачечные кассы среди еврейского пролетариата стали возникать с конца 80-х годов и непосредственно были связаны с появившимися в гор. Вильне еще в 1887 г. первыми с.-демократическими рабочими кружками.

Среди забитой и бесправной рабочей массы социал-демократическая пропаганда сразу же завоевала себе много сторонников, жадно набрасывавшихся на новое учение, которое обещало им избавление от невыносимого гнета и становившихся убежденными и ревностными агитаторами идей научного социализма.

Положение еврейского пролетариата в эти годы было воистину ужасно. Правительственная политика, загнавшая евреев в „черту оседлости", насильно скучила в местечках и городах Северо-Западного края тысячи еврейских ремесленников, которые до того находили себе заработок в деревнях. Сразу таким образом была создана огромная резервная армия безработных, готовых под угрозой голодной смерти работать на самых кабальных условиях.

Ремесленное же производство в Северо-Западном крае в это время начало капитализироваться: работа по заказу начала уступать место работе на магазины. Последние же стали захватывать не только местные, но, благодаря развитию путей сообщения, отдаленные рынки. При таких условиях большинство ремесл быстро попало в полную зависимость от капиталистов, которые снабжали ремесленников сырым материалом, нередко и инструментами. Благодаря же наличности огромной резервной армии ремесленников, конкуренция среди них привела к чудовищному понижению заработной платы и чрезмерному удлинению рабочего дня. Во многих ремеслах работа продолжалась по 14 — 16 и даже 18 часов в сутки, заработная же плата опускалась до 2 — 3 рублей в неделю.

На почве этой эксплоатации, обогащавшей еврейскую буржуазию, уже в 1892 г. вспыхнуло стачечное движение.

Существовавшие в это время соц.-демократические кружки в Вильне и Минске приняли деятельное участие во вспыхнувшей борьбе, руководя стихийно вспыхнувшими стачками, организуя стачечные кассы и ведя широкую агитацию за присоединение к стачке всех рабочих данного производства, за оказание материальной поддержки забастовавшим и придавая разраставшимся стачкам характер сознательного классового движения еврейского пролетариата. Эти стачки сразу же привели к значительным результатам — сокращению рабочего дня и повышению заработной платы. Успеху борьбы и сплочению ремесленников в тайные профессиональные союзы много содействовало также и то, что среди еврейских ремесленников уже с давних времен существовали разного рода кассы взаимопомощи, так называемые „хевры", о которых мы уже упоминали в предыдущей главе. Эта привычка к организованной взаимопомощи облегчала организацию революционных касс борьбы, в которые привлекались уже одни только рабочие.

Сперва такие кассы объединяли только одних передовых рабочих, но вскоре стали охватывать от 20 до 40 и даже до 60% всех занятых в профессии рабочих. Особенно сильно стали расти такие кассы с 1894 г., когда рабочие кружки в своей деятельности перешли к широкой агитации. Уже в этом году в г. Минске возникли 4 кассы с 220 членами, в Вильне — 12 касс с 500 чл.; в м. Сморгони и Ошмянах возникли кассы кожевников; в Варшаве — ряд стачечных касс в разных профессиях.

Рост и развитие стачечных касс несомненно содействовал и успехам борьбы, позволяя рабочим терпеливо ожидать, пока хозяева не согласятся на уступки. Участие же и руководство этой борьбой соц.-демократических организаций способствовали распространению влияния последних и расширению социалистической пропаганды и агитации.

Насколько интенсивна была эта борьба, можно судить по следующим данным:

За двухлетие 1894 — 1896 г.г. в одном г. Минске было проведено 45 стачек, правда, довольно мелких, а в гор. Вильно за это же время протекло 56 стачек, охвативших 27 различных профессий.

В 1897 — 1899 г.г. в Западном крае было зарегистрировано 153 стачки, из коих в 102 случаях рабочим удалось добиться полной победы. Каждая новая стачка вызывала к жизни и новую боевую кассу.

В 1895 г. в Вильне насчитывалось уже 850 сорганизованных вокруг 23 касс рабочих, в гор. Минске — 870 — цифры для того времени очень крупные: в Варшаве кассы существовали при 13 профессиях.

В 1894 г. крупные стачки, превратившиеся во всеобщую стачку ткачей, разразились в г. Белостоке и его окрестностях; в этой стачке приняло участие до 26.000 польских, еврейских и немецких рабочих.

Вслед затем волна рабочего движения разлилась еще шире, захватывая все новые города и районы; началось широкое стачечное движение в Белостоке, Брест-Литовске, проснулся щетинный район.

Постепенно отдельные кассы начали объединяться между собой, создавая организации рабочих целого производства. Так, например, из таких касс быстро вырос „всеобщий союз

рабочих щетинников в Польше и Литве", созданный для более успешного проведения борьбы за сокращение рабочего дня.

Когда в щетинном районе (Волковышки, Вестинец, Креславка), началось движение за двенадцатичасовой рабочий день, агитаторы-щетинники собрались для обсуждения вопроса о значении этой борьбы и об отмене посредничества для щетинников всего края. На этом съезде были выработаны общие положения, которые и легли в основание брошюры, специально написанной на вышеозначенную тему, они же объединили и борьбу всего щетинного района и послужили основанием для организованного вскоре „Союза".

„Союз еврейских рабочих-кожевников" также явился следствием поголовной стачки кожевников в м. Сморгони и окрестностях, продолжавшейся около двух месяцев. Оба эти союза сыграли немаловажную роль в классовой борьбе еврейского пролетариата в Западном крае.

В 1895 г. русское правительство обратило серьезное внимание на широко развившееся рабочее движение среди еврейского пролетариата.

Начались массовые аресты и ссылки в Белостоке, Вильне, Варшаве, Лодзи, но все эти репрессии уже были не в силах искоренить и задавить массовое движение пролетариата. Места арестованных и брошенных в ссылку борцов быстро замещали новые и неуклонно продолжали начатое дело.

К 1900 г. стачечные кассы объединяли в гор. Белостоке до 1.000 чел. (20% всех еврейских рабочих), в Вильне — 1.400 ч. (24% рабочих, занятых в производстве), в Гомеле — 360 чел. (около 40%), в Двинске — 400 чел., в Минске — около 1.000 чел. (35—40% рабочих); кроме того в союз щетинников входили свыше 800 чел. рабочих (60% всех занятых в этом производстве), да „союз кожевников" объединял около 700 чел. рабочих.

Стачечная борьба, руководимая этими профессиональными кассами и союзами, также не прекращалась и достигла вскоре небывалого напряжения. За годы с 1897 по 1900 в районе Западного края было проведено 312 стачек, из коих 140 приходилось на фабрики, а остальные на ремесла. Общее число рабочих, принявших участие в этих стачках, превысило 27.000 челов., в том числе в ремесленных производствах бастовало свыше 13.000 челов., а на фабриках — 14.000 рабочих.

Благодаря высокому проценту организованных рабочих, подавляющее большинство этих стачек было выиграно рабочими (свыше 90%).

В остальной России возникновение профессиональных касс борьбы началось позднее и было связано, с одной стороны, с деятельностью начавших организовываться с первой половины 90-х годов с.-демократических групп, которые к средине 90-х годов объединились в разных городах в местные „союзы борьбы за освобождение рабочего класса", а с другой — с начавшей обостряться приблизительно в это же время экономической борьбой пролетариата.

Сильное развитие стачечного движения в большинстве пролетарских центров во второй половине 90-х годов в связи с усилением массовой агитации содействовало тому, что идея профессионального объединения рабочих начала пробивать себе дорогу и такие организации начинают возникать как общие для всего данного города, так и на отдельных крупных предприятиях.

Однако, в силу многих причин широкого развития эти кассы в Центральной России не получили и далеко не достигали размеров касс еврейского пролетариата.

Прежде всего для русского рабочего в подавляющем большинстве случаев они являлись делом совершенно новым; к ним необходимо было еще приучать широкую рабочую массу. Затем на деле организации несомненно отразились и общие полицейские условия, затруднявшие их работу и не позволявшие устраивать открыто собрания таких касс.

Поэтому и число членов таких профессиональных касс до момента первой революции обычно было очень ограничено и редко превышало 100—150 человек.

Будучи малочисленными, они не могли обладать и большими средствами, но тем не менее значение их как зачаточных форм постоянных организаций для руководства экономической борьбой русского пролетариата, было довольно велико.

Из отдельных таких организаций мы упоминаем только о наиболее крупных.

Со средины 90-х годов за организацию стачечных касс энергично принялся „Московский Рабочий Союз". Начав с организации таких касс по отдельным заводам, он стремился объединить их деятельность в одну центральную кассу.

В Петербурге создание стачечных касс по отдельным заводам заметно усилились после удачно проведенной стачки в 1896 г. Предвидя дальнейшее обострение борьбы, наиболее сознательные рабочие фабрик и заводов стремились объединиться в кассы, чтобы придать своей борьбе более прочное основание. Все участники таких касс привлекались к уплате регулярных членских взносов, назначение которых предусматривало и помощь во время стачки.

В центре текстильного производства в Иваново-Вознесенске возникший там в средине 90-х годов с.-д. „Рабочий Союз" также организовал центральную стачечную кассу и при ней библиотеку. Отдельные стачечные кассы разновременно возникали и в других промышленных пунктах центрального района.

На Юге России стачечные кассы организовались в Одессе, Ростове, Екатеринославе, Николаеве и некоторых других городах.

В Ростове-на-Дону уже в 1894 г. сложилась довольно крупная рабочая организация, обнимавшая до 150 челов. главнейших предприятий города, разбитых по кружкам.

Деятельное участие в этой организации принял попавший в это время в Ростов П. А. Моисеенко, руководитель знаменитой Морозовской стачки ткачей. Здесь он принял также участие в организации большой железно-дорожной забастовки в мастерских Владикавказской железной дороги.

В Екатеринославе отдельные кассы существовали со средины 90-х годов как среди ремесленников, так и на крупных заводах и стремились руководить начавшейся со второй половины этого десятилетия интенсивной стачечной борьбой рабочих за улучшение своего положения.

В г. Николаеве выросший во второй половине 90-х годов „Южно-Русский Рабочий Союз" организовал в 1897 г. центральную стачечную кассу, половина средств которой была предназначена на организацию стачек. Средства этой кассы собирались путем взносов, назначаемых соответственно величине заработка рабочих по принципу прогрессивно подоходного налога, с двумя скалами — для холостых и семейных".

Мы перечислили далеко не все попытки организации рабочими стачечных касс в Центральной России. Их было, как имел возможность убедиться читатель, не мало, но в общем

и целом это движение делало только первые шаги и значительно отставало от организации таких же касс рабочими западных окраин России.

Более культурные и более развитые, воспитанные прежним, часто вековым опытом легальных ремесленных касс, рабочие Литвы, Польши и Прибалтийского края прошли под влиянием с.-демократической агитации этот этап построения профессиональных ячеек довольно быстро и еще до 1905 г. уже перешли к серьезным попыткам объединить разрозненные стачечные кассы в нелегальные пока, профессиональные союзы. Пролетариат же Центральной России, только теперь приступивший к созданию своих классовых организаций, довольно долго оставался на первой ступени и к широким профессиональным объединениям стал переходить лишь в годы революции (в 1904—1905 г.), когда им были сломаны, наконец, полицейские рамки, мешавшие организации его сил.

Но еще и до этого момента им была осуществлена попытка создания более мощных профессиональных организаций, связанная с попыткой самодержавия развратить рабочих путем насаждения среди них „полицейского социализма".

Когда беспрерывный рост рабочего движения обратил на себя внимание правительства, последнее попыталось создать в противовес ему легальное рабочее движение, руководимое „охранкой", и постараться удержать его в рамках религиозно-нравственного просвещения.

Этот „полицейский социализм" начал свое существование в Москве, явившись детищем начальника московского охранного отделения Зубатова. Организации такого же типа возникали также и в других местах России: в Петербурге, в Западном крае и на юге.

Рабочий класс России, начавший уже стихийно стремиться к организации своих сил, но плохо еще разбиравшийся в вопросах политики, массами пошел в эти полицейские организации в надежде при помощи их добиться улучшения своего положения. И он сумел заставить даже своих врагов считаться с его требованиями. Поэтому, начиная свою деятельность с попечения о религиозно-нравственном воспитании рабочих, Зубатову и его сподвижникам волей-неволей пришлось становиться на защиту экономических интересов рабочих и превращаться в руководителей стачечного движения.

Хотя на полицейскую удочку шли только темные рабочие массы, но удержать и их в рамках полицейского социализма оказалось невозможным. Вызванное агентами Зубатова движение на юге России хлынуло через головы его руководителей, потопив в себе полицейскую затею.

Первая такая попытка была сделана агентами Зубатова в Северо-Западном крае, где еврейским рабочим движением успешно руководила соц.-дем. организация еврейского пролетариата „Бунд".

Затем такие же организации начали устраиваться Зубатовым в самой Москве, в ряде городов на юге России и в Петербурге.

В районе „Бунда" и в Петербурге, благодаря более сознательному составу рабочей массы, эти попытки не имели успеха.

Передовые рабочие успешно выводили зубатовцев на чистую воду, разоблачали их связь с охранным отделением, и рабочая масса от них отворачивалась.

В Москве и на юге России эти попытки временно удались, и полицейским агентам удалось создать довольно значительные рабочие организации.

Но они жестоко ошиблись в своих расчетах.

Вместо того, чтобы руководить выступлениями рабочей массы, им пришлось самим плыть по течению, вызывая своей деятельностью такое обострение экономической борьбы, какого раньше никогда не наблюдалось.

В Моское это привело к тому, что немедленно восстановило против зубатовской затеи всех московских капиталистов, которые и поспешили добиться прекращения опасных опытов охранного отделения.

На юге России, в г. Одессе, события сложились еще более трагично для вдохновителей зубатовщины. Там ряд вызванных ими стачек послужил началом всеобщей летней забастовки 1903 года, быстро охватившей все население Одессы и затем перекинувшейся на ряд других южных городов.

Эти неожиданные результаты зубатовщины повлекли за собой опалу и репрессии как для самого вдохновителя системы, так и для его ближайших сподвижников.

Рабочие же массы, оценив на практике все значение мощных профессиональных организаций для их повседневной борьбы за свои интересы, с еще большей энергией стали добиваться их уже революционным путем.

Такую же роль сыграла и последняя, также зубатовского типа, организация, открытая в 1904 г. в Петербурге священником Г. Гапоном — „Собрание русских фабрично-заводских рабочих".

Будучи создано правительством для отвлечения рабочих столицы от соц.-демократической пропаганды и укрепления в их среде религиозно-нравственных начал и „русского патриотического самосознания", оно послужило лишь для сплочения наиболее темной и забитой рабочей массы и привело после трагического 9 января к революционной борьбе всего рабочего класса России за свое политическое освобождение и за завоевание основных начал политической свободы, которые бы обеспечили возможность создания мощных пролетарских организаций.

Профессиональное движение в период первой революции (1905 — 1907 г.г.).

До 1905 г. развитие нелегальных профессиональных союзов шло медленно, и эти организации почти нигде не охватывали широких рабочих масс. Постоянные полицейские преследования мешали их нормальному развитию и сплошь и рядом губили организацию в самом начале ее деятельности.

Даже развитию легальных касс и обществ администрация крайне не сочувствовала и старалась всячески их тормозить, не останавливаясь зачастую и перед репрессиями.

Так было поступлено, между прочим, с группой петербургских рабочих по Шлиссельбургскому тракту, которые, заинтересовавшись деятельностью немецкого ремесленного общества „Пальма", подали заявление петербургскому градоначальнику ген. Грессеру о разрешении им основать подобное же общество.

Вызвав инициаторов этого заявления, градоначальник подробно расспросил их о причинах такого ходатайства и предложил собрать и представить ему список лиц, выразивших желание стать членами общества. А когда это требование было исполнено рабочими, все подписавшие заявление, в том числе и много семейных рабочих, были арестованы и высланы из столицы.

К попыткам же организации нелегальных касс правительство относилось уже прямо жестоко, карая даже за одно стремление к организации их. Поэтому такие попытки были налицо лишь там, где рабочая масса, воспитанная предыдущей борьбой, переставала считаться со всемогуществом полицейской опеки самодержавия.

Но эта картина резко меняется в 1905 г. Бурное развитие рабочего движения стало быстро ломать все полицейские рогатки, и стихийное стремление рабочих масс к созданию

организаций, которые бы защищали их интересы и руководили их борьбой, выразилось в объединении по предприятиям и профессиям.

Рабочие начинают пользоваться каждым удобным случаем, чтобы строить свои организации: выборы в комиссию Шидловского, избрание заводских старост, выборы делегатов для переговоров во время стачек — служили для рабочих поводом создавать, если не профессиональные союзы, то своеобразные агитационные центры, вокруг которых началось объединение рабочих масс.

Вся предшествовавшая борьба рабочих помогла им в этом строительстве, создавая организационные навыки и даже зародыши будущих мощных профессиональных союзов.

Характерно, что первыми начали организовываться союзы рабочих ремесленного производства, организация же союзов фабрично-заводских рабочих началась несколько позднее.

Так как во главе революционных выступлений в этот бурный год повсюду выступал именно фабрично-заводской рабочий, то вряд ли факт более позднего выступления их на путь создания профсоюзов следует объяснять отсталостью или неоднородностью всей массы на фабриках и заводах, как это делают некоторые авторы.

Дело объяснялось гораздо проще: в то время как в сравнительно мелких промышленных заведениях ремесленного типа борьба могла осуществляться и рассчитывать на успех только при совместном выступлении пролетариата всей данной отрасли, а последнее было немыслимо без предварительной организации,— в крупном производстве, в разгар наступления революции, этого условия не требовалось: пролетариат здесь был объединен в самом производстве и пока удовлетворялся другими формами организации, вроде фабричных и заводских комиссий, депутатов, старост и т. п., да общими собраниями рабочих, созываемых в момент борьбы от случая к случаю.

С весны 1905 г. в Петербурге начинают открыто функционировать союз рабочих печатного дела, сложившийся под влиянием соц.-демократической организации еще в 1903 г., союз конторщиков и полулегально—союзы портных, сапожников, приказчиков, часовщиков, фармацевтов и др. Примеру Петербурга следовали Москва, Харьков и целый ряд других

городов. В обстановке революции создание первых союзов шло полуоткрыто, местами сопровождаясь устройством демонстраций.

Но настоящая эпоха строительства профессиональных организаций началась в сентябре — октябре 1905 г., когда для рабочих собраний широко открылись двери аудиторий высших учебных заведений.

Туда по вечерам стекались десятки тысяч рабочего люда, но большей частью таких, до которых еще не достигало свободное революционное слово, и не осталось, кажется, ни одной профессии, в которой не проснулось бы стремление к профессиональной организации.

Призыв организоваться в профессиональные союзы в этой пробудившейся рабочей массе нашел живой отклик, и в октябре — ноябре в Петербурге возникло 44 отдельных профессиональных организации, объединявших до 35.000 рабочих.

Правда, все эти так быстро создавшиеся союзы были далеко не прочны и представляли из себя скорее организации для агитации и пропаганды широкого профессионального движения, чем настоящие боевые организации пролетариата.

Несмотря на уроки западно-европейского профессионального движения, профорганизации, начавшие возникать в бурной атмосфере 1905 г., носили часто самый неопределенный характер. Рабочие разных предприятий, часто не имеющие даже никакой между собой связи, объединялись в один союз; одинаковые союзы в разных городах часто были неоднородны по своему строению; бывали и такие случаи, когда в одном и том же городе рабочие одних и тех же профессий, но разных заводов и фабрик, входили в разные союзы. Все это, конечно, тормозило работу по созданию мощных профессиональных союзов и не давало должных результатов.

Но все-таки многим из этих организаций удалось принести существенную пользу в непрекращавшейся экономической борьбе пролетариата. Так, например, саратовским печатникам удалось еще в сентябре 1905 г. добиться заключения коллективного договора со своими предпринимателями, а в 1906 г. союз петроградских сапожников условился с предпринимателями некоторых мастерских о том, что последние не имеют права увольнять и принимать рабочих без ведома союза.

Немного позднее такие же договоры стали входить в практику профессиональных союзов в Петербурге и в Москве, но, правда, особенно широкого распространения еще не получили.

Еще большую роль должны были сыграть профессиональные союзы в организации и проведении стачек, в борьбе с начавшимися локаутами предпринимателей.

Правда, на первых шагах их практической деятельности у профессиональных союзов было не мало и промахов, но эти неизбежные промахи служили уроком для будущего и отнюдь не могут умалить огромного значения профессиональных союзов в деле организации рабочего класса России.

Дальнейшая судьба первых профессиональных союзов действительно подтвердила, что они еще не успели пустить прочные корни в рабочих массах.

Наступившая вслед за недолгими месяцами свободы свирепая реакция (декабрь 1905 г.— январь 1906 г.) смела почти без остатка большинство союзов как в Петербурге, так и в Москве, где насчитывалось до 50 союзов с 25.000 членов, и по остальной России. Помещения их были разгромлены и опечатаны, книги и должностные лица были арестованы.

От этого разгрома уцелели только отдельные союзы, успевшие укрепиться в дни свободы, да местами сохранились центральные бюро профессиональных союзов, которые были созданы для объединения деятельности союзов в крупных промышленных центрах и после разгрома принялись тотчас же налаживать разрушенные организации.

В феврале 1906 г. московским центральным бюро профессиональных союзов была созвана конференция уцелевших и возродившихся организаций (10 городов с 200.000 организованных рабочих), которая подвела итоги всей прежней работы и постаралась наметить общие принципы профессионального движения.

Это была вторая по счету конференция профессиональных союзов. На первой конференции, состоявшейся в Москве в конце сентября 1905 г., накануне всероссийской октябрьской забастовки, в которой приняли участие 24 московских союза, 10 петербургских, 6 из провинций и представители всероссийского железно-дорожного и почтово-телеграфного союза,— решено было созвать в декабре общий съезд,

но осуществить это постановление так и не удалось, вследствие разгрома большинства организаций.

На эту конференцию съехались представители от 10 районов крупных промышленных центров—Петрограда, Москвы, Одессы, Варшавы, Харькова, Киева, Лодзи, Вильны, Николаева и Нижнего Новгорода.

Был заслушан ряд докладов с мест и вынесен ряд резолюций. Особое внимание было уделено рассмотрению программы и устава предстоящего первого Всероссийского съезда, для чего была выбрана организационная комиссия, состоявшая из пяти человек.

Намечен был также и ряд других пожеланий в смысле оздоровления возрождавшегося профессионального движения.

Так, было внесено пожелание о придании союзам чисто пролетарского характера и недопущении союзов смешанных, с неклассовым элементом; зубатовщина и тому подобные организации должны были быть навсегда откинуты от профессиональных союзов. Затем не мало внимания было уделено организационной работе союзов, членским взносам, дающим право на пособие во время безработицы, организации юридической и медицинской помощи. Особое внимание конференция обратила на подготовлявшийся в то время закон 4 марта.

Было решено использовать все возможные способы легальной организации союзов и в том числе ожидавшийся закон 4 марта об обществах и союзах, при чем конференция определенно подчеркнула, что целью нового закона является, если не задавить в корне, то основательно изуродовать профессиональные организации, и заклеймила чисто полицейский характер этого закона.

Опубликование этого закона, а также наступившее вскоре общественное оживление, в связи с созывом Первой Государственной Думы, вызвали новое оживление в деятельности профессиональных союзов.

Один за другим стали быстро воскресать прежние объединения рабочих, преодолевая все преграды, какие пыталась ставить им полиция.

Хотя по закону 4 марта союзы были признаны, но на местах не так-то легко оказалось добиться выполнения этого закона.

Так, например, кременчугский генерал-губернатор „признал образование профессиональных союзов несвоевременным". И так поступил далеко не один кременчугский помпадур.

Рабочие типографского дела справедливо жаловались на своей конференции, что „практика применения закона 4 марта по России представляет самую пеструю картину: все зависит от местного градоначальника, а подчас и пристава".

Бесконечные мытарства приходилось преодолевать рабочим также в присутствиях по делам об обществах, где не стеснялись по несколько раз исправлять уставы союзов, каждый раз внося все новые и новые поправки.

Даже и утверждение устава часто не спасало рабочих от попечительной опеки: запрещалось созывать общие собрания, высылались должностные лица, конфисковались имущества и книги союза и тому подобное.

И тем не менее, не взирая на все эти препятствия, профессиональное движение рабочих за короткое время существования Первой Государственной Думы успело возродиться и значительно упрочить свои организации.

Когда, вслед за разгоном Думы, снова наступила полоса реакции, обрушившейся тотчас же и на профессиональные организации рабочего класса, ей уже не удалось совершенно задавить движение: большинство союзов, правда, полулегально, продолжало существовать и работать.

В особенности успели укрепить свои позиции профессиональные союзы рабочих по металлу и по обработке волокнистых веществ.

Организации металлистов в это время стали возникать во всех сколько-нибудь крупных промышленных центрах.

В Петербурге учредительное собрание союза рабочих по металлу состоялось 30 апреля 1906 г.; город был разделен на районы, в которых начали работать временные организационные бюро.

В результате этой работы к средине июня в союзе числилось уже свыше 9.500 членов и союз принял деятельное участие в разгоревшейся стачечной борьбе.

Союз металлистов в Москве насчитывал в своих рядах до 4.000 человек, да еще в открытых им отделениях в центральном промышленном районе состояло более 1.000 членов.

В Одессе профессиональное общество машиностроительных рабочих открыло свои действия весной 1906 г. и сразу привлекло более 1.000 членов, а к сентябрю месяцу увеличилось, благодаря удачно проведенной стачке механиков и машинистов Российского Общества Пароходства и Торговли, — до 3.000 чел.

Бакинский союз металлистов объединял до 2.500 рабочих. Екатеринославский союз рабочих по металлу насчитывал в своих рядах до 1.500 членов и помог возникнуть целому ряду профессиональных организаций среди заводских рабочих Донецкого района.

Менее крупные организации, но достаточно укрепившиеся, были созданы металлистами в Астрахани, Иваново-Вознесенске, Саратове, Самаре, Витебске и целом ряде других городов.

Так же интенсивно развивались и профессиональные организации текстильных рабочих.

В Москве возникло за этот период три союза: по обработке волокнистых веществ, аппретурно-красильный и ткацко-вязальный; в Иваново-Вознесенске — два: по обработке волокнистых веществ и ситце-печатников.

Довольно сильные организации существовали также в Лодзи, Твери, Кинешме, Костроме, Орехове-Зуеве, Обираловке, Посаде-Павлове и др.

Значительно усилились и окрепли в это время и профессиональные организации в остальных отраслях труда.

Наряду с созданием профессиональных союзов, объединивших пролетариат определенной отрасли труда, начиная с осени 1905 г. в России было уже заложено прочное начало к объединению различных союзов отдельных профессий в виде создания Центральных Бюро труда или Советов профессиональных союзов, стремившихся наряду с профессиональным объединением олицетворить собой принцип пролетарского единства. Первое такое бюро было организовано в Петербурге, а вслед за ним такие бюро были созданы в Москве, Харькове, Екатеринославе, Киеве и др. городах.

Пользуясь опытом Западной Европы, наши Центральные Бюро должны были избегнуть возможных ошибок, но зато организация их не была зачастую основана на прочных нуждах еще неуспевшего окрепнуть профессионального движения, благодаря чему периоды торжества реакции отражались и на работах Центральных Бюро.

Большинство из них, однако, при наступлении реакции распалось, и только Петербургское Бюро сумело сохранить остатки своей организации и в годы глухой реакции и дотянуло до начала войны, когда оно было уничтожено вместе со всеми профессиональными союзами, уцелевшими в столице.

Дабы в двух словах охарактеризовать назначение и работу этих учреждений, достаточно будет указать, что, например, Петербургское Центральное Бюро ставило своей целью „объединять деятельность профессиональных союзов, стоящих на почве современного рабочего движения петербургского пролетариата".

С этой целью оно брало на себя оказание технической помощи отдельным союзам по подысканию помещений, по приисканию работы, стремилось организовать юридическую и медицинскую помощь, производство статистических обследований, обслуживание культурно-просветительных запросов, содействовало отдельным союзам в проведении стачек и бойкота, организовало сборы для оказания поддержки безработным, стремилось положить начало профессиональному объединению рабочих в тех отраслях труда, где такового еще не существовало, и, наконец, осуществляло представительство общих интересов профессиональных союзов перед государственными и общественными учреждениями.

Представительство отдельных союзов в Центральном Бюро было построено по германскому типу: союз, насчитывавший до 500 членов, посылал 2 делегатов, до 1.000—3 и на каждую тысячу сверх—по одному, но в общей сумме не более 7 чел.

Для удовлетворения насущных нужд так быстро развивавшегося профессионального движения не замедлил возникнуть целый ряд профессиональных органов печати, на страницах которых разрабатывались и усиленно дебатировались все вопросы, занимавшие умы профессиональных работников.

Большинство из этих изданий было очень недолговечно, но на место погибавших тотчас же возникали новые. Наиболее долго просуществовали: издававшийся в Петербурге „Профессиональный Союз", прекратившийся на 21 номере, московский „Рабочий Союз", приостановленный на № 10, московские же „Семь Дней", которых успело выйти двадцать номеров, и воронежский „Голос Труда", прекратившийся после № 7.

Провинция также не отставала в этом деле и наряду с петербургскими и московскими журналами стала появляться профессиональная печать и в других городах; так, в Одессе выходят органы профессиональных союзов „Южный Профессиональный Листок", потом „Рабочее Дело" и „Союз", в Астрахани—„Профессиональный листок", в Харькове—„Союз" и затем „Труд" и т. д.

Особенно важным для союзов оказалось существование профессиональной прессы в период полулегального существования организаций после разгона Первой Думы.

Когда печать начала подвергаться всевозможным репрессиям, один за другим стали закрываться журналы и газеты, а затем пошли репрессии в виде штрафов, ссылки и арестов редакторов и видных участников прессы не только столичной, но и других крупных центров. Так, под натиском чрезвычайной охраны в первую голову пал „Профессиональный Вестник", а за ним целый ряд органов: „Голос провинции", „Труд", „Печатный Вестник", „Ткач", „Приказчик", „Голос фармацевта", „Рабочее Дело", „Союз" и ряд других.

Рабочие издания, однако, продолжали выходить всякими правдами и неправдами и в это тяжелое время и оказали большую услугу профессиональному движению, содействуя не только агитации, но и чисто организационной работе союзов.

Создавалось такое положение, что закрытые администрацией союзы продолжали свою работу, издавали свои органы, печатали в них отчеты, звали членов к напряженной совместной работе.

Нужно отметить, что пресса по профессиональному движению далеко не сразу приобрела определенную физиономию. В начале своего существования, в бурный 1905 г., профессиональные стороны мало затрогивались ею, а больше всего освещались вопросы дня, сильно волнующие умы рабочего класса в период разгоравшейся борьбы; вопросы же узко профессиональной жизни часто отодвигались на задний план.

Участниками профессиональных газет и журналов по большей части также были не рабочие, а передовая интеллигенция, в большинстве случаев марксистского толка.

Общее количество профессиональных изданий 1906 г. доходило до двадцати. Все они были доступны рядовому рабочему как по содержанию, так и по цене, редко превышавшей

гривенник, а зачастую спускавшейся до 1—2 коп. за номер. Впоследствии, когда профессиональная печать стала крепнуть, в нее влились авторы из рабочей среды, что внесло еще больше оживления, а посему и число подписчиков и читателей ее сильно увеличилось. Так, в одном Петрограде выходило ежемесячно в период 1907 г. от 120 до 150 тысяч экземпляров разных органов профессиональных союзов, в размере от 8 и чаще до 16 страниц. Работа самих профессиональных союзов в это время также далеко не ограничивалась узкими рамками экономической борьбы.

Русская действительность на каждом шагу заставляла их расширять эти рамки и, наряду с руководством разгоравшейся профессиональной борьбой, брать на себя также руководство борьбой с черной сотней, организовывать празднование первого мая, призывать рабочих к участию в выборах в Государственную Думу и т. п.

Еще в 1905 г., в разгар революционной борьбы профессиональные союзы принимали деятельное участие в работах Советов рабочих депутатов как в Петербурге, так и в провинции.

Так, в Петербурге первый Исполнительный Комитет „Совета" состоял почти наполовину из представителей от профессиональных союзов. Связь с Советами у профсоюзов была настолько сильна, что они находили необходимым поддерживать ее и когда Советы оказались фактически ликвидированными. Так, например, уже во время суда над Петроградским Советом рабочих депутатов Центральное Бюро профсоюзов отозвалось на это событие следующей резолюцией:

„Считая выборный Совет рабочих депутатов законным представителем петроградского пролетариата, оно (Центральное Бюро) выражает привлеченным к ответственности членам Совета свою полную солидарность. Оно твердо уверено, что суд над всем организованным пролетариатом обратится в новую очную ставку его с правительством и окончится новым поражением правительства".

Позднее профессиональные союзы приняли участие в избирательной кампании в Первую Государственную Думу в тех районах, где эти выборы протекали после отказа с.-дем. партии от тактики бойкота. А во Вторую Государственную Думу профессиональные союзы приняли на себя даже главенствующую роль в избирательной кампании.

Вот что писал по этому поводу тов. Рязанов в своей статье „Профессиональные союзы и Государственная Дума“, напечатанной в 4—5 номере „Профессионального Вестника“, обосновывая необходимость участия профессиональных союзов в новой издательской кампании:

„К авангарду рабочего класса, всегда готовому вести борьбу с классовым государством, присоединяются огромные рабочие массы, готовые поддержать передовых бойцов. Без их поддержки бесплодны все усилия передовых бойцов рабочего класса, без них нельзя удержать за собой позиций, отвоеванных у врага“.

Следует в особенности отметить работу союзов и уцелевших соц.-демократических организаций по борьбе с возраставше безработицей.

Экономический кризис, вызванный войной и революцией, породил значительную безработицу, особенно усилившуюся, когда предприниматели, испуганные начавшейся борьбой рабочего класса за восьмичасовой рабочий день, метнулись в объятия реакции, поспешили заключить союз с самодержавием и стали закрывать заводы и фабрики, чтобы сломить сопротивление пролетариата. В ноябре — декабре 1905 г. стояли закрытыми сотни заводов и фабрик, обрекая рабочих на муки голода и лишений. Но даже и в менее острые периоды борьбы размер резработицы был довольно значительный. Так, например, к концу 1906 г. количество безработных достигало:

В Москве . .	25.000 ч.
„ Петербурге .	55.000 „
„ Лодзи . . .	18.000 „
„ Туле . . .	10.000 „
„ Одессе. . .	12.000 „
„ Ростове . .	5.000 „

Правительство и предприниматели со своими подручными не только не старались как-нибудь улучшить материальное положение безработных, а, наоборот, всячески издевались и старались при этом сводить счеты с революционно настроенными рабочими. Так, на регистрации безработных у фабрик можно было слышать следующие разговоры „старших“:

— Нет у нас для тебя работы, больно руки чисты.

— А, ты от пристава? Ладно, принять.

— Запиши его, он по рекомендации Охранного отделения.

— Взять этого, он из „союза русского народа [1]).

Профессиональные союзы всячески стремились облегчить положение своих безработных товарищей, но размеры безработицы сплошь и рядом превосходили их силы.

С этой же целью в Петербурге был организован „Союз безработных", в состав которого вошли безработные всех районов, избиравшие представителей по 1 на 150 человек.

„Союз безработных" взял на себя подыскание работ для безработных, их регистрацию и, в первую голову, поднял вопрос об организации общественных работ в Петербурге.

12 апреля депутация от безработных в количестве 87 человек явилась в заседание городской думы, выставив требования:

1) чтобы все городские заказы остались в городе и были переданы безработным,

2) чтобы всем безработным была доставлена работа и

3) чтобы немедленно была учреждена комиссия из равного числа гласных думы и представителей от безработных, которая разработала бы в недельный срок вопрос об организации работ и передаче их безработным.

Такая комиссия была создана думой; на организацию работ было ассигновано 500.000 рублей авансом, но в дальнейшем развитии этого дела выросли препятствия как со стороны городской думы, так и со стороны министерства внутренних дел, испугавшихся движения безработных.

Отчасти в этих препятствиях был повинен и сам „Союз безработных", который неправильно учитывал политическую обстановку момента, рассчитывая на подъем рабочего движения и выдвигая неосуществимое требование предоставить работу „всем безработным".

Но к заслугам его следует отнести то, что делу организации общественных работ он оказал существенную пользу, сразу придав им рациональную постановку: был установлен восьмичасовой рабочий день, минимальная заработная плата и выборная организация рабочих, занятых на общественных работах.

Приблизительно так же обстояло дело с организацией помощи безработным в Москве и целом ряде городов России.

---

[1]) „Из рабочих предместий" — „Вперед" № 9.

В провинции оно обстояло даже несколько лучше, так как там, во-первых, безработица не достигала таких крупных размеров, как в центре, а, во-вторых, там организации безработных, не задаваясь политическими задачами, стремились создать между безработными и существующими профессиональными организациями рабочих более прочную связь, позволившую подготовить постепенный переход безработных в эти более постоянные организации.

Эти же профессиональные организации помогли рабочим противостоять натиску предпринимателей, также организовавшихся в союзы и не останавливавшихся в борьбе с рабочими перед массовыми увольнениями последних (локауты).

Мы упомянем здесь только о наиболее крупных локаутах, разразившихся в 1906—1907 г.г.

Первые столкновения предпринимательских союзов с организациями рабочих начались в Северо-западном крае и в Польше.

Еще в марте 1906 г. работницы лодзинских ленточных фабрик выставили требование уравнения заработной платы на всех фабриках. Союз фабрикантов в ответ на это предложил рабочим принудить работниц возобновить работу на прежних условиях, угрожая в противном случае немедленным увольнением всех. Когда же рабочие ответили отказом, эта угроза была приведена в исполнение.

Во время этого конфликта лодзинских рабочих энергично поддерживали их варшавские товарищи, но вот в мае варшавские ленточные фабриканты неожиданно потребовали от своих рабочих, чтобы те отправили своих делегатов в Лодзь и склонили своих товарищей возобновить работу; варшавские рабочие отказались выполнить это требование и в знак протеста объявили забастовку, выставив ряд своих собственных требований. Со стороны владельцев фабрик последовали массовые увольнения рабочих, закрытие фабрик, обращение к содействию вооруженной силы, и рабочие в конце концов были принуждены сдаться.

Еще более крупный локаут разразился в той же Лодзи осенью 1906 г.

Союз хлопчато-бумажных фабрикантов решил отнять у рабочих все завоевания 1905—1906 г.г. и с этой целью воспользовался первым же подвернувшимся поводом — оскорблением рабочими фабрики Познанского одного из инженеров.

Владелец фабрики потребовал увольнения каждого пятого рабочего того отделения, где произошло оскорбление, и восстановления обысков. Когда же рабочие, возмущенные подобным требованием, бросили работу, последовал расчет всех 30.000 рабочих хлопчато-бумажного производства.

Борьба продолжалась четыре месяца, потребовав от рабочих величайшего напряжения сил. Рабочие всей России приняли горячее участие в судьбе лодзинских товарищей, но размеры нужды были так огромны, что эта помощь была не в силах остановить страшное развитие смертности от истощения и голода.

Рабочие распродали все, что могли. Тысячи их рассеялись по городам и местечкам, усиливая нужду там и не находя себе работы.

К концу локаута почти ежедневно десятки людей падали от истощения на улицах; стал замечаться сильный рост заболеваний на почве длительной голодовки; участились нападения на частную собственность, преимущественно на съестные припасы: картофель, капусту, черный хлеб. Страдания рабочих не поддаются описанию, но они продолжали стойко держаться до последней крайности.

Наконец, окончательно истомленные нуждой и голодом, они готовы были подчиниться всем предъявленным им требованиям, но не смогли согласиться на увольнение своих товарищей, на чем упорно продолжал настаивать фабрикант Познанский.

Тогда в дело вмешалась буржуазная польская партия национал-демократов, которая через ксендзов стала убеждать рабочих Познанского, предназначенных к увольнению, добровольно отказаться от места; большинство рабочих согласилось; сопротивление остальных было сломлено агитацией среди их товарищей. Капитал, таким образом, победил, и фабрики снова были пущены в ход.

Крупный локаут разразился приблизительно в то же время в Одессе против рабочих пароходных команд и также окончился поражением рабочих. Рабочие там были организованы в союз пароходных команд, известный под именем „Регистрации", против этого-то союза и были направлены все усилия предпринимателей.

Совместно с администрацией они добились изменения устава союза и предъявили рабочим ряд условий: отмену восьмичасового рабочего дня, отмену платы за сверхурочные работы и уничтожение третейского суда. На случай стачки команд были заготовлены целые кадры штрейкбрехеров, главным образом, из членов „союза русского народа", которыми и стали заменять забастовавших.

Пришлось пережить длительные локауты рабочим кожевенного и щетинного производства в Польше и Литве.

Целый ряд довольно крупных локаутов был направлен против хорошо организованных рабочих типографского труда в самых различных городах России: Москве, Риге, Киеве, Саратове, Минске, Тифлисе, Таганроге, Житомире и др. Киевский локаут длился более 10 недель и борьба рабочих отличалась особенным упорством.

Отметим также довольно крупный локаут 5.000 рабочих Брянского завода в Екатеринославе; локауты спичечных фабрикантов в Минской губ.; табачных и папиросных фабрик в Бердичеве. Локауты на заводах Крейтона, Эриксона и Атласа в Петербурге были направлены против союза рабочих по металлу, который только недавно был организован, но все же помог рабочим оказать упорное сопротивление, вплоть до организации активного бойкота работы, и добиться от предпринимателей хотя бы частичных уступок.

Пришлось пережить локауты и рабочим сапожного и портняжного производств в разных городах России, рабочим колбасных заведений, перчаточных мастерских и целого ряда других.

Насколько сильна была организованность предпринимателей, какое серьезное значение придавали они своим союзам и как была обострена их борьба с рабочими, можно судить по следующим фактам: в уставе лодзинских и варшавских предпринимательских союзов упоминается о том, что каждый из членов союза при неисполнении хотя бы одного из пунктов устава, лишается навсегда своего пая, который равнялся от 15 до 20 тысяч. Характерен также и устав витебской организации владельцев фабрик по обработке щетины. Вот, что гласят некоторые пункты его:

1) поддерживать друг друга в случае конфликта между рабочими и фабрикантами;

2) не принимать друг от друга рабочих за исключением того случая, когда рабочий представит письмо от прежнего фабриканта.

Для большей рельефности настроений предпринимательских союзов приведем еще один документ о коварной математике их руководителей:

„Если, — говорится в одной записке предпринимателей,— бастуют 10%, то поддерживать их всем остальным почти ничего не стоит: для этого они должны отчислять в пользу бастующих всего 5% своего заработка; при 20% бастующих необходимо будет отчислять уже $12\frac{1}{2}\%$ (приблизительно), т. е. помощь будет весьма обременительной для работающих (при заработке в среднем в 33 руб. в месяц). Если же выбросить на улицу сразу 5.000 рабочих, то для их поддержания понадобится ежедневно 2.475 руб. Выдавать такую сумму, хотя бы в течение 2 — 3 недель для союза рабочих будет не под силу".

Предприниматели всюду упорно добивались возвращения к положению до революции 1905 года и, в особенности, стремились к разрушению рабочих союзов, верно учитывая, что без этих организаций им будет гораздо легче сломить сопротивление распыленной рабочей массы.

Добиться этих результатов в 1906 г. фабрикантам и заводчикам не удалось. Новая волна общественного подъема, вызванная новыми выборами и работой II Думы, опять позволила рабочим организациям свободно вздохнуть и приняться за выравнивание своих расстроившихся рядов.

Профессиональные организации начинают снова свою прерванную организационную работу и помогают рабочим оказать сильное сопротивление предпринимателям. Рабочие массы стали сознавать, что только прочные организации дадут им в руки надежное оружие для борьбы с локаутами, и это сознание толкало рабочих укреплять свои союзы и всячески содействовать их развитию и росту.

В свою очередь и профессиональные союзы, почуяв укрепляющую связь с широкими слоями пролетариата, начали развивать интенсивную работу, постепенно расширяя свое влияние, укрепляя свои позиции и пуская глубокие корни в рабочих массах. Организованные рабочие составляли всего 8,6%.

К этому периоду относится также широкое развитие культурно-просветительной деятельности в рабочих массах.

Профессиональные организации, идя навстречу пробудившейся в массах жажде знания и стремлению к образованию, уделяли достаточно внимания этим запросам, но, благодаря недостатку в них интеллигентных сил, не всегда были в состоянии справиться с этими задачами.

На помощь им в этом вопросе пришли тогда общества самообразования, начавшие возникать в крупных промышленных центрах, в особенности в Петербурге и Москве. Эти общества, возникавшие исключительно благодаря самостоятельности рабочих, устраивали лекции, литературные и музыкальные вечера, открывали библиотеки и читальни, организовывали экскурсии и т. п.

Вообще, профессиональные союзы не ограничивались одной борьбой за улучшение экономического положения, но всячески старались поднять общий культурный уровень рабочих.

Правда, в этот период в этом отношении было сделано не так уж много, так как вся работа профсоюзов протекала в бурной обстановке борьбы и очень часто прерывалась, что, конечно, мешало ее спокойному течению.

Во многих городах, в том числе в Самаре, Баку, Воронеже, организовывались общеобразовательные курсы, а в Петербурге, Баку, Казани, Курске были попытки к созданию курсов по истории профессионального движения.

Но в общем масштабе деятельности союзов культурно-просветительная деятельность часто должна была отодвигаться на второй план, о ней в передовой статье 15 номера „Профессионального Вестника“ прямо говорится: „До сих пор союзы, занятые организационной и непосредственной борьбой с варварскими условиями труда, слишком мало уделяли времени и сил своим культурно-просветительным задачам. Сейчас интересы самого профессионального движения заставляют союзы перенести центр тяжести в эту заброшенную область деятельности“.

И действительно, в периоды реакции, почти с самого начала ее, когда непосредственная борьба затруднялась, заметно усиливалась деятельность культурно-просветительная. Впоследствии результаты этой работы сказались в том, что облегчили дальнейшее развитие профессионального движения и послужили фундаментом для выявления новых кадров профессиональных работников.

Сильно также проявилось в это время стремление профессиональных организаций к объединению. Первые шаги в этом направлении были сделаны, как мы указывали, еще раньше, теперь же разрозненные попытки к установлению прочных связей между одноименными союзами разных городов привели к созыву целого ряда конференций и съездов, на которых обсуждались организационные, политические и экономические вопросы, занимавшие в это время умы передовых рабочих, и вырабатывалась общая тактика союзов по всем злободневным вопросам профессионального движения.

Наиболее крупными из таких конференций и съездов, состоявшихся в первой половине 1907 г., были следующие:

На первой всероссийской конференции печатников, собравшейся в апреле 1907 года в Гельсингфорсе, присутствовало 72 делегата от 57 союзов из 43 городов, объединявших 29.179 рабочих печатного дела.

Конференция высказалась за замену сдельной заработной платы повременной и рекомендовала союзам на местах приступить к проведению в жизнь этого принципа; она рекомендовала также направить усилия на проведение по всем областям минимума заработной платы, при чем этот минимум должен быть установлен соответственным областным центром, и стремиться к заключению временных тарифных соглашений с предпринимателями.

По вопросу о борьбе с безработицей и помощи безработным конференция печатников признала необходимым установить для членов союзов дорожную помощь и производить при союзах регистрацию безработных как членов, так и не-членов, и во время массовой безработицы и массового расчета рабочих с разрешения общих собраний выдавать пособия всем безработным, независимо от того, состоят ли они членами союза.

По вопросу об ограничении доступа в ремесло конференция отвергла все меры, направленные к ограничению ученичества, и единственно правильным средством борьбы с эксплоатацией учеников признала проведение в жизнь требований об улучшении их положения; она установила также равноправность женского труда и решительно высказалась против противодействия рабочих введению наборных машин.

На конференции союзов рабочих по металлу, созванной в Москве 1907 г., присутствовало 29 делегатов из 18 союзов с общим числом 27.431 чл.

Эта конференция решительно высказалась по вопросу о партийности союзов против всякого дробления сил рабочих в области экономической борьбы, против попыток использовать профессиональные организации для дискуссий партийно-политического характера и рекомендовала рабочим организовать для осуществления своих задач профессиональные союзы независимо от национальности, религиозных и политических убеждений.

По мнению конференции, только создание таких сильных профессиональных организаций и объединение их в областные профессиональные союзы, при полной согласованности действий экономической и политической организаций рабочего класса, будет в состоянии обеспечить успех борьбы рабочих против организованных капиталистов с их тактикой локаутов.

Остановив затем свое внимание на ряде подготовлявшихся правительственных законопроектов по рабочему вопросу, конференция выразила против них свой протест, как против попытки „создать фабричное законодательство, не опирающееся на самодеятельность рабочего класс и идущее рука об руку с уничтожением его профессиональных организаций".

Рабочие текстильного производства имели в этот период две свои областные конференции, соответственно главным центрам этого производства. На одной из них, представлявшей наш центральный район, присутствовало 16 делегатов от 13 союзов, объединявших около 10.000 рабочих; на второй были представлены профессиональные организации Царства Польского, пославшие 17 представителей от 25.000 рабочих.

Под влиянием пережитых ужасов лодзинского локаута, текстильщики центрального района поставили на очередь выработку мер практической борьбы с тактикой локаутов капиталистов. Не ограничиваясь принятием по этому вопросу резолюций принципиального характера, они высказались за удержание рабочих от частичных забастовок в целях подготовки всеобщей областной стачки в ответ на возможное объявление локаута.

В этот же период состоялись конференции и съезды рабочих организаций, представлявших следующие отрасли труда: съезд

кожевников С.-Западного края, съезд обществ взаимопомощи лиц частного служебного, труда, фактически превратившийся в конференцию профессиональных союзов торговых служащих, съезд рабочих сахарного производства Царства Польского, конференция профессиональных союзов портновского цеха, конференция рабочих архитектурно-строительного дела, конференция рабочих чайных развесок, областная конференция рабочих по изготовлению одежды Поволжья и Урала, областная конференция торговых служащих и портных Московского района, конференция техников и целый ряд других.

Таким путем одновременно с объединением во всероссийском масштабе шло и областное строительство, при чем областные конференции иногда предшествовали всероссийским, а чаще созывались по инициативе последних.

Помимо упомянутых выше, областные конференции имели мосто у текстильных рабочих Московского района, у булочников; на всероссийской конференции печатников были представлены вполне оформленные областные союзы печатников Прибалтийского края и литографов Царства Польского.

Помимо конкретных вопросов, затрагивавших интересы данной профессии, почти на всех конференциях выдвигался и ряд общих вопросов рабочего движения: о заработной плате, о безработице, об организационном объединении союзов и т. д.

По последнему вопросу большинство конференций высказалось за немедленное создание всероссийского объединения профессиональных организаций. Но при тогдашнем развитии профессионального движения на местах, при отсутствии прочных областных объединений,— стремление к созданию всероссийских союзов неизбежно должно было остаться висящим в воздухе.

Наиболее правильно к разрешению этого вопроса подошли лишь рабочие по металлу и печатники. Первые — попросту отложили этот вопрос, признав, что первоначально необходимо создать лучшие формы организации на местах и занялись детальной разработкой этого дела.

Печатники же признали всероссийское объединение преждевременным, постановив начать работу по организации прочных областных союзов не по определенному шаблону, а сообразуясь с местными условиями. Но наряду с этим конференция печатников наметила ряд мер для практического объединения

отдельных отраслей союзной деятельности, в первую голову правильной постановки дорожной помощи.

Этот путь прочного объединения отдельных профессиональных союзов, стремившихся к созданию объединения во всероссийском масштабе, дополнялся деятельностью профессиональных союзов по поддержанию и укреплению идейного единства с политической организацией рабочего класса.

Но наступившая реакция не дала возможности союзам окончательно закрепить за собой все эти завоевания. С наступлением новой полосы реакции после разгона Второй Думы все добытые с таким трудом профессиональными союзами достижения как в борьбе с предпринимателями, так и в области организации рабочих масс быстро пошли на убыль, а самим союзам пришлось пережить тяжелую полосу безвременья.

Но во всяком случае уроки завоеваний в профессиональной борьбе не прошли даром для рабочего класса. У него осталась в памяти великая школа крупных побед, огромный опыт в стачечной борьбе, которые в последующие периоды профессиональной жизни дали возможность этим массам избегать грубых ошибок при новом подъеме рабочего движения.

В этот период первой русской революции довольно прочно был заложен фундамент для последующего, еще более мощного развития профессионального движения.

В общем, все профессиональное движение русского пролетариата в целом в эти годы (1905—1907), не взирая на постоянные препятствия и бесконечные полицейские препоны, шло ускоренными шагами, и если бы не новая длительная полоса реакции, наступившая после разгона Второй Думы, это движение путем дальнейшего органического развития создало бы мощные пролетарские организации.

К средине 1907 г., по далеко не полному обследованию, профессиональных союзов по всей России насчитывалось 652 союза с 245.555 членами. В этот подсчет не включены профессиональные союзы Прибалтийского края, Сибири и Средней Азии; сведения о профессиональных организациях Кавказа и Царства Польского также неполны. Общее число организаций в этих областях достигало 150 с 33.000 чел.

Лучше всего оказались организованными печатники, у которых союзы охватили 43% общего числа рабочих; у них насчитывалось 72 союза с 28.654 членами.

Затем следуют металлисты, имевшие 81 союз с 54.173 чл., но по отношению к общему числу рабочих, занятых обработкой металла организованные рабочие составляли всего 8,6%.

Среди рабочих, занятых производством питательных продуктов, организовано было всего лишь 7,2% общего числа, среди кожевников—7,4%, среди текстильщиков—3,9%; в остальных отраслях труда дело обстояло еще печальнее. В среднем же по России в профессиональных союзах состояло только 3,5% всего количества числа рабочих.

Следует иметь также в виду, что из общего числа 245.555 чл. рабочих, организованных в союзы, приблизительно только половина регулярно платила ежемесячные взносы.

В общем, как эти годы, так и последующий период еще более жестокой реакции, мало благоприятные для широкой экономической борьбы, были для профессионального движения в России годами напряженной и плодотворной деятельности по выработке форм союзного строительства.

В эти годы широкие массы пролетариата, путем длительной и неустанной пропаганды, усвоили наиболее совершенные формы организации, выработанные рабочим классом Западной Европы и наиболее обеспечивающие успех в экономической борьбе: организацию по производствам, а не по профессиям, добровольность участия, демократический централизм, подчинение взаимопомощи боевым задачам, участие в культурно-просветительной работе среди рабочих масс.

Все это, как и многое другое, прочно вошло в сознание активных участников профессионального движения и, несомненно, содействовало пышному расцвету его в 1917 г., дав возможность немедленно приступить к созданию массовых организаций, не тратя времени и сил на поиски лучших организационных форм.

Экономическая борьба рабочих в этот период характеризуется осмотрительной тактикой и сдержанным настроением; рабочие учитывали надвигавшийся кризис, непрекращавшуюся безработицу и стремление предпринимателей повсюду переходить в наступление путем объявления локаутов.

Удачно прошли в эти годы стачки иваново-вознесенских рабочих, предъявивших требование о повышении заработной платы; выступление нефтепромышленных рабочих в Баку закончилось завоеванием 42-часового недельного отдыха, повышением платы и признанием промысловой комиссии.

Частичных уступок добились рабочие судовых команд Каспийского торгового флота и горнорабочие Донецкого района.

Напротив, рабочим, занятым в кожевенной промышленности и по обработке металла, пришлось пережить не мало локаутов и массовых увольнений, вызванных сокращением заказов в этих отраслях труда.

Точно так же и в целом ряде других производств, в том числе и в текстильном, замечалось все усиливающееся наступление со стороны предпринимателей и переход рабочих к чисто оборонительной борьбе, а часто и к прямому отступлению.

Удачно в это время окончилась борьба петербургских булочников, в числе 6.000 чел., выброшенных на улицу, благодаря локауту хозяев. Благодаря стойкости рабочих и поддержке союза, рабочие добились признания хозяевами прежнего договора.

Так же поучительна борьба московских печатников против стремления предпринимателей удлинить рабочий день. Наступление начал типограф Яковлев, поддержанный всем союзом предпринимателей. Борьба велась более полутора месяцев; когда же союз типографов решил выполнить заказы Яковлева в других типографиях, союз рабочих наложил на них бойкот, объявляя забастовку всюду, где хозяева настаивали на выполнении этих заказов.

Предприниматели ответили на это локаутом, грозя выбросить на улицу 7.000 рабочих, но в решительный момент принуждены были пойти на уступки.

С роспуском Второй Думы не только прекратилось дальнейшее развитие строительства профессиональных союзов, но и многое из созданного рабочими за период 1905—1907 г.г. так основательно оказалось разрушенным наступившей реакцией, что можно было ожидать почти полного прекращения профессионального движения. Но этого, однако, не произошло. Несмотря на всю свирепость реакции, на самое грубое нарушение закона 4 марта, отнять у рабочих завоеванное право коалиций торжествующая реакция оказалась не в силах.

Самые жестокие удары по профессиональному движению не оторвали уцелевших союзов от классового движения пролетариата, не угасили духа борьбы и братской солидарности среди уцелевших участников союзов и не принизили последних до миролюбивых обществ взаимопомощи.

Борьба профессиональных союзов за свое существование в годы реакции (1907—1911).

Разгон II Государственной Думы был провозвестником наступавшей распоясавшейся реакции, которая не замедлила направить все усилия против рабочего класса и его организаций.

Тяжелое положение последнего усугублялось неблагоприятным экономическим состоянием страны, которое являлось прямым следствием тяжелой промышленной депрессии, вызванной неурожаем 1905—1906 г.г., с одной стороны, и невыгодным торговым договором, заключенным Россией с Германией — с другой.

Все это тормозило экономическую жизнь России, производство повсюду падало, а сокращение его сейчас же отражалось и на экономическом положении рабочих.

Само собою разумеется, уже одна эта промышленная депрессия не могла не отзываться на всем профессиональном движении. В соединении же с политической реакцией она должна была сказаться еще сильнее.

Воспользовавшись тяжелым экономическим положением рабочего класса, и правительство, и предприниматели повели против него атаку сразу с двух сторон, дабы с корнем вырвать завоевания прежних лет. И если последнего не произошло, если систематическое преследование каждой ячейки рабочих организаций и стремление разрушить их навсегда приводило к ожидаемым результатам, то исключительно благодаря тому, что даже в годы самой тяжелой реакции в недрах рабочего класса никогда не угасал дух бодрости и веры в окончательное торжество рабочего движения.

Под гнетом тяжелых экономических условий и политических преследований временно отходили от организаций массы, но кадр сознательных борцов за рабочее дело был все же достаточно велик и постоянно пополнялся притоком свежих сил.

На обломках разрушенных организаций тотчас же возникали новые ячейки, на места арестованных и сосланных работников профессионального движения становились их уцелевшие товарищи и вновь героически воссоздавали разрушенную организацию.

Точно так же спокойно переносил пролетариат и все ужасы жестокого промышленного кризиса, сопровождавшегося массовой безработицей и нескрываемым стремлением буржуазии свести счеты со своим классовым врагом.

Прежде всего, реакция свирепо набросилась на существующие рабочие организации и произвела среди них настоящее иродово избиение.

В 1907 г. было закрыто 159 профессиональных союзов, в следующем году погиб еще 101 союз; в 1909 г. — 96 союзов; в 1910 г. — еще 88 союзов.

Кроме того, за 5 лет реакции было отказано в регистрации 604 рабочим союзам. Наряду с этим наносился ряд ударов по всей профессиональной линии: повсюду запрещались собрания, производились аресты, обыски и высылки руководителей и членов союзов.

Так, в Петрограде почти вслед за разгоном II Думы были произведены повальные обыски у редакторов, секретарей, председателей и видных членов союзов: многие из них одновременно были арестованы и высланы за пределы столицы, к менее же видным работникам профсоюзов применялись угрозы.

Особенно деятельное участие в закрытии профессиональных союзов и, вообще, в борьбе с рабочим движением проявил тогдашний московский градоначальник генерал Рейнбот.

Вызывая к себе представителей разных союзов, он откровенно предлагал им отказаться от той линии, какую они ведут в отношении правительства, предупреждая и угрожая, в противном случае, немедленной высылкой из столицы.

Так, представителям „союза по металлу“ он заявил: „Если бюро от такой тактики отказаться не намерено, то я вынужден буду самый союз закрыть, а членов бюро выслать из столицы“.

Такой тактики держался он все время и свои угрозы неоднократно приводил в действие. Так, напр., им было закрыто в Москве общество „В единении — сила“ и ряд других

союзов: конторщиков, бухгалтеров, графических искусств, по обработке металла и т. п.

Та же самая картина наблюдалась повсюду и в провинции. Так, варшавские рабочие по металлу были арестованы во время общего собрания, на котором присутствовало более 500 чел.

В Одессе были закрыты союзы печатников, портных, хлебопеков и приказчиков. В Нижнем-Новгороде за одну неделю было закрыто сразу 9 союзов. В Лодзи арестовывали правления профессиональных союзов в полном составе. Целый ряд городов подвергался той же участи: Астрахань, Харьков, Пенза, Брянск, Тифлис, Царицын, — где союзы или подвергались жестоким притеснениям, или закрывались и оптом, и по одиночке. Так, витебское губернское присутствие постановило закрыть сразу 6 союзов.

Вообще, разгон II Государственной Думы сопровождался повсюду усилением репрессий в профессиональном движении, но еще больших размеров вакханалия преследований достигла к созыву третьей „черносотенной“ Государственной Думы, так как администрация, верно учитывая рост и значение союзов в предвыборной кампании, стремилась заблаговременно ослабить их влияние.

В это время категорически запрещались какие бы то ни было собрания, закрывались библиотеки, читальни; журналы и, вообще, всякая пресса профессиональных союзов конфисковывались, на некоторые издания накладывались штрафы; аресты и высылки также чрезмерно возросли. Все это не могло не отражаться на деятельности профессиональных организаций. В некоторых местах в этот период были закрыты все союзы.

В особенности свирепствовала администрация в Сибири: в Омске, Челябинске, Кургане, Иркутске, Томске, Чите были закрыты почти все союзы, а те, что остались, носили нелегальный характер.

Правительство, правда, не решалось открыто и прямо уничтожить возможность легального существования профорганизаций, опасаясь, что подобная мера неизбежно вызовет развитие подпольных организаций, менее поддающихся наблюдению, а по своему составу и характеру деятельности — более революционно настроенных и поэтому более опасных для самодержавия.

Но, оставляя, по этим соображениям, за рабочими право на организацию союзов, на практике самодержавная власть стремилась в эти годы реакции окончательно обезвредить для себя действующие профессиональные организации, преследуя их за малейшее проявление революционности, за уклон в сторону политических интересов и т. п.

Продолжать существование при таких условиях могли только те союзы, деятельность которых и без того замерла и поэтому не привлекала внимания власти.

Упадок же революционных настроений в самой рабочей массе, явившийся следствием поражения революции, еще более облегчал задачи реакции. Не будь его, разумеется, никакая реакция не была бы в состоянии своими репрессиями так обессилить рабочие организации, как этого ей удалось достигнуть в 1907—1910 г.г.

Только благодаря тому, что рабочий класс, потерпев поражение, принужден был отступить до нового накопления сил, администрации удавалось сравнительно легко расправляться с профессиональными организациями и отдельными руководителями профессионального движения.

Общая картина этих административных расправ за годы реакции может быть иллюстрирована следующими цифрами. За этот период было арестовано: в 1907 г. — 309 человек, в 1908 — 197, в 1909 — 118, в 1910 — 99, и выслано за это же время 302 человека.

Реакция сильно отразилась и на культурно-просветительной работе профессиональных союзов.

Под ударами репрессий массами гибли рабочие клубы, просветительные общества, кружки для самообразования рабочих, но рабочая масса успела уже осознать все значение подобных организаций и взамен закрытых клубов и обществ спешила создавать новые.

Во многих промышленных центрах рабочие клубы и общества самообразования продолжали работать почти непрерывно вплоть до 1914 г.

Такой же участи подвергается в годы реакции и профессиональная печать. За период от 1906 до 1910 год. закрыто было 101 рабочее издание: в Петербурге — 39 органов, в Москве — 12, в Одессе — 8, а в остальных промышленных центрах от одного до пяти изданий.

Про общеполитические рабочие газеты не приходится и говорить: они все были закрыты.

Закрытие газет, как общее правило, сопровождалось арестами, обысками и ссылками редакторов.

Кроме того, появилась новая мера репрессий на печать, это—штраф за пролетарское издание от 1.000 и до 3.000 рублей. Но все же, несмотря на все эти репрессии и гонения, рабочая пресса не переставала выходить и в эти годы реакции.

1908 г. является характерным в этом отношении: преследования на рабочую печать сыпались, как из рога изобилия, и, тем не менее, в этот год выходит в Петербурге 5 изданий, в Москве — 2, в Херсоне, Тифлисе, Ревеле, Одессе — по одному.

Правда, рабочая пресса в этот год представляла тяжелую картину, она скорее походила на обломки былых боевых рабочих изданий; но, тем не менее, она продолжала выходить.

Репрессии политического характера сопровождались мерами экономического воздействия, значительно ухудшавшими положение рабочего класса. Даже фабричное законодательство ломалось в угоду предпринимателям, и из ведения фабричной инспекции были совершенно изъяты значительные группы предприятий: в 1907 г. были сняты с надзора фабричной инспекции 82 предприятия, в 1908 — 313 и в 1909 — 814.

Так как за период 1907 — 1911 г.г. натиск рабочих масс совершенно ослаб, то не было издано ни одного закона, улучшавшего экономический быт рабочего. Наоборот, увеличивавшиеся нарушения фабричного законодательства со стороны предпринимателей по большей части оставались без последствий даже после составления акта, или просто акты не составлялись, так как фабричная инспекция получала определенные предписания более легко и терпимо относиться к подобным фактам.

Естественно, что администрация фабрик и заводов, чувствуя за своей спиной такого верного и сильного защитника в лице правительства, подымала голову все выше и позволяла себе всячески притеснять и издеваться над рабочими.

До каких пределов доходили эти притеснения, верно рисует следующая картина:

„В бараний рог нас согнули", — жаловалась одна мастерица фабрики В. Морозова. „За каждый поступок гоняют

тебя с работы. Возьмешь пучок ниток подпоясаться — к расчету. Да что, хотя бы тебя одну, а то всех: мужа, сестер, братьев" [1]).

Так как подобные расправы производились на фоне ужаснейшей безработицы, которая не могла не ослаблять сопротивления рабочей массы, то можно себе легко представить до каких пределов издевательства доходили верные слуги капитала, стремившиеся окончательно сломить упорство рабочих.

Стремясь использовать безвыходное положение рабочей массы, предприниматели повсюду шли на понижение заработной платы и начинали широко практиковать систему штрафов, еще более уменьшавших заработок рабочих. В то время как в годы революции штрафы с рабочих сократились более чем в два раза, теперь они снова стали возрастать, стремясь вернуться к дореволюционному уровню.

Размеры безработицы, существовавшей в эти годы, могут быть иллюстрированы следующими цифрами: в одной Москве, по подсчетам „Дома Трудолюбия", в 1907 г. насчитывалось 25.500 безработных. В следующем же году эта цифра поднялась еще выше.

В Петербурге за это же время только на текстильных фабриках было рассчитано 11.000 рабочих, т. е. 13% всех занятых в этом производстве. В Невском районе число безработных поднялось в 1908 г. даже до 27%. Петербургский союз металлистов насчитывал в своих рядах свыше 12% оставшихся без работы.

То же самое происходило и по всей России, особенно в крупных промышленных центрах.

Так, в Николаеве за 1909 г. было зарегистрировано 10.000 безработных. На Урале закрылся сразу ряд крупных заводов, и рабочие были выброшены на мостовую. На Сормовском заводе из 10.000 человек уволено было с 1908 г. свыше 40% рабочих. Вследствие закрытия крупных заводов и фабрик закрывалась и масса подсобных производств.

Массовые расчеты производились в Иваново-Вознесенском и Шуйском текстильных районах. Появилась безработица среди мельничных работников в Екатеринославе, Кременчуге, Ростове, Павлограде и центрах мукомольной промышленности.

---

[1]) „Русские Ведомости", 1908 г., № от 8 января.

Бросая насиженные места, рабочие массами отправлялись за поисками работы в другие города, но большей частью безуспешно.

В Архангельске, например, увеличилась безработица за счет Костромы, Ярославской и Нижегородской губерний, откуда рабочие приехали в поисках работы на лесопильных заводах.

Не лучше было и в 1910 г. Только за один месяц в Донецком бассейне было расчитано 10.000 рабочих, работавших в каменноугольной промышленности. К этому времени безработица усиливается в нефтяной и каменноугольной промышленности, охватывая весь юг, Урал, Кавказ и Поволжье.

„Расчет", „сокращение", „безработица"—вот слова, которые чаще всего слышны были в эти годы по рабочим кварталам.

Естественно, что при таких условиях заработная плата рабочих большими скачками падала вниз. Но не довольствуясь снижением платы, предприниматели охотно шли на замену мужской рабочей силы женской, а впоследствии—подростками и малолетними.

Положение рабочих масс было поистине безвыходное; кое-где уцелевшие профессиональные союзы стремились, правда, организовать комитеты помощи безработным, но число безработных было так велико, а средства комитетов настолько мизерны, что удовлетворить всех нуждающихся было невозможно.

Если же это стремление рабочих организоваться для помощи своим нуждающимся товарищам приобретало сколько-нибудь широкие размеры, то появлялся запрет со стороны администрации.

На почве создавшегося прямо безвыходного положения значительно участились случаи самоубийств безработных. Так, по петербургской статистике в 1905 г. из-за безработицы покончили собой всего 94 человека, а в 1907 г. число их сразу поднялось до 130.

То же самое явление отмечалось и по другим городам: в Москве, Одессе, Киеве, Харькове.

Вообще, жизнь рабочего, доведенного до пределов отчаяния голодом, измученного всякими лишениями и, в связи с этим, семейными неурядицами, становилась ему самому ненужной;

когда одного рабочего спасли после его покушения на жизнь, то он запротестовал:

„Зачем спасли, все равно завтра жрать нечего утром"...

Еще более трагично было положение женщин-работниц, очутившихся без заработка.

Нужда, голод и материнское чувство к голодным детям толкали ее сплошь и рядом на улицу, и эти годы реакции и безработицы для рабочих кварталов сопровождались усиленным ростом проституции.

Повсюду можно было видеть, как по вине капитала вчерашние работницы превращались в невольных белых рабынь.

Наконец, некоторые из рабочих пытались искать выход из положения в экспроприациях учреждений и частных лиц. Большинство из них не имели ничего общего с анархизмом, но просто прикрывались этим именем и шли на экспроприацию, толкаемые на это дело голодом. Вот почему в эти годы увеличивается процент расстрелов, ссылок и заточений в тюрьму за грабежи и экспроприации.

Все это свидетельствовало о тяжелом положении пролетарских масс и, тем не менее, нельзя, конечно сказать, что рабочий класс был окончательно сломлен реакцией и сдал ей завоеванные в эпоху революции позиции без всякой борьбы.

Он не в состоянии был удержать объединенного натиска правительства, предпринимателей и ужасов безработицы и принужден был отступать, но отступал все же с борьбой, давая чувствовать врагам, что торжество их только временно.

Объективные причины поражения революции 1905 г. были познаны рабочим классом, конечно, не сразу; некоторое время еще оставались иллюзии и надежды на новый взмах революционной волны, но классовый инстинкт довольно быстро подсказал ему единственную правильную тактику при создавшемся положении — отказ от наступательных действий и переход к обороне. Поэтому-то вся борьба рабочего класса в этот период все больше приобретала характер самообороны.

О новом натиске не приходилось и мечтать, так как даже для оборонительных стачек у массы не всегда хватало сил и воли к борьбе.

Стачечная борьба поэтому уменьшалась с каждым годом все больше и больше, пока, наконец, в 1909 г. она почти

совсем не сошла на нет. Постепенное уменьшение стачек по годам ярко выступает, если его сравнивать, начиная с революционного 1905 г.

В 1905 г. общее число стачек достигло	13.955
„ 1906 „ „ „ „ „	6 144
„ 1907 „ „ „ „ „	3.573
„ 1908 „ „ „ „ „	892
„ 1909 „ „ „ „ „	310
„ 1910 „ „ „ „ „	222

В еще большей пропорции уменьшалось из года в год количество политических стачек:

В 1905 г. оно равнялось	8.209
„ 1907 „ „ „	2,600
„ 1908 „ „ „	464
„ 1909 „ „ „	50
„ 1910 „ „ „	8

Участие рабочих масс в стачках понизилось также колоссально. В то время, как в 1905 г. число участников всех забастовок (и политических, и экономических) достигло 2.863.000, превысив более чем в полтора раза общее число рабочих бастовавших предприятий [1]), в 1910 г. оно упало до 46.000 человек.

В 1909 г. по сравнению со стачками 1905 г. количество последних уменьшилось в 63 раза, а число стачечников— в 62 раза. Но дело, разумеется, не ограничилось одним количественным уменьшением числа стачек.

Создавшаяся неблагоприятная обстановка отражалась неизбежно и на результатах борьбы, и в то время как в 1905 г. только 22% всех экономических забастовок оканчивались неудачно для рабочих, теперь процент проигранных ими стачек повышался из года в год, дойдя уже в 1906 г. до 55,2%.

Далеко не блестяще обстояло дело и с теми сравнительно немногочисленными профессиональными организациями, которые сумели избежать расправы и продолжали свою работу. Даже наиболее крупные союзы оказались обессиленными и потрепанными в этой борьбе.

К сожалению, точных сведений и данных как о количестве профессиональных союзов, так и о числе членов их в годы реакции не удалось собрать, ибо тогда без всяких стеснений

[1]) Т. е., иными словами, на каждую фабрику или завод в среднем приходилось полторы стачки.

уничтожалась, конфисковалась и разорялась вся пресса, все секретариаты союзов.

Сколько-нибудь полные данные имеются только за 1907 г., но и они далеко не точны и не дают исчерпывающей картины роста и развития профессионального движения, так как даже и тогда от многих союзных организаций сведений не поступало.

В годы же реакции со статистикой профессионального движения дело обстояло более чем печально.

Точными сведениями мы не располагаем вовсе; имеются только лишь разрозненные, трудно сводимые данные.

По этим данным к 1 июля 1907 г. насчитывалось в 59 губерниях России 652 профессиональных организации с 246.272 членами, а с поправкой на исправно плативших членские взносы число организованных может быть принято в 123.000 чел.

Что же осталось от этих организаций в 1910 году?

В Петербурге из 36 союзов с 48.500 членов, числившихся весной 1907 г., уцелело к 1909 г. всего 17 союзов; в восьми наиболее крупных из них насчитывалось всего 8.418 чел.

В Москве из 32 союзов к средине 1909 г. сохранилось только 20 союзов, да и то из них около десятка лишь числилось на бумаге, а число членов их понизилось с 41.500 до 7.000 чел., а по другим данным—даже 4.000 чел. и составляло всего лишь 2—3,5% всех рабочих, занятых в соответствующих отраслях труда.

О том, как обстояло дело с профессиональными союзами в провинции, сведения почти совершенно отсутствуют. Общее число рабочих, продолжавших оставаться организованными в союзы к 1910 г., определяется некоторыми авторами всего в 35.000 чел.

Судя по приведенным выше данным Москвы и Петербурга, если эта цифра и меньше действительной, то не на много. После всех пережитых гонений и репрессий скорее даже надо было удивляться тому, как эти все же десятки тысяч пролетариев сохранили верность своим организациям.

При общем угнетенном состоянии рабочего класса, потерпевшего поражение в революции, отход широких масс от организаций был неизбежен; в последних должны были оставаться лишь наиболее сознательные элементы пролетариата, лишь наиболее стойкие из борцов.

Ценное подтверждение тому, что дело обстояло действительно так, мы находим в сообщении одного из заклятых врагов рабочего класса—тов. министра внутренних дел Курлова, сделанном им в III Государственной Думе.

Данные эти относятся к 1909 г. и обнимают 36 уцелевших союзов, в которых осталось всего 27.619 чл. Согласно этим данным, из общего числа уцелевших членов профсоюзов 13.475 чел. (т. е. 48%) являлись социал-демократами.

В то время как в 1907 г. с.-д. в рядах профессиональных организаций составляли не более 1/3 всех членов, в годы реакции их роль значительно возросла и почти достигла половины всего состава членов союза.

Этому свидетельству можно вполне поверить и это обстоятельство несомненно являлось одной из главных причин, почему реакции, несмотря на всю проявленную ею активность, так и не удалось окончательно задушить профессионального движения.

Подводя итог положению профессиональных организаций в годы реакции, необходимо еще раз подчеркнуть, что главной причиной упадка движения явились не репрессии правительственной власти, направленные против профессиональных союзов, но упадок революционных настроений внутри самого рабочего класса, который обессилел в неравной борьбе, под гнетом тяжелых экономических условий и бесчисленных материальных жертв.

Профессиональное движение в годы промышленного подъема и империалистической войны.

Промышленный кризис и депрессия окончательно прекратились и сменились новым промышленным подъемом только в 1911 г. Длительный кризис, как это обычно бывает в капиталистических странах, содействовал дальнейшей концентрации производства в крупных промышленных предприятиях. Общие размеры промышленности также стали сильно возрастать. Заметно увеличилось производство в предприятиях по выплавке чугуна, где за три года (1911—1914 г.г.) количество выплавленного чугуна увеличилось на 97 миллионов пудов, что составляло 53%, и по каменноугольной промышленности, где угля за тот же период добыто было на 692 миллиона пудов более, т. е. на 45%.

Общее число рабочих также возросло; в среднем по всем предприятиям оно увеличилось на 10% (с 2.500.000 чел. до 2.750.000 ч.), но при этом, как было сказано выше, заметно усилилась концентрация промышленности.

Кустарная промышленность уступала свое место фабрикам и заводам: кустарь из мастера превращался в промышленного пролетария, и в то же время мелкие промышленные предприятия усиленно вытеснялись более крупными. Так, в одной только текстильной промышленности с 1900 — 1912 г.г. число прядильных веретен увеличилось более чем на 17%, а число механических ткацких станков за тот же период возросло более чем на 40%.

Концентрация промышленности в эти годы возрастала усиленным темпом и переросла даже Запад. Так, в год европейской войны в С.-А. Соединенных Штатах на крупных предприятиях, где работает свыше 500 человек рабочих, было занято по отношению к общему числу рабочих только 31%, тогда как в Россия — 56,5%. Количество рабочих, приходящихся в среднем на одно предприятие, у нас продолжало возрастать

довольно быстро: в 1901 г. оно составляло 96 чел., в 1905 г.— поднялось до 121 ч., а к 1913 г.— достигло 130 ч.

Особенно быстро росли гигантские предприятия с числом рабочих в 1.000 человек и более. За период с 1904 года по 1909 г., т. е. всего за 5 лет количество занятых на этих гигантских предприятиях рабочих увеличилось на 20%, в то время как на предприятиях средних с числом рабочих от 100 до 300 ч. оно возросло только на 4%, а на мелких (эксплоатировавших менее 100 ч.) оно даже сократилось на 11%.

Усиливалось также и объединение предприятий в тресты и синдикаты. Так, из 16 строительных заводов было синдицировано 14 заводов; капитал объединенной металлургической промышленности возрос с 1907 г. по 1913 г. на 33% и т. д. К началу империалистической войны заметно также возросла роль банков в деле регулирования и управления промышленностью, при чем размер самого банковского капитала за период 1910—1914 г.г. возрос чуть ли не на 50%.

Наконец, необходимо отметить, что главную роль в большинстве промышленных предприятий у нас еще с начала XX столетия играл иностранный капитал, и его значение все время продолжало возрастать.

Вся угольная промышленностк Донбасса находилась в руках иностранцев, чугунно-железоделательная, электрическая промышленность также почти всецело зависели от иностранного капитала. Иностранный же капитал переносил к нам с собой улучшенную технику производства, будучи заинтересован в значительном повышении производительности труда, с целью извлечения наибольшей прибыли.

Поэтому наряду с экономическим подъемом, с ростом промышленности чрезмерно увеличивалась и прибыль предпринимателей. Казалось бы, что и экономическое положение рабочих должно было улучшиться. Но этого не только не наблюдалось, а, наоборот, как мы имели случай указывать в предыдущей главе, эксплоатация рабочей массы в годы реакции достигла небывалых пределов.

Война 1914 г., правда, внесла некоторую заминку в производство, но не надолго; она только заставила предпринимателей, для получения больших прибылей, перестроить свои заводы на изготовление необходимых для военных действий предметов.

Не отразилась сильно на состояния промышленности и мобилизация чуть ли не 40% рабочих, отправленных на фронт; наличность резервной армии позволила предпринимателям не только довольно быстро заполнить эту брешь, но даже еще расширить размеры производства, применяя в широких размерах наряду с мужским и женский труд, и труд малолетних, а также и более дешевый труд китайцев и военнопленных.

Между тем, уже с конца 1910 г., когда только что начало сказываться оживление в промышленности, почувствовалось определенно пробуждение и среди рабочих организаций.

Одними из первых стали шевелиться профессиональные союзы, стремясь использовать улучшившуюся конъюнктуру и принудить предпринимателей повысить условия существования рабочих масс. Правда, нарождение новых профессиональных союзов в этот период по-прежнему сильно тормозилось общеполитическими условиями и потому шло довольно медленно, но и оно все же имело место. Деятельность же уцелевших союзов и увеличение количества членов их возрастали из месяца в месяц.

Наряду с пробуждением профессиональной борьбы, возродились и общеполитические настроения среди пролетариата.

Появилась еженедельная легальная с.-дем. газета „Звезда", превратившаяся вскоре в ежедневную „Правду"; появились и другие общеполитические рабочие газеты: „Луч", „Наш Путь", а наряду с ними стала оживать и профессиональная печать не только в столичных центрах, но и в провинции, и на ее страницах, как и на страницах общей рабочей печати, открылась широкая агитационная кампания по собиранию вновь распыленных сил борцов и воссозданию профессиональных организаций.

Начала постепенно разгораться и экономическая борьба пролетариата.

Особенно сильный подъем стачечного движения вызвали Ленские события. Ничем не вызванный расстрел ленских рабочих, проявленный по приказу из Петербурга во славу высокопоставленных акционеров золотопромышленного общества, как эхо отозвался по всей России. Повсюду в виде протеста над произволом правительства прошла волна стачек.

По сведениям фабричной инспекции число бастующих в ответ на ленский расстрел доходило до 246.000. Особенно

сильные волнения и стачки происходили в крупных промышленных центрах. В Москве и в Петербурге не было ни одного предприятия, где бы не было объявлено забастовок.

Ленские события как бы окончательно разбудили сверху донизу весь пролетариат России, и с этого момента волны политических и экономическик забастовок следуют одна за другой и, подгоняя одна другую, проходят по всей России. Число бастовавших 1 мая 1912 года уже достигало полумиллиона человек.

И чем дальше, тем выше поднимались волны рабочего протеста и борьбы за улучшение своего положения, грозя моментами перейти в настоящие революционные всплески девятого вала.

Вновь пробудившийся к политической жизни рабочий класс не пропускал, казалось, ни одного случая издевательства или грубого проявления самовластия властей, чтобы заклеймить их своим протестом в форме политических стачек, а порою и открытых уличных выступлений.

Наряду с политическими выступлениями, если не шире их, то, во всяком случае, упорнее и настойчивее, разливалась и экономическая борьба рабочих масс, стремившихся использовать благоприятный момент и вернуть борьбой все то, что у них было отнято в годы затяжной реакции.

Этот период экономической борьбы определенно отличался от всех предшествовавших осторожной тактикой и тщательным взвешиванием шансов возможного успешного исхода. Но, несмотря на осторожную тактику, проявляемую в этой борьбе профессиональными союзами, благодаря обострению классовых взаимоотношений, рабочим не легко было добиваться победы и далеко не все их стачки оканчивались успешно. Объединившиеся предприниматели, поддерживаемые администрацией, оказывали огромное сопротивление союзам в этой борьбе, и процент выигранных рабочими стачек был не особенно высок.

Общее количество стачек и их нарастание из года в год характеризуется следующим цыфрами:

Годы	Число стачек	Число бастовавших
1911	422	256.800
1912	2.032	725.490
1913	2.142	861.300
1914	3.543	1.337.500

Главными мотивами стачечного движения этого периода было увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и отмена системы штрафов.

По подсчету фабричной инспекции в 1913 г. почти 60% всех бастовавших рабочих боролись за повышение заработка; в 1914 г. из общего числа 869 организованных экономических забастовок, 474 стачки происходили по поводу повышения заработной платы и 349 — из-за сокращения рабочего дня.

Другими мотивами стачек были: улучшение санитарных условий, отмена сверхурочных работ, установление отпусков, выдача квартирных денег и т. п.

Результаты экономической борьбы пролетариата, как мы уже указывали, благодаря отчаянному сопротивлению капитала, были гораздо менее благоприятны для рабочих, чем в революционные 1905 — 1907 гг.

Так, в 1913 г. только 31% бастовавших рабочих добились стачечной борьбой полного или частичного успеха, для 69 же процентов эта борьба окончилась поражением. В 1914 г. сопротивление предпринимателей было еще сильнее и только 9% стачек оканчивается победой рабочих, в 7,5% стачек рабочим удается достигнуть частичных уступок и в 83,5% они терпят поражение.

Объединенные в боевые союзы предприниматели употребляли всевозможные усилия, чтобы не допускать торжества своего классового врага, а буржуазно-помещичье государство всегда охотно содействовало им в этом, обрушиваясь на рабочих репрессиями и спеша разрушить профессиональные организации рабочего класса, руководившие этой борьбой.

Было бы очень утомительно даже перечислять все производства и города, которые в эти годы были охвачены борьбой. Остановимся поэтому только на главнейшем.

На общем фоне этой борьбы ярче всего выделялась борьба петербургского пролетариата, который все время шел во главе движения. А среди петербургских рабочих своей революционностью, сознательностью и сплоченностью в борьбе отличались рабочие крупных заводов и прежде всего — металлисты.

Когда петербургское общество фабрикантов и заводчиков в 1922 г. в ответ на первомайскую стачку решило наложить на всех рабочих и работниц, принимавших в ней участие, штраф, эта мера вызвала со стороны большинства рабочих

ответные стачки с требованием снятия штрафа. Особенным упорством отличалась борьба рабочих на ряде заводов за Московской заставой.

Стачка на заводах Сименс-Гальске, продолжавшаяся целых 13 недель, вызвала широкое сочувствие в остальных рабочих Петербурга, и на помощь бастовавшим из-за майского штрафа откликнулись десятки тысяч рабочих других фабрик и заводов и собрали в их пользу 12.000 рублей.

Эта стачка, правда, также закончилась неполной победой рабочих, благодаря вмешательству полицейской силы, но для всего петербургского пролетариата, считавшего поддержку этой стачки своим кровным делом, эта упорная борьба имела огромное значение.

Рост сознательности рабочих масс прекрасно иллюстрируется следующим случаем во время этой стачки.

Когда однажды полицией была арестована часть собрания, при чем захвачены были как раз наиболее передовые рабочие, кто-то предложил прекратить стачку, „так как, де, все вожаки сели". Но большинство рабочих Сименс-Гальске с негодованием отвергло это предложение:

„Не на вожаках держится масса, а вожаки на массе", говорили рабочие, и почти единогласно высказались за продолжение стачки.

В следующем 1913 г. забастовочное движение среди рабочих крупных петербургских фабрик и заводов продолжалось с неослабевающим упорством.

Все усилия администрации, штрафы, угрозы и локауты объединенных промышленников были бессильны остановить то движение.

Рабочие, правда, далеко не всегда выходили победителями из этой борьбы; очень часто они отваживались на нее, не соразмерив как следует своих сил, за что им и приходилось часто платиться долгими месяцами безработицы, отчаянных лишений и голода.

Но борьба, тем не менее, продолжалась и даже ширилась, захватывая все новые и новые слои пролетариата. Сами поражения учили рабочих, как надо вести борьбу, и выковывали стойких борцов для будущего.

В особенности следует отметить стачку на заводах Эсснера, вызванную грубостью мастера Лауля, который обвинил

в воровстве неповинного рабочего Стронгина и этим толкнул его на самоубийство.

Товарищи неповинно потерпевшего вступились за честь и память погибшего Стронгина и немедленно прекратили работы, выставив требование убрать зарвавшегося мастера.

Сотни собраний, резолюций и различных приветствий и тысячи по грошам собранных рублей были ответом поднявшимся на борьбу лесснеровским рабочим.

Не только в Петербурге, но и в самых отдаленных уголках России это товарищеское выступление за честь и человеческое достоинство рабочего встретило живой отклик, и эта стачка явилась ярким показателем неудержимого и стремительного роста классового сознания русских рабочих.

На заводе „Старый Лесснер" стачка длилась 67 дней, а на заводе „Новый Лесснер"— 102 дня.

Помимо помощи деньгами, во время этой стачки рабочими стал практиковаться новый способ поддержки забастовавших путем отдачи детей стачечников в семьи других.

Приблизительно по таким же мотивам, в знак протеста против кулачной расправы, бастовали рабочие Путиловского завода.

Еще неудачнее окончилась попытка правительства бороться со стачками путем судебного преследования.

Первая же попытка подобного воздействия, когда за стачку были преданы суду обуховские рабочие, вызвала столь сильное возбуждение со стороны петербургских рабочих, отметивших день суда грандиозной забастовкой, в которой участвовало до 100.000 чел. и целым рядом митингов, на которых выносились резолюции с требованием свободы коалиций,— что оно сразу же показало всю тщетность надежд побороть подобным образом стачечное движение.

Были неоднократные попытки и правительства, и предпринимателей совместного наступления на рабочих. Предприниматели объявляли локаут, а администрация в этот момент спешила закрыть союзы, чтобы подорвать сопротивление рабочих. Этот способ борьбы был применен, между прочим, и к петербургскому союзу металлистов, когда он начал организовывать протест по поводу отравлений на ряде фабрик. Предприниматели немедленно объявили локаут, охвативший до 70 тыс. рабочих, а правительство тотчас же поспешило закрыть союз.

Однако, и эти меры не принесли капиталистам желанного результата. На месте закрытого легального союза, тотчас же возник подпольный союз и продолжал организацию сопротивления против наступавшего капитала.

Но в Петербурге так энергично боролись за свои права далеко не одни только рабочие крупных фабрик и заводов.

Ремесленный пролетариат и рабочие мелких промышленных заведений не менее упорно добивались улучшения своего положения.

Особенно настойчиво вели борьбу рабочие петербургских хлебопекарен.

Настроение среди них начало подниматься уже с самого начала 1912 г. Но наученные горьким опытом борьбы предъидущих лет, петербургские пекаря раньше, чем идти в бой, решили как следует укрепить свои ряды.

Существовавший союз рабочих хлебопекарного производства взял на себя эту подготовку, решив прежде всего объединить всех безработных пекарей для избежания возможного срыва ими стачек.

Эта задача оказалась нетрудной, так как большинство безработных жило в общежитиях, организованных союзом, и к весне 1912 г. почва среди безработных была уже достаточно подготовлена. Значительная часть их вступила членами в союз, при чем безработные пяти общежитий единодушно вынесли постановление о том, что в предстоящей стачечной борьбе ни один из них не будет срывать стачки.

Экономические стачки начались сразу же после первомайского выступления, в котором приняло участие до 10.000 пекарей.

Первоначально профессиональный союз предполагал открыть борьбу всем фронтом, объявив всеобщую стачку, но, тщательно взвесив свои силы и обсудив детально положение, решил отказаться от этой тактики, так как последняя, благодаря неизбежному вмешательству полиции, могла легко окончиться поражением рабочих и повести к закрытию самого союза.

Отказавшись в виду этих соображений от организации общей экономической стачки, союз выдвинул взамен ее идею „партизанской“ борьбы перемежающимся стачками.

Целый ряд таких стачек, проводимых последовательно друг за другом, закончился для петербургских пекарей весьма

удачно и в некоторых случаях, как, например, во время забастовки во всех хлебопекарнях Филиппова, привел почти к полному возврату тех условий труда, какие были завоеваны рабочими в период революции 1905—1907 г.г., но затем последовательно были отняты предпринимателями.

Успех этой тактики достигался даже тогда, когда владельцы пекарен пытались отвечать на стачки рабочих локаутом, как было, например, во время забастовок рабочих бараночного производства.

Борьба тогда, правда, принимала характер всеобщей стачки, которой союз старался избегать, но инициатором ее в этих случаях являлся уже не профессиональный союз, а сами предприниматели и полиция оказывались в таких случаях бессильными, не имея поводов для расправы с рабочими и их организациями.

Правда, полиция не прекращала преследований и в этих случаях, усиленно выслеживая и подвергая аресту и высылке отдельных передовых рабочих и руководителей союза, но общих массовых репрессий она применять не могла.

А благодаря этому, бессильными оказались и локауты предпринимателей. Рабочие петербургских пекарен противопоставляли им необычайную стойкость и воздержанность, упорно добиваясь установления праздничного отдыха, сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, отмены хозяйских квартир и харчей и признания своих выборных.

Еще больших размеров достигла эта борьба в следующем 1913 году, за который пекаря успели произвести 202 стачки по отдельным предприятиям. Правда, далеко не все эти многочисленные стачки окончились полной победой рабочих, но все же более чем в 75 случаях из 100 рабочим удавалось добиваться частичной или даже полной победы.

Немногочисленные сравнительно поражения происходили благодаря срывавшим стачки штрейкбрехерам, которых организовавшиеся владельцы пекарен начали организованно доставать.

Когда же профессиональный союз начал успешно бороться и против штрейкбрехерства, он был закрыт в начале 1914 г.

Но к этому времени сознание необходимости сохранить свою профессиональную организацию успело так глубоко внедриться в широкие массы пекарей, что не помогло

и закрытие союза. На месте закрытого легального союза рабочими немедленно же был организован нелегальный, продолжавший начатую уже борьбу, и одновременно были предприняты шаги для его легализации под новым названием: „Союз мучных изделий".

С неменьшим упорством, чем борьба пекарей, проходили в Петербурге организованные стачки и в других отраслях труда.

Даже среди профессий, в которых трудно было наладить прочную организацию, как, например, среди портных, экономическая борьба в эти годы общего подъема, проходила довольно удачно и вела к улучшению положения рабочих.

Среди 50.000 портных г. Петербурга в 1912 году едва ли насчитывалось 400 — 500 членов союза, так как подавляющее большинство их работало либо у себя на дому (так называемые „квартирники"), либо же было разбросано по тысячам мелких мастерских.

Такая же распыленность производства, мешавшая организовать рабочих портных в мощный союз, облегчала для предпринимателей возможность срывать стачки либо организацией штрейкбрехерства, либо же передачей заказов в другие мастерские.

И тем не менее, когда союз портных стал во главе начавшейся экономической борьбы, ему удалось добиться значительных успехов, благодаря удачно выбранному моменту. Так же успешно проходила борьба портных и в ряде других городов, где во главе ее становились профессиональные организации.

Особенно поучительна в этом отношении тактика харьковского профессионального союза портных.

Избрав для начала стачек осенний сезон, когда безработицы среди портных совершенно не ощущалось, и даже, наоборот, мастерские были завалены заказами, союз провел первую стачку в крупной мастерской, заполненной исключительно высоко-квалифицированными и, благодаря этому, трудно заменимыми рабочими. Когда же эта стачка, предварительно тщательно подготовленная, закончилась полной победой и, естественно, подняла настроение и среди остальной армии портных, начался целых ряд перемежающихся стачек, которые почти все прошли успешно и сопровождались значительным повышением зарплаты.

Менее благоприятна по своим последствиям, но не менее драматична по отдельным эпизодам была борьба рабочих печатного дела.

Хотя печатники почти повсюду были прекрасно организованы, но их организациям также повсюду противостояли не менее мощные союзы предпринимателей. Поэтому их борьба протекала в особо трудных условиях и не всегда заканчивалась успехом.

В Петербурге в 1913 году к этим основным затруднениям присоединилась также и значительная безработица, заставившая их еще более осмотрительно взвешивать каждый раз шансы на успех выступления.

Любопытна также борьба печатников Прибалтийского края.

Когда владельцы типографий осенью 1912 года вздумали вдруг ввести новый тариф заработной платы, союзу удалось организовать сопротивление буквально во всех типографиях девяти городов Прибалтики.

Решено было объявить стачку и об этом за две недели вперед, согласно действующему закону, были предупреждены союзом владельцы всех типографий. Последние бросились немедлено за помощью к губернатору, и на союз печатников немедленно посыпались кары. Секретарь был арестован, а председатель был вызван губернатором для внушений и ему было заявлено, что союз будет закрыт, если будет продолжаться агитация за стачку.

При таких обстоятельствах, не желая рисковать судьбой союза, правление вынуждено было дать губернатору обещание, что выскажется за прекращение стачки, но взамен этого оно потребовало от губернатора разрешения на созыв общего собрания союза. Губернатор дал просимое разрешение, но предупредил, что кто бы ни выступил, на, собрании за стачку, немедленно будет арестован и выслан.

Собрание это состоялось, будучи тщательно подготовлено союзом, и на нем разыгралась следуюшая сцена:

Исполняя данное губернатору обещание, правление союза высказалось за немедленное прекращене стачки. За стачку никто на собрании не выступил, но когда вопрос был поставлен на голосование, стачка была решена единогласно.

Для союза, разумеется, это даром не прошло, и он был все-таки закрыт, так как оставшаяся в дураках администрация

не могла не выместить на нем своей злобы, но зато стачка печатников прошла еще более единодушно и закончилась частичной победой рабочих.

Взамен же закрытого легального союза тотчас же возник союз нелегальный, и губернатор, убедившись вскоре, что закрытием союза он, в сущности, ничего не достиг, несколько месяцев спустя, скрепя сердце, вынужден был согласиться на новую легализацию союза.

Еще более поучительна кампания, проведенная торгово-промышленными служащими в защиту своего права на отдых.

Как раз перед выборами во II Государственную Думу правительством с определенной политической целью — привлечь на свою сторону торговых служащих—был издан закон 15 ноября 1906 года об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах, устанавливающий для этой категории пролетариата воскресный отдых.

Но уже в следующем году, разочаровавшись в приказчиках, которые в массе сочувствовали левым политическим партиям, правительство поспешило исправить в угоду хозяевам торговых заведений свою ошибку: была издана поправка 12 ноября 1907 года, уничтожавшая даже и то немногое положительное, что имелось в законе 15 ноября 1906 г., и соответствующий законопроект был внесен в III Думу.

Третье-июньская Дума, как верная выразительница классовых интересов русской буржуазии, добавила к этому законопроекту еще кое-что от себя, так что принятый ею проект закона по существу оказался лишь призраком защиты труда торговых служащих, так как не обеспечивал им ни нормального рабочего дня, ни воскресного отдыха, ни даже обеденного перерыва.

Рабочий день установлен был в 12—15 часов, да еще к этому в течение 40 дней в году разрешалось хозяевам вводить сверхурочную работу, а сверх этого времени еще предусматривалась возможность привлекать служащих к исполнению „случайных и неотложных“ работ.

Полный воскресный отдых как будто бы предусматривался думским проектом, но при этом вводилось столько ограничений, что в действительности он обращался в фикцию. В таком же духе были составлены и остальные статьи этого проекта.

Достаточно указать, что Дума не пожелала оградить от эксплоатации торгового капитала даже малолетних, привлекаемых им в качестве учеников и мальчиков: законопроект не только не устанавливал никакого предельного возраста для них и разрешал принимать в торговое заведение даже детей 8—9 лет, но и не ограничивал для них длины рабочего дня.

На Думу не повлияла и разгоравшаяся борьба приказчиков, которые, будучи объединены в целом ряде городов в довольно прочные союзы, не переставали добиваться упорной борьбой улучшения своего положения. К 1912 году эта борьба стала принимать особенно упорный характер, охватывая многие города России, и характеризовалась оборонительной тактикой приказчиков. Из известных нам за время с 1912 года по май 1914 г. 29 забастовок большинство было вызвано попытками хозяев ухудшить условия труда служащих.

Это упорство рабов прилавка и заставляло их хозяев добиваться уничтожения завоеванных в годы революции льгот посредством издания реакционного закона.

Но Государственному Совету, в который поступил думский законопроект, показалось и этого всего мало, и он, со своей стороны, решил увеличить торговлю по будням до 14—17 час. в сутки и разрешил всем без исключения торговым заведениям торговать в праздничные дни по пяти часов. Уже и основные положения думского законопроекта сильно взволновали приказчичий мир; когда же стали известны постановления комиссии Государственного Совета, весь торговый пролетариат поднялся на ноги.

Не осталось, кажется, ни одного в России сколько-нибудь значительного населенного пункта, где бы торговые служащие не подняли голоса в защиту своих прав. В Петербург со всех сторон полетели протестующие телеграммы и заявления, адресованные в Государственный Совет, во фракции Думы и на имя отдельных министров.

Министр торговли и промышленности позднее удостоверял, что ни по одному вопросу он не получал такого обилия прошений и заявлений, как по данному.

Приказчики организовали, кроме того, целый ряд делегаций, которые тщетно обивали пороги министерств и Государственного Совета. В последнем вопрос был уже предрешен, и никакие доводы рабов прилавка не могли переубедить членов

комиссии Совета, что проектируемые ими изменения законопроекта создают невыносимые условия труда.

Министры даже старались казаться либеральнее членов Государственного Совета и стремились подчеркнуть, что и они против непомерного удлинения рабочего дня и уничтожения воскресного отдыха, да ничего не могут поделать.

Тогда торговые служащие стали добиваться разрешения созвать четвертый съезд приказчичьих обществ. После долгих мытарств, новых делегаций и настояний, съезд этот был, наконец, разрешен и состоялся в июле 1913 г. по страшно урезанной министерством программе, с устранением, между прочим, из порядка дня съезда вопроса об организации центрального органа.

Но даже и в этих рамках съезду не удалось закончить своих работ; пять дней делегатам приказчиков удавалось обходить все полицейские рогатки, но на шестой день съезд был закрыт распоряжением министра внутренних дел.

При этом следует, однако, отметить, что закрытию съезда посодействовала право-кадетская часть делегатов его, которая, убедившись, что большинство на съезде принадлежит социал-демократам, пошла на провокацию и таким путем добилась закрытия съезда.

Практических результатов, благодаря этому, съезд не дал, но делу сплочения торгового пролетариата и росту классового самосознания среди приказчиков он посодействовал немало. Проведенная же стройно кампания борьбы за нормальный рабочий день и праздничный отдых научила рабов прилавка и в будущем действовать так же организованно и солидарно.

Помимо отмеченных нами уже выше форм борьбы профессиональных организаций рабочего класса в виде разного рода стачек и стройно проведенных кампаний-протестов, следует отметить, что вообще в эти годы русское рабочее движение, продолжая развиваться усиленным темпом, значительно усложнилось и разветвилось, стало многообразным в своих формах и проявлениях.

Особо следует отметить здесь осуществленную рабочим классом кампанию в связи с проведением в жизнь законов о страховании от несчастных случаев и об обеспечении на случай болезни.

Правильно оценив значение этих новых законов в смысле возможности использовать их для организации сил всего рабочего класса, руководившие движением организации направили все усилия к сохранению за рабочими массами влияния на создаваемые страховые учреждения и к созданию самих этих учреждений по плану, наиболее удовлетворяющему нужды рабочего класса.

Повсюду рабочие оказывали упорное сопротивление попыткам администрации заменить выборное представительство рабочих в страховых присутствиях назначением по собственному усмотрению.

Путем настойчивой борьбы рабочие иногда добивались того, что эти назначенные администрацией представители слагали с себя навязанную им роль и заявляли, что не могут быть представителями рабочего класса, не имея на то полномочий.

Так же энергично продолжалась борьба рабочих и против так называемых „немых" выборов; отвергая их, рабочие добивались устройства митингов и собраний, на которых детально знакомились с новыми страховыми законами и сознательно намечали своих представителей.

Так же единодушно выступали рабочие и по вопросу о создании общегородских или групповых больничных касс, противополагая их стремлению предпринимателей организовывать самостоятельные кассы по отдельным заводам.

Благодаря объединенным усилиям и сознательному отношению к начатой борьбе, во многих местах рабочим удалось добиться почти полностью осуществления намеченного плана. В особенности стройно прошла страховая кампания в Петербурге и Царстве Польском.

Нам остается теперь познакомить читателя лишь с состоянием самих профессиональных организаций рабочего класса в рассматриваемый период и с теми изменениями, которые внесла как в деятельность этих организаций, так и во всю борьбу пролетариата вспыхнувшая в средине 1914 года империалистическая война.

Период подъема революционных настроений среди рабочих в 1912 г. сказался общим расширением боевых функций профессиональных союзов и сильной тягой рабочих масс к созданию и укреплению своих организаций.

Под нажимом рабочих масс, неудержимо рвавшихся к организациям, администрация поневоле должна была идти на уступки, разрешая открытие новых союзов, но ее борьба с рабочими организациями не только не прекращалась в эти годы, но порою приобретала особенно мстительный характер.

Административные скорпионы и преследования, с одной стороны, сказывались на деятельности профессиональных союзов в том, что мешали им правильно наладить охват всей рабочей массы, а с другой — должны были приучать рабочих наряду с легальной деятельностью союзов осуществлять те приемы борьбы, которые, по преимуществу, преследовались властями, нелегальным путем. Поэтому, обычно, в недрах самих профсоюзов в эти годы существовали прочные нелегальные ячейки преданных рабочему делу борцов, которые и брали на себя всю работу по подготовке и проведению стачек, организации бойкота и борьбы со штрейкбрехерством, объединению отдельных союзов и целый ряд других функций.

Отсутствие точных данных не позволяет сколько-нибудь полно обрисовать состояние профессиональных союзов России в 1912 — 14 г.г.

Сколько-нибудь полные сведения на этот счет имеются только относительно Петербурга.

Число рабочих, объединенных в профессиональные союзы в Петербурге в 1914 г., не превышало 25.000, тогда как в 1906 г. их числилось свыше 45.000 человек. Да, кроме того, из этих 25.000 человек, числившихся в 18 профессиональных организациях, регулярно платили членские взносы всего лишь 45 — 50% общего числа записавшихся; таким образом, цифра действительно организованных рабочих для всего Петербурга должна быть еще более понижена и едва ли превышала 15.000.

Самыми крупными и прочно организованными организациями считались союзы металлистов, печатников и булочников. У приказчиков насчитывалось пять отдельных союзов (дрогисты, мануфактуристы, съестники, служащие трактирного промысла и хозяйственники), объединявшие более 3.000 чел. и представлявшие организации с единым нелегальным руководством и единым планом деятельности.

Разумеется, что такие результаты организационного сплочения пролетариата нельзя было считать удовлетворительными. И это в таком крупном промышленном и идейном центре

рабочего движения, каким являлся Петербург. Об остальной России, за исключением, правда, окраин, где пролетариат и теперь, как и раньше, был лучше организован, не приходится и говорить.

Количество организованных в союзы рабочих как в Москве, так и по городам коренной России также было не очень велико, но все же оно значительно возросло по сравнению с годами реакции, и местами число организованных теперь рабочих возросло в 3—4 и даже в 10 раз. Кроме того, значительно увеличилось и количество самих профессиональных союзов.

Весь 1911 г. и местами и 1912 г. союзы употребляли на оживление организационной работы и укрепление своих рядов, чтобы затем противопоставить свои силы организованному капиталу и попытаться заставить его пойти на уступки. Но добиться значительных результатов в смысле организованности, в виду полицейских условий, им все же не удавалось.

В этой малой организованности рабочего класса, несомненно, таилась уже пережитая однажды опасность бесполезного распыления рабочего движения, ненужной траты революционной энергии и невозможности в решительные моменты борьбы быстро и планомерно объединять силы рабочего класса во всероссийском масштабе.

Но было бы, конечно, большой ошибкой односторонне измерять политическую и организационную зрелость русского пролетариата состоянием его организаций в это время. Эти организации как профессиональные, так еще более политические, отражали на себе все особенности господствовавшего политического режима.

В силу условий, созданных этим режимом, сплочение рабочих масс и, в особенности, сплочение рабочей интеллигенции шло иными путями и проявилось в самых разнообразных формах, определенно свидетельствовавших, что рабочий класс в 1912—1914 г.г. значительно ушел вперед по сравнению с 1905—1907 г.г.

Более активный элемент рабочих сплошь и рядом не мог мириться с узкими рамками деятельности легальных профсоюзов и либо уходил целиком в работу подпольных политических организаций, либо же предпочитал отдавать свои силы непосредственной борьбе рабочих масс, выступлениями которых полны были эти годы.

Сама деятельность легальных профессиональных союзов, как мы уже неоднократно указывали, сплошь и рядом дополнялась работой нелегальных ячеек и групп, которые то временно брали на себя деятельность внезапно закрытого администрацией союза, то стремились расширить его организацию за пределы легальных рамок.

Так, например, в 1913 г. среди союзов металлистов возникла мысль добиться, хотя бы нелегально, всероссийского объединения металлистов. Инициатором осуществления такого объединения выступил рижский союз металлистов, мечтавший затем принять участие в международном съезде металлистов.

За подготовку всероссийской конференции взялось Правление петербургского союза металлистов, командировавшее своих представителей для предварительного объезда провинциальных союзов. Но, благодаря провокации, эта попытка закончилась полнейшей неудачей. Все нити подготовительных сношений металлистов оказались в руках охранки, которая и поспешила ликвидировать их, произведя разгром как петербургского союза металлистов, так и ряда провинциальных организаций.

Так же неудачно заканчивались попытки этого рода и среди других профессиональных союзов, которых логика борьбы толкала на путь создания всероссийских объединений, хотя бы и нелегальным путем, чтобы иметь возможность противопоставить объединенному капиталу свою собственную объединенную организацию.

Некоторые из профессиональных союзов в 1913—1914 г.г. мечтали даже о большем: пытались реально ставить вопрос о создании международных связей, но осуществить их практически было, конечно, еще труднее в условиях тогдашней русской действительности. Если этого и удавалось достигнуть, то, при отсутствии прочных всероссийских объединений профессиональных организаций, эти международные связи неизбежно были лишены практического содержания, хотя за ними оставалось большое агитационное значение.

Межсоюзного объединения организаций, действующих в одном и том же городе, профессиональным союзам в эти годы нового подъема рабочего движения также в большинстве мест не удалось воссоздать, хотя попытки в этом отношении делались неоднократно.

Единственно уцелевшее петербургское центральное бюро, правда, возобновило и даже начало расширять свою деятельность, но и его работа не могла, благодаря существовавшим полицейским условиям, сколько-нибудь нормально развиваться и не в силах была удовлетворять назревшие нужды рабочего движения.

Непрекращавшиеся административные преследования все время висели дамокловым мечом как над центральным бюро, так и над отдельными профессиональными союзами, тормозя их деятельность.

Попутно нам уже приходилось упоминать о расправах администрации с неугодными ей союзами, а неугодным для полиции, губернатора, охранки и других властей становился каждый союз, который начинал развивать энергичную деятельность и активно руководил экономической борьбой рабочих масс.

Многие из профессиональных союзов за эти 2—3 года закрывались полицией по несколько раз.

Перечислить подробно все закрытые за этот период союзы было бы довольно трудно, но о размерах административных расправ можно судить хотя бы по тому, что в течение одного только 1912 г. было закрыто и отказано в регистрации более чем 100 профессиональным союзам по всей России.

Деятели профессионального движения, которые, кстати сказать, в этот период вербовались почти исключительно из среды самих рабочих, так как марксистски настроенная интеллигенция, отхлынувшая от рабочего движения в период предшествовавшей реакции, возвращалась в ряды рабочих организаций весьма слабо, — довольно быстро приспособились и к этим закрытиям союзов и умели находить пути для возобновления их деятельности.

Обычно это достигалось тем, что у каждого действующего союза на случай его внезапного закрытия был в запасе всегда новый заблаговременно зарегистрированный устав профессиональной организации несколько измененного названия.

Пока в нем не было надобности, новый союз оставался, так сказать, в состоянии эмбриона. Активной деятельности он не проявлял вовсе, но все формальные требования администрации им аккуратно выполнялись. Время от времени созывались собрания немногочисленных членов-учредителей, посылалась

в органы надзора отчетность и т. п., чтобы избежать закрытия за бездеятельность.

Но стоило только администрации закрыть основной союз, как немедленно же оживал союз-эмбрион, в него тотчас же переливалась вся масса членов только-что закрытого союза, и прерванная деятельность тотчас же возобновлялась.

Все попытки администрации противодействовать такому заблаговременному открытию резервных союзов обычно ни к чему не приводили: рабочие мирились с какими угодно ограничениями деятельности союзов по уставу, шли на все требования власти, чтобы затем их попросту не соблюдать или дополнять работой нелегальных ячеек союза.

Особенную настойчивость в поддержании своих профессиональных организаций проявили, между прочим, петербургские металлисты. Их союз все время был бельмом на глазу у начальства, но как ни стремился петербургский градоначальник доканать металлистов своими преследованиями, в конце концов и он должен был признать тщетность всех своих усилий; тяга рабочей массы к организации была так велика, что преодолевала все препятствия.

Когда департамент полиции в 1913 г. усиленно стал добиваться закрытия этого союза, получив сведения, что в правление союза прошли соц.-демократы большевики, петербургский градоначальник пытался убедить его в бесполезности подобной меры.

„Считаю долгом присовокупить, — доносил он в своем рапорте по начальству,—что в случае закрытия этого общества положение дела не изменится, так как уже в настоящее время поступило со стороны рабочих металлистов новое заявление, в удовлетворении коего пока было отказано лишь по формальным основаниям“ [1]).

Но как ни безрезультатна была подобная борьба с профессиональными организациями рабочих даже в глазах самого полицейского начальства, она все же постепенно продолжалась и достигла своего апогея весной 1914 г., когда рабочее движение стало приобретать особенно бурные формы.

Большинство союзов было закрыто; сильно пострадала и рабочая печать.

[1]) „Красная Летопись“, № 9 — „Департамент полиции и союз металлистов“, стр. 151.

Но эта мера массовой расправы не остановила дальнейшего развития движения, которое летом 1914 г. приняло особенно сильные размеры и оборвалась только в связи с наступлением империалистической войны.

На весенний разгром профессиональных организаций пролетариат поспешил ответить новым усилением своей борьбы, требуя во многих местах от самих капиталистов признания за рабочими права на профессиональную организацию.

Типографские рабочие многих городов требовали, чтобы наем на работу происходил исключительно через их профессиональные союзы.

Рабочие ювелирных фабрик Петербурга боролись за удаление рабочих, не принимавших участия в праздновании 9 января, и штрейкбрехеров.

Новая, еще более мощная волна стачек и протестов стала вздыматься как раз накануне объявления мировой войны.

Началась грандиозная стачка бакинского пролетариата, который еще летом 1913 г. упорной борьбой добился повышения заработной платы на 20 — 25%.

Теперь они выдвинули требования установления восьмичасового рабочего дня, нового увеличения заработной платы, отмены наградных, которые действовали развращающе на часть рабочих, установления обязательного месячного отпуска, устройства за счет предпринимателей рабочих поселков, переложения на их же счет всех страховых взносов, организации центральной больничной кассы с участием выборных от рабочих в организации медицинской помощи.

Кроме того, они требовали признания рабочих организаций, заключения коллективного договора, легализации празднования 1 мая и т. п. Борьба эта отличалась упорством с обеих сторон.

Нефтепромышленники, опираясь на силу своей организации и содействие полицейских властей, склонны были вызвать рабочую массу на эксцессы, чтобы затем легче было обрушиться на нее репрессиями и подавить стачку. Такие эксцессы действительно начались на ряде промыслов.

Но неистовства полиции, обрушившейся на рабочих массовыми расправами, привели лишь к тому, что движение стало еще больше расширяться, охватывая рабочих самых различных предприятий, и начались забастовки протеста в крупнейших промышленных центрах.

В Петербурге эта борьба пролетариата в июльские дни, почти накануне войны, приняла особенно острые формы. В воздухе определенно начало пахнуть революционным взрывом. Попытки предпринимателей ответить на эти стачки локаутом могли послужить именно таким толчком.

Деятельность уцелевших профессиональных организаций и нелегальных ячеек профсоюзов в этой борьбе проявилась особенно широко.

Но внезапно вспыхнувшая война сразу же оборвала это движение.

Еще до объявления войны правительство заставило предпринимателей отказаться от объявленного ими локаута и все рабочие бастовавших фабрик были приняты обратно.

Затем последовал период мобилизаций, временная пертурбация всех общественных взаимоотношений внутри страны почти полная изоляция страны от остального внешнего мира; ярко вспыхнули патриотические настроения, при чем ими на время оказалась зараженной и часть рабочего класса; правительство со своей стороны поспешило немедленно же по объявлении войны наложить лапу буквально на все рабочие организации; политическая и профессиональная пресса была немедленно закрыта, союзы и существовавшие общества рабочих — разгромлены.

Мобилизация оторвала от станков местами 40% наличного кадра рабочих. Правда, часть квалифицированных рабочих, в особенности на металлических заводах, скоро была возвращена обратно на заводы, так как без них заводы не в состоянии были выполнять срочные заказы, но, тем не менее, ряды рабочего класса в связи с войной сразу же сильно ослабели.

Затем в первые месяцы после объявления войны большинство промышленных отраслей испытывало сильную депрессию и само значительно сократило производство.

Позднее, приблизительно на втором году войны, промышленность, начавшая перестраиваться для обслуживания нужд войны, начала снова гигантски расширяться, но состав рабочих пополнялся новыми элементами, еще не прошедшими прежней боевой школы.

Все это неизбежно должно было отразиться на настроениях рабочего класса, и если сама мобилизация в крупных промышленных центрах еще проходила с известным революционным

подъемом и рабочие шли из фабрик к воинскому участку под звуки революционных песен и крики „долой войну“, то позднее рабочему классу России пришлось пережить довольно длительный период растерянности и колебаний, прежде чем в его среде окончательно сформировалось и окрепло отрицательное отношение к мировой бойне и он сам стал подниматься на борьбу с преступной империалистической политикой.

Экономическая, впрочем, борьба пролетариата начала возобновляться уже начиная со второго года войны.

Почти полное затишье, наступившее вслед за объявлением войны [1]), уже в 1915 г. сменилось упорной борьбой рабочих масс сохранить за собой реальный размер получаемого заработка.

Правительство, правда, еще в 1914 г., опасаясь „брожения“ в рабочих массах, отобрало повсюду у предпринимателей подписку не уменьшать до окончания войны расценки. Но так как война вызвала очень скоро обесценение денег и рост дороговизны, то эта мера поддержания заработной платы на прежнем номинальном уровне не спасала рабочих от падения реальной заработной платы.

Идти же на повышение платы добровольно предприниматели, получившие в годы войны колоссальные прибыли, разумеется, не желали.

Благодаря этому, количество рабочих стачек уже в 1915 г. поднялось до 928, и в борьбу было вовлечено свыше полумиллиона рабочих. В 1916 г. число забастовок достигло 1410, а число участников их поднялось до 1.086.000 чел.

В Петербурге первые стачки произошли уже в начале войны за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Так, вспыхнули стачки на заводах Лесснера, Эриксона и „Вулкан“, на Путиловском заводе и других предприятиях.

В провинции наиболее крупными были стачки в каменноугольном Донецком и текстильном Иваново-Вознесенском районах.

Особенно характерна стачка в Иваново-Вознесенске, вызванная тяжелым положением рабочих — низкой заработной платой, тяжело ложившейся на рабочих, в виду быстрого повышения цен на продукты.

[1]) За последние 5 месяцев 1914 г. было всего 86 стачек с 34.750 ч. участников.

Забастовка продолжалась три дня. Рабочие, узнав о приезде генерал-губернатора, встретили его криками:

„Хлеба, хлеба!“

Губернатор начал увещевать рабочих и предложил им прежде всего выбрать своих представителей.

На это последовал ответ:

„Мы уже не раз выбирали вам своих представителей, но тотчас же вы их всех арестовываете“.

Ни генерал-губернатор, ни городской голова не могли уговорить рабочих, чтобы они выбрали представителей до тех пор, пока, по предложению руководителя стачки тов. Зиновьева, генерал-губернатор не выдал письменной гарантии в том, что представители от рабочих не будут арестованы.

На третий день забастовки было вывешено объявление, что цена на муку сбавляется от 20 до 40%, но заработная плата не была повышена.

Руководители стачки во главе с тов. Зиновьевым были арестованы спустя лишь несколько недель, но тотчас же после ареста заводы и фабрики Иваново-Вознесенска снова остановились; рабочие вышли на площадь с требованием освободить арестованных. Угрозы рабочих подействовали, и тов. Зиновьев и двое рядовых рабочих были освобождены. Это подняло дух рабочей массы, и они еще настойчивее стали требовать освобождения остальных.

Когда разнесся слух, что арестованных хотят увезти, то возмущение рабочих достигло крайних пределов.

„Пойдем к тюрьме!“ — кричали наиболее горячие.

Несмотря на увещевания, толпа рабочих двинулась к тюрьме, но саженей за двадцать от тюрьмы по ним открыли огонь. Тов. Зиновьев пал первым, а за ним было убито много рабочих и женщин.

„Изверги, убийцы, — кричала одна женщина.— У нас мужья, дети на войне, а вы здесь расстреливаете, как куропаток. На-те, стреляйте, стреляйте“.

Не успела она окончить, как по сигналу полиции были даны еще два залпа, и женщина свалилась, подкошенная пулей.

И чем дальше затягивалась война, тем сильнее возрождалась борьба пролетариата.

Но профессиональные организации пролетариата в годы войны возродиться не могли: слишком ревниво полицейская

власть самодержавия оберегала устои существующего правопорядка.

Благодаря этому, в связи с гонениями, обрушившимися на рабочий класс с началом войны, число легальных профессиональных организаций так сильно сократилось, что к началу февральской революции по всей России уцелело 2—3 десятка союзов, главным образом, наиболее политически благонамеренных, насчитывавших в своих рядах десятки, в лучшем случае — сотни членов.

Работа же союзов, ушедших в подполье, не могла широко развернуться из-за обще-политических условий, но все же сказывалась в их руководстве во время вспыхивавших стачек.

От Февраля к Октябрю.

Февральская революция, бурно всколыхнувшая всю общественную жизнь России, немедленно же возродила к жизни и профессиональные организации пролетариата.

Как только победа рабочего класса, поддержанного петроградским гарнизоном, была завершена, тотчас же начался небывало быстрый, стремительный рост приостановившихся в годы реакции рабочих организаций.

Помимо немедленно же вышедших из подполья политических партий, повсеместно стали организовываться Советы Рабочих Депутатов, выступавшие уже с первых дней своего возрождения, как определенные органы власти, представлявшие интересы победивших рабочих и солдат.

Свободно вздохнули и профессиональные союзы и с первых же дней революции, выползая из подполья, энергично принялись за воссоздание своих организаций.

Рост профессионального движения был облегчен уроками прошлых лет (1905 — 1914 г. г.), всем приобретенным за эти годы опытом и наличностью значительных кадров сознательных организаторов.

Благодаря наличию всех этих обстоятельств, сразу же было положено правильное основание для востановления профессиональных союзов, и последние стали невероятно быстро возникать и возрождаться по всем уголкам необъятной России, во всех производствах и отраслях хозяйства. О том, как быстро шла мобилизация сил пролетариата по профессиональной линии, можно судить по следующим фактам.

Накануне февральской революции по всей России насчитывалось всего 2 — 3 десятка союзов с несколькими тысячами человек, в том числе в Петербурге уцелело всего 3 союза, насчитывавших в своих рядах 1.385 чел., а уже к концу марта 1917 г. во всех крупных промышленных центрах были десятки возродившихся союзов, объединявших сотни тысяч

рабочих. В одном только московском союзе металлистов насчитывалось около 16.500 чел. К апрелю профессиональные союзы успели возникнуть уже в 74 производствах и профессиях, за май и июнь — еще в 35 и к моменту созыва III конференции профессиональных союзов, происходившей в конце июня, насчитывалось уже 967 союзов с общим количеством членов, доходившим до 1.475.000 чел. Кроме того, в 51 пункте местные союзы были объединены в центральные бюро, считавшие в своих рядах свыше 1.120.000 чл. Число рабочих, организованных по отдельным союзам, также было достаточно велико: союз металлистов объединял 387.000 чл., союз текстильщиков — 178.500 чл., почти поголовно были организованы печатники, и союз печатников насчитывал в своих рядах свыше 55.000 членов, союз рабочих швейников перевалил за 51.000 членов, торгово-промышленные служащие успели объединиться в количестве 46.000 членов и т. д.

Все это были достаточно мощные армии, спешно создаваемые пролетариатом для мобилизации своих сил в дальнейшей борьбе за удовлетворение своих классовых интересов.

Во многих местах быстрому возрождению профессиональных союзов много посодействовали возникавшие там Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, которые стремились опереться на них в своей повседневной деятельности и, одновременно с укреплением своего собственного положения, укрепляли и профессиональные организации, хорошо сознавая, что единственным оплотом в дальнейшей борьбе должна стать рабочая масса, объединенная в мощные организации.

Но с самой организацией профсоюзов далеко не все обстояло гладко, правда, размах их деятельности все время расширялся: при них создавались совершенно новые учреждения с новыми уставами и новой компетенцией: стачечные комитеты, конфликтные комиссии, бюро труда, тарифные комиссии, третейские суды, примирительные камеры и т. п.,— но это усложнение задач и быстрый рост самих союзов происходили в лихорадочной атмосфере стихийных процессов, развертывавшейся революции, в атмосфере общественно-политической борьбы и среди непрекращавшихся, но все более и более расширявшихся и углублявшихся экономических конфликтов.

Благодаря всему этому, внутренняя сторона профессиональных организаций и строение профессиональных союзов далеко не отвечали задачам момента и сильно хромали.

В поспешно создававшихся союзах не было необходимого единства организационных форм, строительство их шло стихийно, не поддавалось контролю. Наряду с организацией союзов по производственному принципу, возникали союзы и узкоцехового типа. Сама организация союзов оказывалась мало приспособленной к усложнявшимся с каждым днем задачам, а аппарат союзов часто разрастался без пользы для дела, и сами союзы не в силах были справиться с его громоздкостью.

Состав членов союзов страдал отсутствием должной профессиональной дисциплины, что являлось прямым следствием качественного изменения самого рабочего класса: в состав его перед революцией влились сотнями тысяч выходцы из деревень, из рядов городской мелкой буржуазии, сильно повысился за годы войны процент женщин и подростков, и, наоборот, значительная часть рабочих, прошедших школу политической и экономической борьбы, успела погибнуть на войне. Новые же пополнения, разумеется, еще не успели усвоить практики классовой борьбы и не были подготовлены к сознательному участию в профессиональном движении.

Все эти дефекты можно было изжить только постепенно, шаг за шагом, но для этого необходима была иная, более спокойная обстановка, а не раскаленные мостовые революционных центров движения.

Несмотря на колоссальный рост в первые месяцы после революции, большинство союзов обнаружило благодаря этому организационную слабость и оказались неспособными стать едиными организующими центрами всей пролетарской массы, благодаря чему наряду с ними стали выростать и оформляться более стройные организации фабрично-заводских комитетов.

Возникновение сразу после февральской революции фабрично-заводских комитетов сыграло весьма видную роль в профессиональном движении 1917 г. Они являлись с одной стороны деятельными помощниками и опорными ячейками Советов Рабочих и Солдатских Депутатов на местах, проводя в жизнь все постановления их, а с другой — они сами налаживали внутри предприятия жизнь завода, руководя возникшими конфликтами и стачками.

В мае 1917 года состоялась первая конференция петроградских фабрично-заводских комитетов, содействовавшая их дальнейшему укреплению и росту их влияния в разраставшейся борьбе рабочего класса. На этой конференции главным боевым вопросом явился контроль над производством.

По этому вопросу фабрично-заводские комитеты разошлись с официальным мнением большинства тогдашних профсоюзов и в значительном большинстве присоединились к позиции соц.-дем. большевиков.

„Путь к спасению от катастрофы,—заявляли они в своей резолюции по этому вопросу,—лежит только в установлении действительного рабочего контроля“..

Точку же зрения с.-дем. меньшевиков, считавших, что „вмешательство в экономическую жизнь и контроль над нею должен осуществляться государством“, и что в органах, „регулирующих экономическую жизнь, большинство должно быть обеспечено за представителями демократии“ — конференция фабрично-заводских комитетов отвергла, как половинчатую, не обеспечивающую заинтересованность пролетариата в сохранении производства.

Эти расхождения фабрично-заводских комитетов с профсоюзами, возникавшие и по другим вопросам, были окончательно изжиты только после Октябрьского переворота.

Организация центральных бюро, т. е. объединени по горизонтальной линии, руководивших деятельностью местных союзов и стремившихся объединить их, также страдала большими недостатками. Сплошь и рядом фактического объединения не существовало, союзы игнорировали эти организации, отказывали им в материальной поддержке, и бюро вынуждены были ограничивать свою деятельность лишь выработкой уставов, инструкций, да случайным содействием отдельным союзам. Руководства экономической борьбой по большей части осуществлять им не удавалось. Бюро давали разъяснения своими ячейкам, организовывали прессу и посильно помогали созданию профессиональных союзов. Полностью же выполнить возложенные на них задания они были не в состоянии как из-за скудости средств, не позволявших расширять деятельность, так и вследствие общей дезорганизованности профдвижения в этот период.

Только после III конференции, заменившей прежние бюро советами профессиональных союзов, стала намечаться некоторая устойчивость и планомерность в их работе.

В течение же первых месяцев по возрождении профсоюзов стали созываться областные конференции союзов отдельных отраслей труда. Они являлись как бы подготовительной ступенью к созыву третьей всероссийской конференции.

Инициатива созыва последней исходила от апрельского совещания Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, которое поручило Отделу Труда совместно с петроградским и московским центральными бюро, создать организационную комиссию по созыву всероссийской конференции профессиональных союзов.

К 20 июня со всех концов России начали стекаться представители профессиональных организаций.

В конференции приняло участие 220 делегатов с решающим голосом и 27 — с совещательным от 967 союзов и 51 центрального бюро, представлявших 1.475.429 организованных членов.

По количеству съехавшихся делегатов и числу представленных последними организаций, эта конференция походила больше на съезд.

На разрешение конференции сама жизнь поставила ряд вопросов особой важности.

Необходимо было не только положить правильное основание всероссийскому объединению профессионального движения, но и разрешить вопросы, вытекавшие из новой политической обстановки, ставившие перед союзами совершенно новые задачи.

Некоторые из этих вопросов, как, например, „контроль над производством и распределением“ и „организация производства“, были поставлены уже в порядке дня самой конференции, большинство же из них в это время еще только смутно намечалось и стало на очередь только позднее.

Худо ли, хорошо, но жизнь разрешила все эти вопросы, заставив пролетариат в октябре 1917 г. взять в свои руки государственную власть. В июне же 1917 г. все эти вопросы находились в стадии дискуссии, при чем единодушия не наблюдалось ни у широких рабочих масс, ни у руководивших их выступлениями политических партий.

Руководящая роль на III конференции принадлежала с.-дем. меньшевикам, которые к разрешению всех злободневных вопросов современности подходили тогда, исходя из общей оценки совершавшегося переворота, как чисто буржуазной революции. Ограничивая соответственным образом и роль пролетариата в развертывавшейся революции, они по вопросу о контроле над производством и банками высказались за создание государственного контроля, т. е. за передачу его таким органам, в которых бы обеспечивалось влияние как рабочих, так и предпринимателей.

В принятой по этому вопросу резолюции подчеркивалось, что процесс регулирования экономической жизни слишком труден и сложен, „чтобы пролетариат мог возложить только на себя одного... это регулирование, даже если бы другие классы населения предоставили ему выполнение этой задачи. Страна дошла до такого ужаснейшего состояния, что серьезнейшие экономические потрясения могут оказаться неизбежными даже при самой энергичной и планомерной борьбе с экономическим развалом. Пролетариат поэтому кровно заинтересован в том, чтобы не брать на себя одного ответственность за ход и исход борьбы с экономическим расстройством страны".

Но в стенах фабрик и заводов вопросы регулирования ставились по иному. Экономическая борьба рабочих с предпринимателями обострялась изо дня в день всей окружающей обстановкой. Пролетариат не склонен был ограничивать свои требования, добиваясь реального улучшения положения; промышленная же буржуазия, развращенная годами предшествовавшей реакции и вакханалией военных прибылей, также не желала поступаться своими барышами.

В обстановке революции все попытки примирить этот классовый эгоизм формами государственного регулирования, разумеется, заранее был обречен на неудачу.

Для рабочих масс более понятен был чисто рабочий контроль, выдвинутый большевиками, и этот лозунг, несмотря на то, что он был отвергнут конференцией, постепенно стал завоевывать себе все больше и больше симпатий, особенно после того, как буржуазия, в целях обуздать требования пролетариата, стала переходить сознательно к системе экономического саботажа, не останавливаясь перед закрытием фабрик и заводов.

Не останавливаясь более подробно на остальных вопросах порядка дня III конференции профессиональных союзов *), необходимо лишь подчеркнуть ее роль в разрешении вопросов организационного характера.

Ее заслугой в данном вопросе является то, что она решительно и безоговорочно положила в основу этого строительства производственный принцип, отвергнув организацию рабочих по профессиям или цехам.

Обосновывая эту точку зрения, докладчик конференции заявлял, что само развитие современной экономической борьбы требует таких форм профессиональных организаций рабочих, которые объединяли бы рамками общей организации различные группы рабочих, связанных между собой в процессе производства, и с этой целью в состав союза должны входить все рабочие данного предприятия, независимо от их принадлежности к отдельным профессиям.

Основные принципы нового союзного строительства были следующим образом сформулированы в 10 пунктах резолюции III конференции по данному вопросу:

1. Полная свобода коалиций (союзов и стачек) — одно из важнейших завоеваний мартовской революции — дает пролетариату возможность строить профессиональные организации, руководствуясь при этом требованиями и условиями экономической борьбы.

2. Развитие капитализма, обостряя классовые противоречия между трудом и капиталом, ведет к все большему углублению и сосредоточению профессиональной борьбы и к вытеснению разрозненных и случайных забастовок крупными конфликтами, планомерно проходящими под руководством профессиональных организаций рабочих и предпринимателей.

3. Эта эволюция экономической борьбы требует от рабочих таких форм профессиональной организации, которые, опираясь на связь различных групп рабочих между собой в процессе производства объединяли бы в рамках общей организации и под

*) III всероссийской конференцией были приняты резолюции о борьбе с безработицей, о восьмичасовом рабочем дне, об инспекции труда, о примирительных камерах и промысловых судах, об охране женского труда, о профессиональной прессе, рабочих секретариатах, о политике профсоюзов в муниципальных вопросах, о культурно-просветительной деятельности и по ряду других вопросов.

общим руководством возможно большие массы рабочих, занятых в однородных предприятиях или в родственных профессиях.

4. В этих целях рабочие должны профессионально организоваться не по цехам и ремеслам, а по производствам, так, чтобы в состав союза входили все рабочие предприятия, хотя и принадлежащие к различным профессиям и даже производствам. Разграничение спорных профессий между союзами должно подлежать общепрофессиональным органам (местным, областным и общерусскому).

5. В интересах наибольшей планомерности и успешности экономической борьбы профессиональная организация должна строиться по принципу демократического централизма, обеспечивающего каждому члену участие в делах организации и в то же время достигающего единства в руководстве борьбой. Наиболее соответствующей демократическому централизму формой организации в мелких союзах являются общие собрания и избираемое ими правление; в крупных союзах руководящим повседневной деятельностью союза органом должно быть делегатское собрание, избирающее свой исполнительный орган — правление.

6. В сложных и смешанных по своему профессиональному составу союзах допускается деление на секции для предварительного обсуждения вопросов, касающихся данной профессии, агитационно-организаторской деятельности и т. д. Но ни секции, ни районные отделения в крупных городах не должны иметь права самостоятельно выступать в экономической борьбе, помимо решения уполномоченных на то органов союза в целом. При выборе делегатов и правлений при существовании секций должны приниматься во внимание их интересы.

7. Единство в руководстве экономической борьбой требует единства союзной кассы. Членские взносы должны быть организованы так, чтобы не препятствовать вступлению в союз широких рабочих масс, составляющих главную силу профессиональной организации. По техническим условиям наиболее целесообразным является установление определенного взноса, с делением его в смешанных союзах на разряды.

8. За созданием местных профессиональных союзов должно следовать немедленное объединение их в областные и общерусские союзы путем созыва профессиональных конференций и съездов. Вызываемые необходимостью наибольшего

сосредоточения сил для планомерной и успешной экономической борьбы, областные и общерусские союзы должны стремиться к возможно большей централизации руководства экономической борьбой и к централизации боевых фондов союзов.

9. В целях обслуживания общепрофессиональных запросов и нужд, для общепрофессиональных выступлений и для взаимной поддержки в имеющих исключительно важное принципиальное значение случаях экономической борьбы должны быть созданы местные, областные и общерусские общепрофессиональные объединения (советы профессиональных союзов).

10. Общерусские профессиональные союзы должны участвовать в международных профессиональных объединениях, стремясь к дальнейшему развитию и укреплению существующих объединений и к созданию их в таковых производствах, где они еще не существуют.

Так как к моменту заседаний конференции уже вполне ясно обозначился отрыв фабрично-заводских комитетов от профессиональных союзов, нарушивший и без того слабо поддерживавшееся единство рабочих организаций, III конференцией была принята специальная резолюция о фабрично-заводских комитетах, признававшая их спорными пунктами профсоюзов и стремившаяся ликвидировать их самостоятельное существование и неизбежный параллелизм в работе.

Но достигнуть этого объединения не удалось вплоть до Октября, так как фабрично-заводские комитеты являлись в то время опорными пунктами с.-дем. большевиков, и с многими профсоюзами они резко расходились по вопросу о рабочем контроле над производством.

Конференция завершила всероссийское объединение профессиональных союзов организацией Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) в качестве единого руководящего, объединяющего и организующего центра. Этот важный шаг в истории профессионального движения должен быть особо отмечен, как крупное достижение, хотя работа самого Центрального Совета на первых порах и не могла вполне выявиться, отражая на себе как общие слабости профессионального движения в стране, так и разброд партийных группировок в рабочем движении.

В состав первого Центрального Совета вошло 35 человек представителей. На обязанность его было возложено объединение и руководство всем профессиональным движением. Ему же было поручено возможно скорее подготовить почву для созыва I Всероссийского съезда.

Помимо указанных причин, работа Центрального Совета в первые месяцы его существования не могла сразу выявить определенные результаты также и потому, что вновь созданная организация все время испытывала недостаток опытных работников профессионального строительства, так как, если таковые и находились, то вскоре отрывались и уходили в политические организации. Слабость организованности и сознательности рабочих масс, в особенности в провинции, только тормозила работу Центрального Совета.

Только в крупных промышленых центрах, как Москва, Петроград, Харьков, Одесса, работа была более или менее продуктивна, но даже и здесь, несмотря на сплоченность и сознательность рабочих масс, ВЦСПС приходилось затрачивать массу энергии и усилий, чтобы вводить движение в правильное русло.

Даже по основным организационным вопросам — о применении производсвенного принципа — создавалось не мало конфликтов и обострений и улаживать их ему не всегда удавалось. Так, например, уже в сентябре 1917 г. петербургские древообделочники, объявив забастовку, постарались втянуть в нее, вопреки директив ВЦСПС, и всех рабочих своей профессии, занятых в текстильной и металлообрабатывающей промышленности, совершенно не считаясь с тем, что это грозит остановкой самих заводов.

Если так обстояло дело в центрах рабочего движения, то в остальной России царил еще больший хаос и разброд, ликвидировать который было не так-то легко.

Подготовительная работа ВЦСПС выразилась в создании ряда всероссийских союзов и созыве многочисленных конференций.

Еще до возникновения самого ВЦСПС состоялся целый ряд конференций и съездов, положивших начало всероссийским объединениям союзов.

Так, в апреле месяце было созвана в Петрограде всероссийская железнодорожная конференция, которая избрала

Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожников (ВИКЖЕЛЬ). Вскоре состоялось объединение почтово-телеграфных служащих.

15 мая в Киеве состоялся первый Всероссийскзй съезд сахарников с 300 представителями от 150 заводов.

Во время III конференции было положено начало всероссийскому объединению союзов металлистов и избран временный комитет. Ряд других союзов также использовал конференцию для ускорения объединения.

5 июля состоялся II съезд сахарников, привлекший свыше 500 представителей. Не замедлили созвать свои Всероссийские съезды печатники, торгово-промышленные служащие, кожевники, пищевики, собравшиеся в Москве, а в Петрограде состоялся съезд представителей металлистов от 37 союзов с общим количеством членов в 387.110. За ними следует текстильщики, почтово-телеграфные работники и целый ряд других.

Все эти съезды и конференции служили подготовительной работой к созыву I Всероссийского съезда профессиональных союзов, которому пришлось состояться уже при иной политической обстановке, когда власть буржуазии была сломлена пролетариатом.

О планомерной работе профессиональных союзов во вторую половину 1917 г., собственно говоря, не приходилось и мечтать. Этому мешала вся окружающая обстановка, продолжавшей обостряться классовой борьбы пролетариата с буржуазией.

Ряд контр-революционных выступлений буржуазии, завершившийся попыткой ген. Корнилова двинуть войска на главный очаг революции — Петроград, чтобы в крови пролетариата потопить бунт рабов капитала, заставлял профессиональные союзы, равно, как и все прочие организации рабочего класса, постоянно быть на страже и от работы по строительству постоянно отвлекаться в сторону более жгучих вопросов момента.

Обострение положения с продовольствием, рост дороговизны, нараставшее осложнение во всех отраслях народного хозяйства — все это заставляло рабочую массу, с одной стороны, настораживаться и с тревогою следить за каждым шагом противника, а с другой — толкало ее на путь непрекращавшейся экономической борьбы за улучшение своего положения, что вносило еще больше осложнений в хромавшее

производство, ослабляло снабжение и содействовало дальнейшему росту дороговизны.

Дальнейший ход событий был предопределен тактикой буржуазии, которая, убедившись в тщетности надежд на быстрое подавление революции силами контр-революционных элементов армии и будучи бессильна в условиях революции применить свою обычную тактику локаутов, решила добиваться своего торжества путем организованного саботажа, дезорганизуя свое собственное производство и добиваясь закрытия фабрик и заводов из-за недостатка сырья, топлива и т. п.

Эта тактика классового врага пролетариата, стремившегося, по крылатому выражению одного из своих лидеров, фабриканта Рябушинского, задушить рабочий клас „костлявой рукою голода" — являлась последовательным и продуманным актом со стороны буржуазии, тщательно разработанным ее представителями на ряде конференций и совещаний, созывавшихся, для объединения и защиты интересов фабрикантов и заводчиков.

Применяемая вначале разрозненно по отдельным предприятиям и производствам, она не бросалась так резко в глаза, но все же заставляли профессиональные организации принимать своевременные меры, чтобы не очутиться лицом к лицу перед непоправимым фактом закрытия окончательно дезорганизованной отрасли промышленности.

При подобной тактике буржуазии меры государственного контроля, достаточно тяжеловесного и оставлявшего предпринимателям тысячи лазеек, оказывались мало подходящими. Не помогало равным образом и участие Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов в работах Экономического Совета республики, регулировавшего производство и снабжение предприятий.

Предприниматели и здесь либо умудрялись добиваться необходимых им постановлений, либо же саботировали работу самого Совета.

Но и чисто рабочий контроль, проводившийся большинством фабрично-заводских комитетов, к которому постепенно в процессе борьбы за сохранение производства стали сконяться и профессиональные союзы, также не всегда достигал цели, и порою, при наличии противодействия буржуазии, даже сам содействовал дальнейшей дезорганизации производства.

При очерченных выше условиях единственный выход из создавшегося положения намечался только по линии полного устранения буржуазии от власти и перехода всей власти в руки пролетариата и армии.

Неизбежность этого шага все яснее вырисовывалась и перед профессиональными союзами.

Яснее других союзов осознал это и сформулировал московский союз металлистов, выступивший с заявлением, что „нет отдельных конфликтов металлистов, текстилей, кожевников,— есть один огромный всероссийский конфликт труда и капитала".

На своей конференции, происходившей 5 октября, московские металлисты конкретизировали эти выводы требованием скорейшего изменения всей экономической политики пролетариата и национализации всех крупных нефтяных, каменноугольных, металлообрабатывающих и ряда других предприятий, а равным образом транспорта и банков.

Отношение большинства остальных профессиональных союзов к вопросу о власти после корниловского выступления также довольно быстро изменилось, и подавляющее большинство их на обще-демократическом совещании, созванном в Петрограде в сентябре 1917 г. уже вполне определенно высказалось против продолжения сотрудничества с буржуазией.

На прежней точке зрения по этому вопросу остались лишь немногие из профессиональных союзов: печатники, железнодорожники, почтово-телеграфные служащие, союз торгово-промышленных служащих и некоторые другие.

Между тем, буржуазия продолжала последовательно осуществлять свою программу приостановки производства. После ряда неудавшихся, благодаря противодействию профессиональных союзов, попыток добиться закрытия петроградской металлообрабатывающей и текстильной промышленности центрального района, она решила сосредоточить все свое внимание на Донецком каменноугольном районе, который, снабжая и производство, и транспорт топливом, является жизненным нервом всего народного хозяйства страны.

Слабые профессиональные организации Донецкого района оказались не в силах противодействовать этим планам буржуазии и допустили массовое закрытие шахт и рудников, которое сразу же и неизбежно сказалось на положении большинства предприятий в остальной стране и повлекло

за собой неизбежное сокращение работы железнодорожного транспорта.

Но этот шахматный ход не мог уже остановить хода дальнейших событий революции.

Логика борьбы толкала пролетариат на захват политической власти, и этот захват был осуществлен Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов при поддержке большинства революционного гарнизона и профессиональных союзов в ночь на 25 октября (ст. стиля) 1917 г.

Профессиональное движение после Октябрьской революции.

Октябрьский переворот неизбежно должен был положить резкую грань в дальнейшем развитии профессионального движения России.

Свержение буржуазии и переход власти в руки Советов, в которых руководящая роль принадлежала рабочей коммунистической партии, так радикально меняли всю социально-политическую обстановку, что о сохранении прежних форм движения и борьбы не приходилось, конечно, и думать.

Основное средство, применявшееся рабочим классом на протяжении всей предшествовавшей истории пролетарской борьбы — стачки, теперь, когда вся полнота власти со всеми средствами классового принуждения перешла к рабочим организациям, теряло всякий смысл.

Уже и накануне Октября, когда буржуазия определенно почувствовала, что власть начинает ускользать у нее из рук и начала широко применять тактику закрытия фабрично-заводских заведений, чтобы голодом заставить рабочих смириться,— стачки оказывались мало подходящим оружием борьбы, так как только играли на руку предпринимателям.

Беря в свои руки власть, рабочий клас в первую очередь оказывался заинтересованным в скорейшей ликвидации той экономической разрухи, к которой вся страна была приведена войной и революцией. Восстановление производства и бесперебойная работа фабрик, заводов и транспорта стали ближайшей целью его забот, так как только при наличии этих условий он мог рассчитывать удержать в своих руках захваченную власть. Борьба с буржуазией, правда, продолжалась, но она приняла совершенно иной характер и иные формы.

Писать историю этого периода профессионального движения, собственно говоря, еще рано.

Хотя от момента Октябрьской революции нас отделяет уже довольно продолжительный период, но еще трудно объективно взвешивать все этапы пройденного пути и беспристрастно

оценивать события и факты. Помимо всего прочего нет еще и достаточно полных материалов по этому периоду профдвижения, и все попытки осветить пройденный путь носят определенный характер апологии, т. е. стремления доказать, что путь был избран правильно.

Поэтому в дальнейшем изложении мы принуждены несколько сузить свою задачу и попытаемся лишь восстановить перед читателем ту историческую канву, по которой выводила свои узоры сама жизнь, сознательно воздерживаясь от их оценки.

Профессиональные организации, являвшиеся опорными пунктами пролетариата и в предшествовший период борьбы за власть, после Октябрьской победы должны были получить еще большее значение, ибо эту власть пролетариат мог осуществлять только через посредство своих организаций.

Поэтому судьба профессиональных союзов не могла не быть тесно связанной со всей развертывавшейся борьбой и неизбежно должна была отражать на себе все этапы этой борьбы.

В соответствии с этим в изложении развития послеоктябрьского профессионального движения нам придется отдельно говорить о трех главнейших его периодах.

Первый из них обнимает период Октября и осуществления рабочей диктатуры в стране до момента развития гражданской войны. Второй это — эпоха гражданской войны, иначе называемая периодом военного коммунизма. Наконец, третий этап в дальнейшем развитии профессионального движения тесно связан с осуществлением начал новой экономической политики рабочего государства.

Но в развитии профессионального движения эти три периода не вполне совпадают с историческими датами.

Каждый из них несколько запаздывал и пересмотр профессиональной тактики обычно наступал значительно позднее перелома в общем направлении борьбы.

Как мы указали уже в предыдущей главе, большинство профсоюзов еще в преддверии Октября под напором неумолимой логики классовой борьбы с буржуазией должно было отбросить идею коалиционного спасения революции и идею государственного контроля и приходило к признанию необходимости чисто рабочего контроля и осуществления пролетариатом всей полноты власти.

Можно, разумеется, считать, что это был классовый эгоизм того же самого порядка, что и эгоизм буржуазии, толкавший последнюю на сознательный саботаж и планомерное закрытие фабрик и заводов.

Но этот эгоизм пролетариата был вынужденным, был прямым ответом на тактику его врага, так как иных средств парализовать расстройство производства, осуществляемое опытной рукой саботировавшей буржуазии, жизнь не давала.

И на этот путь пролетариат стал только тогда, когда окончательно убедился, что все иные возможности сохранить завоевания революции для него исключены.

„Рабочие,— писали металлисты в своем органе в средине августа 1917 г.,— в интересах государства и революции идут на уступки и обещают, что они подымут производительность труда.., но рабочие требуют, чтобы и другая сторона шла на жертвы для спасения страны".

Но, увы, российская буржуазия, даже в лице умнейших своих идеологов, оказалась неспособной ни на жертвы, ни просто на реальный учет общественно-политической обстановки. Своей эгоистической, тупой и безжалостной тактикой она лишь содействовала быстрой мобилизации сил пролетариата под знаменем наиболее радикально формулировавшей задачи дня коммунистической партии.

Половинчатость решений, отстаиваемых с.-д. меньшевиками, как только борьба обострилась, не могла удовлетворить большинства революционно-настроенных профсоюзов, и они постепенно, но довольно быстро переходят на сторону с.-д. большевиков, воспринимая заодно и всю социал-политическую программу последних.

О поведении представителей профсоюзов на демократическом совещании нам уже приходилось упоминать: подавляющее большинство их высказалось против продолжения коалиции с буржуазией.

Во время государственного совещания, созванного временным правительством еще раньше в Москве, 500.000 московских пролетариев по призыву московского Совета Профсоюзов демонстрировали это настроение стройно организованной однодневной стачкой-протестом, проведенной под лозунгом „Вся власть Советам".

Чем ближе приближались события к Октябрю, тем определеннее вырисовывалось настроение рабочих масс и тем решительнее начинал звучать голос профсоюзов.

„Перед пролетариатом, как классом, война и революция выдвинули великую задачу: организовать и охранить производительные силы страны от той катастрофы, к которой сознательно ведут страну капиталисты",— заявлял уже в средине октября московский союз металлистов, предъявляя к Московскому Совету Рабочих Депутатов требование „немедленно стать на путь революционной организации всей промышленной жизни".

Эти же требования были предъявлены Советам союзом московских текстильщиков и целым рядом других профессиональных организаций.

В самой Октябрьской борьбе большинство профессиональных союзов приняли самое активное участие, не только не отделяя себя от разгоревшейся революционной борьбы, но посильно домогаясь скорейшего свержения власти буржуазии.

Они принимали участие через своих представителей в деятельности военно-революционных комитетов, организовывали деятельную помощь красной рабочей гвардии как активным выполнением, так и организацией санитарных отрядов.

Отдельные же профсоюзы, как, например, тот же союз металлистов, поспешил притти на помощь только что организованному 25 октября (7 ноября н/ст.) Совету Народных Комиссаров ассигнованием своих средств и предоставлением в его распоряжение всего своего технического аппарата.

В стороне от Октябрьской борьбы остались только отдельные союзы: союз печатников, довольно долго находившийся в оппозиции советской власти, союзы банковских, страховых, фабрично-заводских и др. служащих; во многих городах союзы торгово-промышленных служащих, частично союзы железнодорожников и почтово-телеграфных служащих и ряд других местных профессиональных организаций.

Союзы служащих правительственных учреждений, банков и др. выступили даже активно на защиту Временного Правительства, объявив ряд забастовок, и в течение ряда месяцев упорно саботировали советскую власть.

Союз печатников повел также активную борьбу с советской властью, когда она стала преследовать антисоветскую

печать, постановив даже „не печатать никаких газет большевистского направления впредь до прекращения преследования против печати".

Но все эти отдельные выступления не могли, разумеется, изменить общей картины движения профсоюзов, определенно поддерживавших советскую власть с момента ее возникновения.

По призыву Советов профессиональные союзы поспешили тотчас же ликвидировать все экономические конфликты и стачки, возникшие еще перед Октябрьским переворотом, с одной стороны, принимая меры к удовлетворению выставленных забастовавшими группами пролетариата требований, а с другой — беря в свои руки контроль и регулирование самого производства.

Но последняя задача оказалась на деле далеко не из легких.

Не говоря уже о том, что в условиях общей разрухи, недостатка сырья, топлива и т. п., между отдельными союзами и даже ячейками одного и того же союза на этой почве происходили неизбежные столкновения, тяжело отражавшиеся как на единстве рабочего движения, так и на самом регулировании производства,— даже созданным центральным контрольным органам*) эта задача оказалась не по-плечу, так как она включала в себя ряд сложнейших и ответственных задач по снабжению предприятий сырьем, топливом, финансами, продуктами питания и одежды, по организации транспорта, товарообмена, распределения готовых изделий и т. п.

Ко всему этому профсоюзы оказались совершенно неподготовленными, благодаря чему осуществляемое ими регулирование сплошь и рядом приводило к совершенно обратным результатам.

Упорядочение дела стало наступать только после того, когда производственно-регулирующие функции были изъяты от контрольных рабочих органов и целиком переданы специально созданных для этой цели советам народного хозяйства на местах и ВСНХ — в центре.

*) По декрету от 27 ноября 1917 г. были созданы как местные советы рабочего контроля, так и Всероссийский Совет рабочего контроля. Наряду с ними вопросами же рабочего контроля ведал также Центральный Совет фабрично-заводских комитетов.

Образование последних и декретирование национализации всей крупной и средней промышленности происходило на грани второго периода в деятельности профессиональных организаций. Освободив профсоюзы от несвойственных им задач регулирования производства, оно не освобождало их от участия в создании новых хозяйственных органов, призванных взять в свои руки управление национализированной промышленностью.

Ниже мы подробнее остановимся на этой новой роли профсоюзов и их участии в этой работе; теперь же, чтобы покончить с первым периодом послеоктябрьского профессионального движения, нам необходимо еще остановиться на его организационной стороне.

Октябрьская победа пролетариата, сопровождавшаяся решительным осуществлением диктатуры рабочего класса во всех областях жизни и в том числе, разумеется, в первую голову в области экономических отношений, неизбежно должна была толкать на путь профессионального объединения самые отсталые и темные рабочие массы.

Благодаря этому, хотя в крупных промышленных центрах, вследствие стихийно прогрессировавшей дезорганизации производства, число рабочих сильно сокращалось и вместе с этим уменьшалось и количество организованного пролетариата, по всей стране наблюдалась обратная картина: число ячеек профсоюзов и их членов стихийно росло, и к январю 1918 г. оно уже успело перевалить за 2.500.000 человек.

Отчасти этому росту профессионального движения в провинции способствовало также и то, что туда, ближе к хлебу и сырью, стало частично перемещаться и само производство.

Но главной причиной роста профессиональных организаций являлось уже указанное выше вовлечение в движение совершенно неорганизованных ранее элементов пролетариата и проникновение самих организаций в наиболее глухие и мало развитые в промышленном отношении районы.

Этот численный рост профорганизаций, начавшийся, правда, еще с февральской революции, не мог не отразиться понижением общего уровня членов союзов.

Если в атмосфере революционных выступлений это обстоятельство отчасти скрадывалось подъемом настроений всей рабочей массы, то, после перехода к более будничному периоду

работы, оно должно было сказаться особенно сильно и поставило перед самими профсоюзами огромной важности задачу по поднятию культурно-политического уровня своих членов.

Самый механизм советского строя также много содействовал росту профессиональных организаций и в большинстве союзов уже к концу первого периода послеоктябрьского профессионального движения стала стираться грань между добровольным и обязательным членством. Но так как своего апогея эта сторона профессиональных союзов достигла уже в период военного коммунизма, мы будем еще иметь случай к ней вернуться.

В самом строительстве профессиональных союзов было достигнуто следующее: все более последовательно проводился в жизнь производственный принцип организации союзов, постепенно вытесняя и ликвидируя прежние попытки создания цеховых объединений.

Постепенно также усиливались и оформлялись междусоюзные объединения как местные, так и Всероссийское в лице ВЦСПС. Но положение их окончательно укрепилось лишь после II Всероссийского съезда профессиональных союзов, более твердо установившего их функции и учевшего весь предшествовавший опыт.

В области работы по улучшению условий труда профсоюзы в этот период смогли сделать значительный шаг вперед, перейдя от частичных улучшений к объединению их посредством коллективных договоров.

В период зимы 1917—18 г.г. такие крупные коллективные договоры были заключены в горной и металлической промышленности. В этих договорах фиксировался 8-часовой рабочий день, непрерывный 42-часовой праздничный отдых, последовательно проводились общие принципы охраны труда и повышался размер заработной платы.

Однако, последнее было совершенно фиктивно, так как непрекращавшееся обесценение денег и прогрессировавшая параллельно с этим дороговизна стали сводить заработную плату рабочего к такому мизерному минимуму, не покрывавшему самых основных его потребностей, что это обстоятельство в сильной степени ослабляло значение всех остальных положительных сторон этих коллективных договоров.

Результаты всей проделанной в этот период работы были закреплены в ряде конференций и съездов отдельных союзов и в двух всероссийских съездах всех профессиональных организаций.

На первом всероссийском съезде профессиональных союзов, происходившем с 7 по 14 января 1918 года, приняли участие 416 делегатов от 19 всероссийских объединений, 20 областных, 48 губернских советов профсоюзов и 162 местных союза.

К этому времени количество членов профессиональных организаций характеризуется следующими цифрами: 2.532.000 чл. были объединены в 19 всероссийских объединениях, 1.878.000 ч. являлись членами местных советов профессиональных союзов, и 162 союза объединяли 2.638.812 членов.

Цифры эти покрывают одна другую, так что общее количество профессионально-организованного пролетариата равнялось 2.638.812 чел.

Из отдельных наиболее крупных объединений — металлисты насчитывали в своих рядах 600.000 членов, текстильщики—около 500.000, сахарники—200.000, кожевники—200.000, химики — 150.000, торгово-промышленные служащие — 150.000.

Первый всероссийский съезд профессиональных союзов, хотя и не дал исчерпывающей формулировки принципов производственной организации, но значительно содействовал осуществлению производственной перестройки союзов, дав соответствующую директиву местным профессиональным советам.

Еще более посодействовал он проведению в жизнь централизации производственных объединений, установив подчинение местных отделений союзов губернским отделам, а этих последних всероссийскому объединению.

Сам Всероссийский Центральный Совет Профессиональных союзов (ВЦСПС) был также реорганизован на этом съезде, и в основу его было положено пропорциональное представительство от централизованных союзов (до 50.000 — 1 представитель и на каждые следующие 50.000 по одному представителю).

Такое построение руководящего органа гарантировало ему необходимый авторитет для всего профессионального движения.

Наконец, на этом же съезде было положено начало ликвидации этой двойственности в профессиональном движении, которая вытекала из самостоятельного объединения фабрично-заводских комитетов.

Согласно решения первого съезда, сами фабрично-заводские комитеты были сохранены, как производственные ячейки соответствующих профессиональных союзов, но все объединения их как на местах, так и Центральный Совет фабрично-заводских комитетов, были распущены.

16 — 25 января 1919 г., т. е. ровно через год после первого,— собрался II всероссийский съезд профессиональных союзов.

В этом съезде участвовало 748 представителей со всех концов России от 30 всероссийских объединений (с числом членов 3.422.000), а также 82 софпрофа, в состав которых вошло 2.037.700 чел.

Одним из главных разрешенных съездом вопросов было окончательное признание руководящей роли за ВЦСПС, как верховным органом всего профессионального движения России, действующим на основании постановлений съездов и ответственным перед всероссийскими съездами профессиональных союзов.

Этим решением II съезд, правда, лишь закрепил то положение ВЦСПС, которое он успел уже сам завоевать в процессе всей предшествовавшей работы.

Было покончено на этом съезде и с установлением профессиональной дисциплины: „Все постановления всероссийских съездов", гласила принятая по этому вопросу резолюция, „конференций, а равно и ВЦСПС, обязательны как для всех союзов, входящих в общероссийское профессиональное объединение, так равно и для каждого члена. Нарушение постановлений и неподчинение таковым влечет за собой исключение из семьи пролетарских союзов".

II всероссийский съезд попытался точнее установить, если не само понятие производственного союза, то его общую схему, следующим образом характеризуя его основные признаки: а) объединение союзом всех рабочих и служащих данной отрасли промышленности, независимо от выполняемых ими функций; б) централизация кассы; в) управление делами союза на основе демократического централизма; г) выработка единым центром тарифов и условий труда для всех категорий труда; д) единообразный принцип строительства снизу до верху; ж) представительство интересов профессионально организованных рабочих и служащих данной отрасли промышленности перед внешним миром единым центром".

Строительство профессиональных союзов, проводимое на основе этих признаков, приводило к объединению и централизации всех многочисленных организаций, распыленных ранее по отдельным профессиям, в сравнительно небольшом числе руководящих штабов, вокруг которых теперь группировались массы трудящегося пролетариата.

О размерах этой работы по объединению и слиянию смешанных профессиональных организаций в производственные союзы можно судить хотя бы по следующим цифрам: в 1918 г. в Москве насчитывалось 119 отдельных союзов, а в Петербурге — 66; после же осуществления слияний число союзов сократилось до 31 — 33. Завершилось это объединение, однако, только уже в следующем периоде, и к моменту созыва III всероссийского съезда профсоюзов, благодаря дальнейшему уплотнению производственных союзов, число их дошло даже до двадцати трех.

Наступивший вскоре период гражданской войны и интервенций неизбежно должен был еще более усложнить задачи, стоявшие перед рабочим классом России.

Пламя войны и блокады, охватившее со всех сторон молодую Республику Советов, лишив ее основных баз продовольствия, сырья и топлива, обрекало рабочий класс на невероятные лишения, но оно же вызвало его героическое сопротивление, потребовав направления всех сил на дело военной обороны страны.

Задачи профессиональных организаций пролетариата в создавшейся обстановке также должны были коренным образом измениться.

Если и раньше центр тяжести работы профсоюзов из области экономической борьбы был перенесен в область организационно-хозяйственную, так что даже ставился на очередь вопрос о превращении их в органы государственной власти, то теперь для такого превращения было еще больше оснований.

Нищета и разорение страны достигли, казалось, крайних пределов.

Недостаток топлива парализовал прежде всего транспорт, обрекая крупные промышленные центры на муки голодной смерти. Производство останавливалось и замирало, а рабочие массы, спасаясь от гибели, стихийно бросали фабрики и заводы, направляясь в деревни.

Распыление же пролетариата, которое стало принимать огромные размеры, грозило подорвать самую основу нового строя.

Задачи организации обороны страны становились во главу угла и стали осуществляться при таких условиях на основе полного подчинения всех еще уцелевших производительных сил государственным органам советской власти.

Все отрасли народного хозяйства как государственного, так и частного, были взяты на учет; все производство их стало распределяться по плану и шло для снабжения, в первую очередь, армии, затем — занятого в промышленном производстве пролетариата и, наконец, — остального населения.

На долю профсоюзов в осуществлении нового хозяйственного порядка, основанного на господстве государственного принуждения, выпало прежде всего содействие проведению „всеобщей трудовой повинности", которая явилась неизбежным следствием устранения экономических стимулов к труду.

Не ограничиваясь общим участием в области учета и распределения рабочей силы, обязанной трудовой повинностью, профсоюзы брали на себя часто и инициативу в этих вопросах, и сами выдвигали те или иные меры, которые, по их мнению, могли противодействовать непрекращавшейся борьбе контрреволюционной буржуазии и империалистов против власти Советов.

Даже сама идея проведения всеобщей трудовой повинности, прикрепления рабочих к определенным предприятиям и переброски их с одного завода на другой, была выдвинута вторым съездом союза металлистов, который продолжал и теперь идти во главе профессионального движения.

Точно также на III съезде профсоюзов, происходившем в апреле 1920 г. было вынесено постановление о производстве мобилизации по трудовой повинности.

В результате этих мероприятий все взрослое население страны было взято на учет и было обязано выполнять работы по указаниям соответствующих государственных органов. Каждый рабочий был обязан работать по назначению соответствующих органов государственной власти, будучи прикреплен к определенному производству.

Вместе с тем он прикреплялся и к своему союзу, так как последний, выполняя порученные ему задания, должен был объединить в себе все имеющиеся налицо рабочие руки.

Добровольное до того членство профсоюзов уступило теперь место принудительному включению в союз, а при этом терял смысл и прежний порядок уплаты членских взносов, который был заменен просто удержанием конторой завода причитающихся с каждого рабочего платежей, которые затем общей суммой передавались профсоюзу.

Не могла не измениться и сама профсоюзная организация. С одной стороны, на нее накладывал определенный отпечаток принудительный характер членства, а с другой — те задачи, которые она должна была выполнять в новых условиях, чтобы поддержать и укрепить власть рабоче-крестьянского государства.

Формально обязательное причисление к союзу порождало и формальное отношение большинства членов к жизни и работе своей организации.

Выполнение же заданий государственной власти содействовало тому, что как в глазах самой рабочей массы, так и по существу дела профсоюзы постепенно начинали занимать определенное место в ряду органов государства.

Не беря на себя непосредственного руководства промышленными предприятиями, которое целиком отошло к советам народного хозяйства на местах и ВСНХ в центре, профсоюзы, тем не менее, принимали близкое участие в создании как самих советов народного хозяйства, так, в особенности, в формировании заводоуправлений и других учреждений, непосредственно ведавших трестированной промышленностью.

С этой целью при союзах стали возникать особые „экономотделы“, занимавшиеся наряду с изучением конкретных планов хозяйственного строительства учетом и отбором технических сил и опытных рабочих, обладающих административно-организаторскими способностями, для привлечения их к хозяйственной деятельности.

В результате деятельности этих „экономотделов“ из рядов профсоюзов были выдвинуты тысячи кандидатов на административно-хозяйственные должности по управлению национализированными предприятиями.

Вся работа профсоюзов в этот период протекала в весьма тяжелых условиях. Производство останавливалось и замирало в ужасающей прогрессии; такими же быстрыми шагами шло и распыление пролетариата.

Особенно сильно подорвала гражданская война пролетарскую мощь Петербурга: город, насчитывавший в период войны и революции около полумиллиона фабрично-заводских рабочих, бывший кипучим центром революции, к 1919 году почти совершенно замер и опустел, и пять шестых всех фабрик и заводов его закрылись на долгие годы.

Но и по остальной России производство переживало тяжелый период упадка. Число квалифицированных рабочих повсеместно сокращалось, производительность труда катастрофически уменьшалась.

О размерах постепенного падения производства могут дать представление следующие цифры.

Общая добыча угля по России в 1918 г. спустилась до 42% довоенной, а в Донбассе она упала даже до 36%; выплавка чугуна снизилась даже до 12% довоенной нормы; добыча руды почти совершенно приостановилась.

В 1919 г. угля уже было добыто только 29%, чугуна — 2,7%, хлопчатобумажной пряжи было произведено только 6,2% довоенного количества, наконец, в 1920 г. добыча угля равнялась 27% довоенных, руды только — 1,6%, чугуна — 2,4%, мартена — 4%, хлопчато-бумажной пряжи — 5%.

Одной из главных причин падения производства на работавших предприятиях являлись постоянные недостатки топлива и сырья, из-за чего в 1919 году на каждого рабочего в среднем приходилось за год 53 потерянных рабочих дня.

Все же производство в целом упало к 1921 — 1922 г.г. до 14% довоенного.

Общее число рабочих в обрабатывающей промышленности по данным промышленной переписи 1918 г., правда, достигало 1.323.000 челов., но это была далеко не реальная цифра действительно занятых в производстве. Значительная часть рабочих отвлекалась на разного рода общественную работу: по вычислениям Струмилина в 1919 года число рабочих, оторванных революцией от станка в ряды Красной армии, на партийную, профессиональную и советскую работу достигало почти 600.000 человек*).

*) Особенно много сил пришлось выделить профсоюзам для продовольственной работы. Еще с августа 1918 г. при ВЦСПС было создано военно-продовольственное бюро, которое осуществило значительную работу по формированию и руководству вооруженными рабочими отрядами, которые

Там, где проходила волна гражданской войны, она оставляла за собой следы ужасных разрушений и страшно распыляла состав рабочей массы. Так, на Урале, после Колчака, число рабочих сократилось почти на 40%.

Еще значительнее отзывались на рядах пролетариата общая экономическая разруха, голод, эпидемия, недостаток питания и т. п.

Местами процент заболеваний и невыхода на работу по целому ряду других причин достигал почти 50% от всего числа рабочих, тогда как до войны он не поднимался выше 8%. В среднем же по всей России эти причины отрывали от станка не менее 25—30% всего числа прикрепленных рабочих. Но и производительность труда всей отсталой рабочей массы должна была неизбежно понизиться в силу целого ряда объективных причин.

Прежде всего, конечно, влияли на это чисто физиологические причины — недостаточное питание. Хотя профсоюзы и стремились обеспечить за каждым рабочим, занятым в производстве, максимум возможного продовольствия, но общий недостаток продуктов заставлял их снижать эти нормы более чем вдвое против размеров, которые требовались для восстановления физических сил рабочего *).

Но, кроме недостаточного питания, влияло также и общее снижение размеров заработной платы, упавшее до 30—32% довоенного вознаграждения. Такое снижение было неизбежно при общем оскудении ресурсов страны и побуждало рабочую массу компенсировать этот недостаток заработка работой на сторону, в ущерб производительности государственных предприятий.

Вот в каких условиях замирания производства и общего падения производительности труда, являвшихся неизбежным

направлялись в деревни в помощь местным продовольственным организациям для побуждения сдачи продразверстки. Общее число мобилизованных на эту работу членов профсоюзов только за полтора года (по апрель 1920 года) превысило 80.000 чел.

*) Среднее количество калорий, поглощаемых рабочим до войны, определяется исследователями в 3.800 калорий, из которых 2.000 шло на поддержание физических процессов организма, а 1.800 кал. возмещали затраты мускульной энергии во время работы. В 1919—20 г.г. рабочий в среднем получал всего 2.830 калорий, т. е. для работы ему оставалось лишь 830 калорий или 45% необходимой энергии.

последствием гражданской войны и интервенции, должна была протекать работа профсоюзов.

Основной задачей их в этот тяжелый период борьбы Советской Республики за свое существование было стремление поднять производительность труда живой рабочей силы или, по крайней мере, воспрепятствовать дальнейшему падению ее.

Но разрешить эту задачу целиком в условиях гражданской войны и военного коммунизма было не так-то легко.

Еще на II всероссийском съезде было принято постановление, согласно которому „основным принципом регулирования заработной платы в связи с борьбой за восстановление хозяйственных сил страны должна служить ответственность рабочих и служащих за производительность труда перед своим союзом, а последнего — перед общеклассовыми объединениями пролетариата".

Но правильно учитывая, что широкие рабочие массы не могут сразу проникнуться новой психологией и отрешиться от власти старых привычек и навыков мышления, II съезд профсоюзов полагал, что добиться этой ответственности можно будет лишь в результате длительной подготовки всего рабочего класса.

Быстро усвоить новое отношение к труду в условиях рабочего государства, когда рабочий класс фактически перестал трудиться для накопления прибылей классу капиталистов, но должен заботиться об укреплении мощи своего собственного государства, могли только передовые, наиболее сознательные слои пролетариата.

Для всей же остальной рабочей массы необходимы были, помимо идеологических мотивов, чисто материальные аргументы, которые бы толкали ее на путь поднятия трудовой дисциплины и повышения производительности труда.

С этой целью в основу тарифных положений об оплате рабочей силы клалась система поощрения, была выдвинута сдельная и премиальная оплата труда, исходящая из твердой нормы выработки и повышенной оплаты за выработку сверх нормы.

В практике отдельных профсоюзов тарифная работа, наряду с их участием в работе по учету и распределению рабочей силы, неизбежно должна была занимать главенствующее положение. На первых же порах их деятельности в этой

области профсоюзам пришлось выдержать упорную борьбу со стихийным стремлением низко оплачиваемых групп рабочих добиться уравнения заработной платы с наиболее квалифицированными рабочими и служащими.

Позднее тарифная работа, проводившаяся местными союзами по разному, стала объединяться сперва в центральных комитетах союзов, а вслед затем общее руководство ею взял на себя ВЦСПС, которым было выработано общее нормальное положение о тарифе и схема тарифных поясов, положенных в основу дальнейшей тарифной политики.

При этом, основными принципами нормировки труда были признаны следующие положения: а) единство руководства и контроля при проведении тарифа в данном производстве; б) единая скала ставок для всех производственных союзов, построенная в соответствии со сложностью и вредностью работы, и в) единство условий труда и правовых норм для всех предприятий.

На основе перечисленных положений проходила и вся дальнейшая тарифная работа профсоюзов, и вносились видоизменения в нее под влиянием учета дальнейшего опыта и требований, выдвинутых жизнью.

Вопросами тарифной политики пришлось заниматься как третьему, так и четвертому съезду профсоюзов.

На III съезде общие экономические и финансовые условия республики уже достаточно определенно выявили всю иллюзорность системы премиальной оплаты, если последняя производится знаками беспрерывно падающей валюты. Съезд поэтому, считая необходимым продолжать добиваться повышения производительности труда, хотя и осторожно, должен был высказаться за натурализацию заработной платы и установление „целевого снабжения". В своей резолюции, вынесенной по этому вопросу, он признал, что снабжение трудящихся продовольствием и предметами первой необходимости должно происходить „в зависимости от производительности и хозяйственной важности их труда для государства".

IV съезд профсоюзов, происходивший уже в условиях радикального пересмотра прежней экономической политики, не смог, однако, еще осознать всего значения этих изменений и, возвращаясь снова к вопросу об условиях оплаты труда, высказался за полную замену денежной формы снабжением

рабочего класса „материально-вещественным государственным снабжением, покрывающим его потребности“, и за установление „коллективной формы снабжения фабрик и заводов“ с уничтожением карточной системы. Но эта мера вскоре оказалась совершенно ненужной, так как дальнейшее развитие начал новой экономической политики Советской власти дало в руки государства более могучий стимул поднятия производительности труда.

Внутри-организационная работа профсоюзов в период военного коммунизма протекала следующим образом:

Число членов профсоюзов, несмотря на распыление пролетариата крупных промышленных центров, продолжало довольно быстро возрастать.

Объяснение такого странного, на первый взгляд, явления заключалось в том, что за годы военного коммунизма, вследствие введения всеобщей трудовой повинности, во-первых, сильно возросли кадры разного рода обслуживающего персонала на фабриках и заводах, а во-вторых, невероятно разбухли и размножились советские учреждения не только в столицах и губернских центрах, но даже в уездах и волостях.

В январе 1919 г. во всех профсоюзах числилось 3.640.000 членов; к апрелю 1920 г. число их возросло до 4.325.000 чл., а к моменту созыва IV съезда профсоюзов (в мае 1921 г.) достигло даже чудовищной цифры — 8.486.000 чл.

Это разбухание профсоюзов, происходившее на основе принудительного членства, было явлением глубоко ненормальным, вредно отражавшимся на всей внутренней жизни профессиональных организаций.

Подавляющая масса членов была лишь формально связана с профсоюзом; от них не требовалось никакой активности, так как и регистрация, и даже уплата членских взносов производились автоматически конторой завода или учреждения.

А отсутствие активности членства при усложнении задач, возлагавшихся на профсоюзы, неизбежно сказывалось на их организации; аппараты профсоюзов также непомерно разбухали, бюрократизировались; вместо живой творческой работы, пробуждающей самодеятельность у рабочей массы, преобладала формальная связь, циркуляры, предписания и прочие методы администрирования.

Разбухание аппаратов профсоюзов сплошь и рядом достигало таких пределов, что содержание их не только целиком поглощало все членские взносы, но все больше и больше требовало перехода на государственное снабжение.

Усложнившаяся жизнь, требовавшая от профсоюзов разнообразного содействия государственной власти в ее борьбе с окружавшими республику Советов врагами, почти на каждом шагу выдвигала все новые и новые проблемы, но в разрешении этих проблем принимала участие далеко не вся масса членов профсоюзов.

Возникавшие вопросы сплошь и рядом прорабатывались только верхами профессиональных организаций и спускались в низовые ячейки уже в окончательно решенном виде, требовавшем от последних только исполнения.

Живая связь профорганизаций с рабочей массой при этом зачастую обрывалась, незаметно подменяясь письменными предписаниями канцелярии профсоюза.

Поскольку такой порядок вытекал из военной обстановки, требовавшей быстрых решений и еще более быстрого осуществления их, с ним, разумеется, возможно было мириться, как с явлением временным и преходящим.

Но в пассивности подавляющей массы членов профсоюзов таилась опасность, что этот метод управления профсоюзами укоренится более прочно и создаст в бюрократизирующемся аппарате союзов полный отрыв их от рабочих масс и навыки, с которыми не легко будет бороться впоследствии.

Пассивность членов на фоне деятельности только руководящих верхушек и аппаратов профсоюзов неизбежно должна была приводить к тому, что роль и значение отдельных производственных союзов и их местных отделений постепенно суживались, и они попадали в положение органов, подчиненных межсоюзным объединениям.

В этом же направлении влиял и самый характер работы, выполнявшейся профсоюзами: вопросы узко-профессионального характера были отодвинуты жизнью на задний план и на их место вплотную стали общеклассовые задачи, для выполнения которых производственные перегородки могли часто являться даже тормозом.

Эта общность выполняемых профессиональными организациями задач также выдвигала на первый план межсоюзные

объединения, и роль и значение последних в период военного коммунизма и в особенности к концу его успели настолько возрасти, что готовы были совершенно поглотить производственные объединения пролетариата.

По мере вырастания профсоюзов в условиях военного коммунизма это течение профессиональной мысли все сильнее начинало прокладывать себе путь, выдвигая идею слияния всех производственных союзов с производственными секциями внутри его.

Оно же было поддержано и решением IV съезда профсоюзов, который хотя и рекомендовал не форсировать искусственно, „во вред союзной деятельности" этого превращения в единый союз, но тем не менее высказался за такую реорганизацию, мотивируя ее необходимостью „большей концентрации производственных союзов".

Однако, перелом хозяйственной политики, происшедший в 1921 г., вскоре властно потребовал сохранения производственных организаций пролетариата, и мысль о создании единого профсоюза была окончательно оставлена.

Более рациональным оказалось стремление уплотнить действующие производственные объединения, сократив число центральных профсоюзов. Как мы указывали выше, это движение началось еще в предыдущий период, когда производственный принцип организации союзов получил окончательное признание; теперь же оно пошло еще дальше, но не обошлось без бюрократических извращений и искусственного слияния и привело к сокращению числа центральных союзов с 31 до 22: были слиты союзы железнодорожников и водников, работников леса с работниками земли, пищевиков с табачниками, щетинщиков с кожевенниками, цементщиков со строительными рабочими и т.п.

К моменту созыва IV съезда профсоюзов эти централизованные и уплотненные союзы опирались на местах на 1.367 губернских отделов. Число губернских межсоюзных объединений (ГСПС) равнялось 78, которые, в свою очередь, опирались на 557 упрофбюро и 427 поселковых секретариатов. Общее число всех профорганизаций достигло внушительной цифры 8.296 и представляло собою достаточно стройную и организационно мощную систему, работавшую по директивам съездов и постоянного руководящего центра всех профсоюзов—ВЦСПС.

Помимо задач, о которых нам уже приходилось говорить выше, профсоюзами в это время осуществлялась в довольно крупных размерах просветительно-культурная работа: повсеместно организовывались рабочие клубы, школы для подростков, вечерние курсы и курсы повышенного типа, преследовавшие задачи как общего, так и профессионально-технического образования. Насколько широко была развита такая работа можно судить хотя бы потому, что только в Москве и Московской губернии к началу 1921 г. числилось 274 профтехнических учебных заведения почти с 20.000 учащихся.

Влияние профессиональных организаций выходило далеко за рамки чисто производственных отношений и сказывалось буквально на всех сторонах жизни рабоче-крестьянского государства, будучи частично закреплено и в его конституции, согласно которой за профсоюзами было признано самостоятельное представительство при выборах в Советы.

Но это влияние далеко не ограничивалось пределами России. Как только борьба пролетариата прорвала стальное кольцо блокады, определенно почувствовалось их влияние на западно-европейский и даже на мировой пролетариат.

До этого момента все попытки ВЦСПС связаться с пролетариатом Западной Европы, хотя бы по радио, предпринятые во исполнение решений еще I съезда профессиональных союзов, остались без отклика, но когда, благодаря прорыву блокады, наиболее революционно настроенные группы западно-европейского пролетариата получили возможность установить реальную связь с пролетариатом Советской России и его руководящими организациями, для последних и в том числе для ВЦСПС открылось новое, в высшей степени ответственное поле деятельности.

После ряда попыток организационно связаться с профессиональными организациями Западной Европы, независимо от их направления и платформы, ВЦСПС должен был признать ошибочность подобной тактики и в особенности после Амстердамского конгресса профессиональных союзов для него стало ясно, что необходимо начать создание новой международной организации профсоюзов, которая бы в основу этого объединения положила ясно выраженные принципы классовой борьбы пролетариата с империализмом буржуазии и не пугалась бы идеи диктатуры пролетариата.

Начало такому объединению, в конце концов, и было положено по инициативе ВЦСПС в лице Международного Совета Профессиональных Союзов.

Пересмотру основ деятельности профессиональных союзов, вызванному переходом к новой экономической политике, предшествовал серьезный кризис в самом профессиональном движении.

Система социальных отношений, установленная Советской властью в период гражданской войны, являлась в значительной степени неизбежным логическим выводом из ужасающего хозяйственного развала, с одной стороны, и необходимости сконцентрировать все средства для отпора наседавшим на рабоче-крестьянскую республику врагам — с другой.

Но эта система находилась в резком, кричащем противоречии с основами преобладавшего в стране мелкого крестьянского производства.

Крестьянство могло мириться с продовольственной разверсткой, которая лишала его большей части полученного от земли продукта только в период острой борьбы с помещиками. Но как только эта борьба стала приближаться к концу, недовольство крестьянских масс стало стихийно нарастать, выливаясь, с одной стороны, в восстаниях, охватывавших значительные районы, а с другой — в ограничении размеров своего хозяйства только собственными нуждами.

Из товарного менового хозяйства, каким оно было наполовину, если не на две трети перед войной, оно стремилось вновь стать хозяйством потребительского типа, приспособляясь к тому, чтобы по возможности все свои потребности удовлетворять внутри самого себя.

Трудно сказать, какие из этих настроений крестьянства были более опасны для рабоче-крестьянского государства.

Если стихийные восстания грозили нарушить политический союз пролетариата и крестьянства, то натурализация крестьянского хозяйства подрывала основы существования рабочего класса.

Эта опасность была осознана только к началу 1921 г., когда нараставшее недовольство народных масс, передававшееся тысячами путей от крестьянства армии и самому пролетариату, успело вылиться в кронштадтское восстание.

Но еще и до этого, начиная уже с 1920 г., имелся целый ряд признаков, свидетельствовавших о назревании кризиса военного коммунизма, как системы хозяйственных отношений.

В сфере деятельности профессиональных союзов этот кризис характеризовался непрекращавшимся падением производительности труда, чудовищной бюрократизацией управления производством, ростом недовольства рабочей массы и оторванностью верхушек организации от социальных низов.

Все попытки приостановить эти процессы, угрожавшие самому существованию Республики Советов, применением самых радикальных мер не достигали цели, и производство страны как земледельческое, так и промышленное продолжало катастрофически снижаться.

Оторванность профсоюзов от масс, о которой мы только что упоминали, стала проявляться в участившихся рабочих стачках, которым, казалось бы, не должно было быть места в рабоче-крестьянском государстве.

Эти тревожные признаки нараставшего паралича производства, с одной стороны, и отрыва верхушек аппарата профсоюзов от своей основной базы — с другой, породили зимой 1920—1921 г. г. дискуссию, развернувшуюся, однако, не в недрах самого профессионального движения, а внутри коммунистической партии.

Созванная в начале ноября 1920 г. пятая конференция профсоюзов, хотя и протекала уже в атмосфере ликвидации гражданской войны*), подошла к вопросам восстановления народного хозяйства с прежней программой деятельности, почти ничем не отличавшейся от постановлений III съезда профсоюзов.

В принятых на ней резолюциях, правда, неоднократно повторялись призывы о необходимости „вовлечения широких масс в процесс усиленного развития производственных сил Советской республики", но методы профессиональной работы по существу были оставлены прежние.

Но не успела закончить своих работ эта конференция, как выступление т. Троцкого на пленуме Центрального Комитета РКП положило начало широкой дискуссии о профсоюзах.

*) Остатки врангелевского фронта к этому моменту были уже ликвидированы. Война с Польшей закончилась.

В этой дискуссии выявились три следующих основных точки зрения.

Л. Д. Троцкий, хотя и выдвигал необходимость „перетряхивания“ профсоюзов, но по сути дела в основном не только сохранял хозяйственную политику периода военного коммунизма, но даже стремился усилить ее, придав деятельности профессиональных организаций недоставшую им четкость.

Эту „четкость“ тов. Троцкий усматривал в том, что профсоюзы, с одной стороны, должны отбросить то, что составляло их существо в буржуазном обществе — классовую защиту экономических интересов пролетариата, а с другой — они должны более тесно срастись с хозяйственными органами, в руках которых сосредоточено управление производством.

Это „сращивание“, по мнению Троцкого, должно было влить новый дух в работу профсоюзов, оживить профессиональное движение и ликвидировать назревший кризис.

Платформу Л. Д. Троцкого частично поддерживал Бухарин, а целиком к нему примкнула группа коммунистов из Центрального Комитета союза транспортных рабочих.

Против позиции тов. Троцкого еще 9 ноября 1920 г. на пленуме ЦК РКП резко выступили В. И. Ленин и М. Томский.

Позднее к ним примкнули Рудзутак, Зиновьев, Калинин, Каменев, Артем, Лозовский, Петровский и Сталин. Платформа этой группы Центрального Комитета, получившая известность под именем „платформы десяти“, в основном сводилась к тому, чтобы сохранить существовавшее положение профсоюзов, при котором последние, принимая участие в реорганизации и переустройстве хозяйства на социалистических началах, сохранили бы за собой характер классовой основы диктатуры пролетариата и продолжали бы оставаться школой коммунизма, организуя широкие пролетарские массы, обслуживая все стороны повседневной жизни трудящихся и широко вовлекая их в дело государственного строительства.

Наконец, третьей группой в этой дискуссии выступила „рабочая оппозиция“ во главе с А. Шляпниковым — председателем ЦК союза металлистов.

Она в своей платформе пошла значительно дальше т. Троцкого, выдвинув вместо сращивания профсоюзов с хозяйственными органами, управляющими производством, полную

передачу всего дела организации и управления промышленностью в руки профессиональных союзов.

Эта дискуссия продолжалась в течение 4 месяцев, и вопрос о задачах профсоюзов был перенесен на X съезд РКП в марте 1921 г., где победила точка зрения Ленина и „группы десяти".

Съезд отверг как полную передачу управления промышленностью в руки профсоюзов, правильно усмотрев в этом уклон в сторону синдикализма, так и сращивание профсоюзов, с хозяйственными организациями.

Но хотя на этом же съезде было положено основание новым способам хозяйственного строительства Советской республики, на деятельности профсоюзов этот перелом еще никак не отразился. А благодаря этому и самый исход спора о задачах профессиональных союзов не оказал влияния на переживаемый профессиональным движением кризис, затянув разрешение его почти на год.

Разрешение кризиса наступило лишь после нового пересмотра задач профсоюзов в изменившейся хозяйственной обстановке, которое опять-таки было осуществлено первоначально не самими профсоюзами, а центральными органами коммунистической партии: 17 января 1922 г. было опубликовано, наконец, авторитетное постановление по этому вопросу Центрального Комитета РКП, а в марте того же года новая точка зрения на задачи профсоюзов была санкционирована и подробно обоснована XI партийным съездом.

Весь же промежуточный период, от начала первой дискуссии в ноябре 1920 г. до решений ЦК РКП в январе 1922 г. наполнен безуспешными попытками самих профессиональных организаций пролетариата найти выход из затянувшегося кризиса.

Этого выхода не мог найти ни IV съезд профессиональных союзов, который, хотя и происходил уже после принятия X съездом основных начал новой экономической политики, но еще был не в состоянии оценить и учесть те изменения, которые неизбежно должны были произойти во всем хозяйственном строе республики, — ни первый пленум ВЦСПС, происходивший уже в октябре 1921 г.

IV съезд профсоюзов, как мы уже упоминали, продолжал еще целиком идти по пути дальнейшей реорганизации производственных союзов в единый союз и усиления межсоюзных

объединений пролетариата. Но одновременно с этим, считаясь с начавшейся уже децентрализацией органов управления промышленностью, он склонен был децентрализовать и работу профсоюзов, предоставляя известную самостоятельность межсоюзным объединениям на местах (губпрофсоветам и упрофбюро).

Несмотря на оппозицию этому решению, немедленно же проявившуюся со стороны самих производственных союзов, решения IV съезда по организационному вопросу не только проводились в жизнь, но еще были усилены постановлениями октябрьского пленума ВЦСПС, который, стремясь ликвидировать начавшуюся борьбу между производственными союзами и межсоюзными объединениями, определенно стал на защиту последних.

Вследствие этого на местах почти повсюду широкой полосой осуществлялось упразднение губернских и уездных отделений производственных союзов и поглощение их аппарата и средств межсоюзными органами. В особенности сильный нажим в этом смысле был произведен на культотделы профсоюзов, ликвидация которых в корне дезорганизовала всю их культурно-просветительную работу.

К моменту пересмотра этой политики Центральным Комитетом РКП, приостановившим разгром производственных союзов, в отдельных районах было ликвидировано около двух третей уездных профессиональных организаций и свыше 50% губернских отделов профсоюзов.

В тарифной политике профсоюзов IV съезд, как мы уже указывали, еще продолжал стоять целиком на необходимости натурализации заработной платы и искал спасения в организации обменных фондов промышленных преприятий, чтобы на них получить продукты деревни.

Вслед за обменным фондом было установлено коллективное снабжение предприятий продуктами питания и первой необходимости, которое должно было вызвать общую заинтересованность всех рабочих данного предприятия в поднятии производительности, с одной стороны, и сокращение разбухших штатов — с другой.

Но вскоре обнаружились недостатки в этой системе снабжения, которая незаслуженно ставила в привилегированное положение те предприятия, в которых штаты предшествовавшего периода были особенно велики. Тогда на смену

коллективному снабжению пришла бюджетно-сдельная система которая учитывала не количество рабочих рук на предприятии, а количество вырабатываемого продукта.

Этот способ оплаты труда рабочих всего предприятия в целом опирался уже определенно на систему сдельной оплаты каждого отдельного рабочего.

Еще позднее, а именно, в октябре 1921 г. сперва на второй тарифной конференции, а затем и на первом пленуме ВЦСПС были окончательно выработаны новые основания тарифного Наказа, который, сохраняя натуральный характер заработной платы, окончательно уже порывал с уравнительной системой выдач: все получаемое рабочими—продовольствие, одежда, предметы широкого потребления и коммунальные услуги — засчитывалось в счет заработка, а последний выдавался по полной ставке только за полную норму выработка.

Основы сдельной расплаты были этим окончательно установлены и стали применяться возможно шире, где только их допускала организация самого производства.

Повышая иногда довольно значительно заработок квалифицированных рабочих, новый тарифный наказ не мало посодействовал восстановлению производительности труда и возрождению производства[1]). Одновременно же с ними шло и сокращение штатов всех производственных предприятий, которые постепенно стали приближаться к нормам довоенного времени.

Но все эти результаты стали обнаруживаться лишь позднее, когда изменение характера деятельности профессиональных союзов в связи с новыми условиями хозяйственного строительства было окончательно сформулировано январским постановлением Центрального Комитета РКП.

Это постановление следующим образом наметило общую линию работы профсоюзов в новых условиях.

Исходя из положения, что новая экономическая политика не вносит изменения в сущность советского государства, а лишь изменяет методы и формы социалистического строительства, постановление ЦК указывало, что при этом в практической работе профсоюзов на первый план должна выступить защита интересов пролетариата.

[1]) В то время, как в 1920 г. заработок квалифицированного рабочего в среднем лишь на 40/0 был выше оплаты труда чернорабочего, к концу 1922 г. он стал превышать его более чем в 2½ раза.

„Настоятельная необходимость повысить производительнось труда, — гласило это постановление ЦК, — добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами предприятий или ведомствами, коим они принадлежат. Поэтому по отношению к социализированным предприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению их быта, постоянно поправлять ошибки преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения государственного аппарата".

По отношению же к частно-капиталистическим предприятиям позиция профсоюзов должна быть совершенно иной.

В этих предприятиях профсоюзы, объединяющие широкие пролетарские массы, не могут не видеть своего классового врага, по отношению к которому допустима самая беспощадная борьба. Но, ведя эту борьбу с настойчивостью и упорством и опираясь в этой борьбе на авторитет принудительного аппарата пролетарского государства, профсоюзы и в этой области не должны игнорировать интерес хозяйственного строительства Советской республики, и применять, например, такое средство борьбы, как стачки, они не должны всюду и во что бы то ни стало.

Тем более должны быть признаны недопустимыми стачки на государственных предприятиях, хотя они и могут там возникнуть, являясь каждый раз результатом либо бюрократического извращения хозорганов, либо культурной и политической отсталости пролетарских масс.

Во всех таких случаях профсоюзы должны стремиться ликвидировать причины, вызвавшие данное обострение при помощи конфликтных комиссий, примирительного разбирательства, всячески удерживая рабочую массу от объявления стачки.

Их прямой обязанностью в таких случаях является—гласит постановление ЦК: „содействовать наиболее быстрому и безболезненному улажению конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо

только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса".

Забота профсоюзов об улучшении материального положения рабочих масс и тесная связь их с пролетарской массой должны были, по мысли ЦК являться надежными средствами изжить кризис профессионального движения и вывести последнее на широкий путь дальнейшего развития.

С этой целью профсоюзам рекомендовалось обратить самое серьезное внимание на оздоровление своего аппарата—на поднятие своего авторитета в глазах рабочей массы, на развитие среди членов профсоюзов культурно-просветительной работы и, наконец, на необходимость самой упорной идейной борьбы с мелко-буржуазными влияниями и уклонами в области профессиональной работы.

Это постановление Центрального Комитета, наметившее общую линию работы профсоюзов, более детально было проработано на втором пленуме ВЦСПС, состоявшемся в феврале 1922 г. и наметившем практические пути перевода профсоюзов на новые методы работы.

В организационном отношении было восстановлено прежнее значение производственных союзов и на них было возложено главное руководство по направлению политики заработной платы и заключению коллективных договоров.

Низовыми ячейками по проведению договоров и тарифов в предприятиях были признаны расценочно-конфликтные комиссии, и в круг ведения их, как первой инстанции, были отнесены „вопросы и разногласия, возникающие на почве толкования и применения коллективных договоров".

За межсоюзными же объединениями было оставлено лишь общее руководство тарифной политикой, установление минимума заработной платы, ниже которой не разрешалось оплачивать наемный труд вообще, инструктирование союзов по вопросам тарификации и нормировки оплаты труда, выработка примерных коллективных договоров и представительство союзов в плановых государственных органах, определяющих общий фонд заработной платы и распределение его между отдельными отраслями промышленности.

Всеми профсоюзами за период с февраля по сентябрь1922 г. был осуществлен, кроме того, просмотр всего состава своих членов, проведена перерегистрация их, в результате которой

из союзов были удалены все случайные элементы, по необходимости попадавшие в них при принудительной регистрации.

К моменту созыва V съезда профсоюзов, происходившего в сентябре 1922 г., благодаря этим мерам общее число членов профсоюзов сильно уменьшилось: вместо 8.500.000 чл., числившихся во время IV съезда, осталось всего 5.800.000 членов.

Наряду с перерегистрацией, профсоюзами последовательно был проведен и переход на добровольное членство; осторожный подход к этому вопросу и сохранение за членами профсоюзов многих льгот содействовали тому, что при проведении этой меры, когда каждый рабочий должен был подтвердить свое желание оставаться в союзе, последние сохранили 95—98% своего основного состава.

Наконец, серьезное внимание было обращено на упрощение и сокращение профессиональных аппаратов. Благодаря принятым в этой области мерам, удалось добиться укрепления финансового положения союзов, сильно сократив расходы.

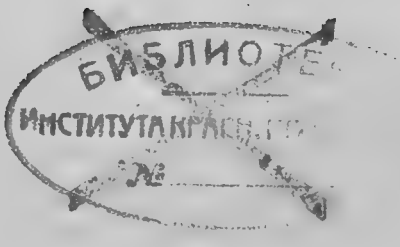
Деятельность реорганизованных профсоюзов, направленная к поднятию экономического положения рабочей массы, не замедлила дать определенные результаты. В то время, как в 1920—21 г.г. средняя заработная плата рабочего составляла всего лишь 32—39% довоенного заработка, к концу 1922 г. она успела подняться уже до 52%.

Постепенно она продолжала подниматься и в последующие годы, стремясь не только достигнуть довоенного уровня, но по возможности и перешагнуть через него. Также постепенно отмирала и натурализация заработной платы, и в 1923 г. она почти повсеместно целиком была заменена денежной платой. Последняя же до момента стабилизации денег, чтобы предохранить рабочего от потерь, исчислялась в товарных рублях.

Параллельно с заработной платой повышалась и производительность труда рабочего; к концу 1922 года удалось достигнуть повышения ее почти на 100% по сравнению с 1920 г., но тем не менее она все еще продолжала сильно отставать от довоенного размера, достигнув всего лишь 51% последнего.

Стремление рабочей массы поскорее улучшить свое материальное положение было настолько сильно, что на этой

почве в 1922 г. только по Петербургской и Московской губерниям было зарегистрировано 4.195 конфликтов. Подавляющее большинство их было ликвидировано самими профсоюзами в примирительных органах, и только в 39 случаях дело дошло до забастовок. Общее количество конфликтов по всей России за этот период нам неизвестно; общее же количество стачек за 1922 г. достигло 145 с 54.000 человек участников.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Вместо предисловия 3

Возникновение легальных касс и обществ взаимопомощи среди рабочих и ремесленников 7

Начало подпольной профессиональной борьбы . . . 22

Профессиональное движение в период первой революции . 34

Борьба профессиональных союзов за свое существование в годы реакции 57

Профессиональное движение в годы промышленного подъема и империалистической войны 68

От Февраля к Октябрю 93

Профессиональное движение после Октябрьской революции 107

Цена 65 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07.

Москва, Кузнецкий мост, д. 5/15, пом. 15, подъезд 6.
Телефоны: 3-01-99 и 3-17-55.